

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СЕТЕВУЮ ЭПОХУ:

СТАТЬИ, ИНТЕРВЬЮ, ЭКСПЕРТНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Русское общество истории и философии науки

**Новые социальные движения в сетевую эпоху:
статьи, интервью, экспертные заключения**

Монография

Серия:

*Библиотека кафедры социальной философии и философии истории философского
факультета МГУ имени М.В.Ломоносова*

Москва

Русское общество истории и философии науки
2020

УДК 17:316
ББК 60.5
Н72

Рецензенты:

Герасимова Ирина Алексеевна, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН
Емелин Вадим Анатольевич, доктор философских наук, профессор философского факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова

Ответственный редактор: доктор философских наук, профессор *Момджян К.Х.*
Научный редактор и составитель: кандидат политических наук *Бараиш Р.Э.*

Авторский коллектив: *Бараиш Р.Э. (1-ый и 2-ой разделы, Введение к 3-му разделу, Заключение), Момджян К.Х. (Гл. 7), Антоновский А.Ю. (1-ый и 2-ой разделы), Ефремов О.А. (Гл. 8), Ивахненко Е.Н. (Гл. 9), Кржезов В.С. (Гл. 10), Родин А.В. (Гл. 11), Сегал А.П. (Гл. 12), Сидорина Т.Ю. (Гл. 13), Труфанова А.И. (Гл. 14), Щербакова Е.В. (Гл. 15), Погужина Н.Н. (Гл. 16), Дряева Э.Д. (Гл. 17).*

Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения: Монография. – Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2020. – 282 с.

ISBN: 978-5-6043173-0-3

Протестные и радикальные движения (New Social Movements) формируют и заполняют собой новостную повестку, если не федеральных российских СМИ, то, по крайней мере, событийное пространство интернета. Феминистский и экологический протест, антиглобализм, волонтерские движения в защиту животных и радикальные движения болельщиков и т.д. реагируют практически на любое решение политического и хозяйственного истеблишмента, будь то строительство предприятия или федеральной трассы, открытие новой свалки или решение об ограничении прав усыновления. Однако трансформация этих социальных движений, очевидно связанная со взрывным развитием интернет-сетей, существенно подорвала значительные теоретические достижения социальных наук в интерпретации этих новых форм коммуникации, закрыв от глаз наблюдателей внутренние механизмы и сделав по сути непредсказуемыми и непрогнозируемыми несетевые выплески социально-сетевой активности. В монографии ставятся вопрос о том, сохраняет ли протестный активизм в его социально-сетевом проявлении инвариантные черты протеста как обособленной коммуникативной системы, получившей устойчивые коммуникативные формы, идеологию и институциональную структуру еще в 60-ых годах прошлого века? Или же на наших глазах возникает принципиально новая форма коммуникации, существенно отличная, как от традиционных макросистем (политики, хозяйства, науки), так и от классических протеста и активизма? Свои ответы на поставленные вопросы предлагают ведущие эксперты и социальные теоретики МГУ имени М.В.Ломоносова, Российской Академии наук, НИУ – Высшая Школа Экономики.

Оглавление

От научного редактора и составителя. Бараш Р.Э. Протестное движение – проблемы и подходы.....	5
Раздел первый. Протестное движение и его системно-коммуникативная концептуализация.....	8
Глава первая. Позитивная программа исследования радикальных движений.....	8
Глава вторая. Феноменология протеста - протест как неорганизованная организация и неинституционализированный институт	27
Глава третья. Протест и радикализм в функции общественного иммунитета	49
Раздел второй. Современное общество и социальные сети.	
Теория и практика сетевого протеста	65
Глава четвертая. Социальная самоорганизация в эпоху глобальной сетевизации	65
Глава пятая. Протестная коммуникация как нейросеть.....	82
Глава шестая. Особенности визуальной репрезентации протестной коммуникации	103
Раздел третий. Новые социальные движения. Опросы, интервью и экспертные заключения.....	125
От научного редактора и составителя. Бараш Р.Э. Экспертная анкета.....	125
Глава седьмая. Момджян К.Х. Цивилизационные ориентиры современной России. Вестернизация как вызов для социального протеста.....	132
Глава восьмая. Ефремов О.В. Вынужденная покорность как специфика отечественной протестности.....	145
Глава девятая. Ивахненко Е.Н. Протестные движения в офлайн- и онлайн-измерениях	165
Глава десятая. Кржевов В.С. Моральные императивы в политике и протесте. Методологические соображения	187

Глава одиннадцатая. Сидорина Т.Ю. «Помоги себе сам» – старый лозунг в новые мехи?	200
Глава двенадцатая. Сегал А.П. Сетевая манифестация vs несетевая манипуляция.	209
Глава тринадцатая. Родин А.В. О формах и уровнях участия в протесте	220
Глава четырнадцатая. Труфанова Е.О.. Знание и протест	225
Глава пятнадцатая. Щербакова Е.В. О протесте и протестных стереотипах	233
Глава шестнадцатая. Погожина Н.Н. Специфика социальных движений современности: как информационные технологии влияют на протест.	239
Глава семнадцатая. Дряева Э.Д. К некоторым особенностям протестного онлайн-активизма.....	244
Заключение. Бараш Р.Э. О специфике протестной коммуникации и особенностях рекрутирования сторонников активистскими объединениями в условиях новой информационной реальности по результатам экспертного опроса и массового опроса	251
Список литературы	275
Наши авторы	281

От научного редактора и составителя. Бараш Р.Э.

Протестное движение – проблемы и подходы

Современная рефлексия новых социальных движений сталкивается с существенными трудностями, связанными с резким эволюционным скачком, который претерпели активистские и протестные формы коммуникации за последние десять лет. Эти движения постепенно кристаллизуются в XX веке, достигают пика развития в 60-х годах и непрерывно развиваются, оказывая все большее влияние на политическую и общественную жизнь, и как казалось, принимают устойчивые коммуникативные формы, получающие весьма детальное (и до недавних пор казавшееся удовлетворительным) социально-теоретическое описание и философское осмысление в трудах ведущих теоретиков и даже «лидеров» соответствующих дисциплин.

Казалось, что возникла и оформилась новая и функционально важная коммуникативная система с функцией «коррекции наблюдения» и дефицитом рефлексии, свойственным традиционным коммуникативным макросистемам (политики, хозяйства, технонауки и т.д.).

Эта общая идея «коррекции наблюдения» получает самые разные теоретические облачения. Так, структурно-критический подход настаивает на функции вскрытия протестом структурных напряжений или противоречий, возникающих в обществе (А. Турен, Лаклау Э., Муфф Ш., К. Оффе). В системно-коммуникативном подходе функция протеста проявляется в компенсации социальной дезинтеграции; в ресурсно-мобилизационном подходе активизм и протест рассматривается как ресурс получения и максимизации индивидуальной «прибыли» или «полезности» в сравнении с издержками, связанными с участием в движении; в подходе теории конфликтов протест понимается как коллективный актор, способный занимать политические позиции в рамках данной политической системы, используя собственные ресурсы; а в символически-интеракционистском подходе протестное движение выделяется как ключевой фактор социальной динамики, состоящий в борьбе за публичное определение ситуации, как фактор в определении, генерировании и продвижении собственной идентификации, воплощение новых образов жизни.

В то же время пока что социальные сети не интерпретируются как (коллективные) субъекты нового типа, как аналоги индивида, облеченного

хотя бы некоторыми функциями сознания или рефлексии, т.е. способностью воспринимать сенсорные импульсы из внешнего (несетевого) мира, процессировать эти импульсы в своей квази-нейронной сети и принимать решения, реализуя моторные функции в виде несетевой активности (митинги, электоральное поведение, акции и т.д.).

Развивая означенные подходы, наше исследование опирается на логику и методологию современных зарубежных разработок в данной области, но имеет преимущество перед ними в том, что прицельно рассматривает в качестве специальной задачи оценку системно-коммуникативных факторов формирования, воспроизводства и распространения новых социальных движений и сопровождающей протестной идеологии в условиях информационного общества и возможные пути их взаимодействия с социокультурными переменными. Существующие зарубежные исследования в этой области не могут быть прямо перенесены на отечественную почву в связи со спецификой элементов общественного сознания, социокультурной, экономической ситуаций и особенностей отечественной истории.

Таким образом, на сегодняшний момент сформулированы теоретические основания, включающие в себя философский анализ причин возникновения протестных коммуникаций, его социально-психологических факторов, механизмов функционирования новых социальных движений. В то же время эти положения не связаны с актуальным систематизированным эмпирическим материалом, отражающим сегодняшнее состояние российского (постсоветского) и мирового обществ. Многие обобщения и выводы делаются на основе единичных, но привлекающих внимание своей эффектностью фактах общественной жизни. Малоизученным остается механизм взаимодействия массового и индивидуального сознаний с феноменом радикализма и протеста. Особенную актуальность приобретает задача оценки роли когнитивных и ценностно-личностных факторов, опосредованных современными технологическими средствами, в формировании радикалистских ценностей, убеждений и поведения. Восполнение этого недостатка позволит не только оценить отношение общества к активизму, протесту и радикализму, но также выявить новые факторы, определяющие их востребованность, предоставить необходимые базовые данные для проектирования комплекса мер по поддержке институтов гражданского общества в форме протестного активизма и, одновременно, противодействию распространению радикальной идеологии.

Данная монография, с одной стороны, ставит своей целью постановку проблемы наблюдательной недоступности новых социальных движений, замкнуто и обособлено кристаллизующихся в их социально-сетевой форме, а с другой стороны, предполагает решение этой задачи путем реконструкции, по крайней мере, некоторых программных механизмов сетевой активности; предлагаются ответы на вопрос о том, что же собой представляют эти сетевые новообразования с точки зрения современной социальной теории, социально-философской рефлексии, а также системно-коммуникативной теории; предполагается ответить на вопрос о том, каковы их функции и дисфункции для общества в целом, каковы их перспективы, рефлексивные, реактивные и проактивные свойства и способности (реактивные – в смысле способности реагировать на общественные проблемы, проактивные – в смысле генерировать новые решения старых проблем). Целью исследования являются ответы на следующие вопросы: сталкиваемся ли мы сегодня, говоря метафорически, с неким подобием «борьбы за инвестиру», имевшей место в Средневековье, в которой, как известно, политическая коммуникативная система «одержала победу» над коммуникативной системой религии, в свою очередь претендовавшей на доминирование и коммуникативный приоритет? Будет ли будущее мирового общества (и если да, то как долго?) определяться борьбой между протестной сетевой активностью и политической коммуникативной системой, пытающейся обуздать и подчинить протест и активизм собственным интересам и правилам коммуникации? Или политике самой придется принять и перейти на сетевые формы жизни, и тогда недостатки и коммуникативный дефицит политики (ее элитарность, медлительность делиберативных процедур обсуждения и принятия коллективно-обязательных решений), наконец, компенсируются сетевыми формами согласования и взаимоучета базовых интересов?

Редакторы и авторы монографии ставят перед собой следующую цель: предложить объяснение новых социальных движений как комплексной, динамической коммуникативной системы, основанной на собственных уникальных символических медиа коммуникативного успеха, собственных медиа распространения информации, обеспечивающих формирование новой коммуникативной системы сетевого протеста.

Раздел первый. Протестное движение и его системно-коммуникативная концептуализация

Глава первая. Позитивная программа исследования радикальных движений

К вопросу генезиса радикальных форм коммуникации

В современном обществе протестные и радикальные социальные движения приобретают системные формы, и, по-видимому, не являются исторически случайными и преходящими формами социальности, а выполняют значимые эволюционные и коммуникативные функции. Мы можем в самом общем виде сформулировать проблему теории радикальных протестных движений в виде следующей дилеммы:

«Являются ли новые социальные движения новой коммуникативной системой, соразмерной традиционным коммуникативным макросистемам (таким, как политика, экономика, религия, наука, искусство, семья, правовая система) и выполняют ли они в связи с этим некоторую особенную задачу-функцию, которую способны осуществить только они и которая имеет значение не только для их собственного воспроизводства (автопоэзиса), но и поставляет свои достижения и продукты в распоряжение других систем?»

Первый аргумент, который необходимо привести в контексте сформулированной дилеммы, указывает на очевидную избыточность функции радикальных движений. Ведь раньше общества и функциональные системы в их перспективных планированиях и реакциях на существующие аномалии и дисфункции обходились без добавочного генератора альтернатив. Эта задача с избытком покрывалась массмедийной критикой существующих институтов, критикой и программной рефлексией со стороны институционализированной (партийной) оппозиции, которая не требовала каких-то (автопоэтически воспроизводящихся) экстра-парламентских форм поддержки для своих требований, а конкуренция в экономике обеспечивала достаточное разнообразие услуг и товаров, мотивировала спрос и способствовала ее динамичному развитию, в то время как экономические дисфункции (экологические эффекты, экономические кризисы, диспропорции

в доходах, чрезмерная эксплуатация) до определенной степени компенсировались политически-мотивированными налоговыми перераспределениями.

Конечно, вопрос «зачем потребовались новые движения?» изначально обременен телеологизмом. Он предполагает, что «общеобщественные» функции и задачи как бы ждут своего часа, когда, наконец, появится некий агент, неважно индивид или институт (парламент, наука, университет, профсоюз, Петр I, и т.д.), способный ответить на некий общественный запрос или потребность.

Напротив, системно-коммуникативная методология для ответов на такого рода *вопросы* («зачем?») требует существенного изменения оптики наблюдения коммуникативных систем и обращения к эволюционной теории. Не имея возможности подробно обсуждать здесь проблему социальной эволюции, заметим лишь, что современный эволюционизм (в его *неодарвинистской* или *синтетической* версии) не предполагает, что эволюция порождает новые эволюционные формы *ради выполнения особой задачи, их «взаимополезного» или «симбиотического» развития*¹.

Этот вопрос функционального генезиса мы предлагаем решать в общеэволюционном ключе, исходя, с одной стороны, из принципа простой *структурной совместимости* некоторой новой эволюционной формы с другими видами и популяциями (словами Фейерабенда, anything goes – what goes), а с другой – требуя от новых эволюционных форм не только генетической вариативности (*мутаций*), жизнеспособности фенотипа в сопряженности с внешней средой (*естественный отбор*), но и в первую очередь выполнения функции *стабилизации* или закрепления новообразованных признаков и свойств на уровне *популяций*².

Применительно к обществу и социальным движениям, в частности, это предполагает накопление некоторой критической массы новых способов коммуникации, новых типов наблюдения и соответствующих самоописаний³.

¹ Как если бы в природе существовала некоторая потребность в кислороде, и ради этой потребности или цели, наконец, в определенный момент появились высшие растения с (побочной!) функцией окислительного фотосинтеза. То, что симбиотические формы сплошь и рядом возникают, как в органической природе, так и в обществе (например, власти/насилия, истины/восприятия, денег/потребления, любви/сексуальности, наконец, сознания/коммуникации [Антоновский 2017, 207]), доказывает лишь успешность эволюционной формы *симбиоза*.

² См. приложение этого эволюционного принципа к коммуникативным системам. См.: Antonovsky A. Technologies of the Electoral Process: A Field Study of the Possibility of Informative Communication // Russian Studies in Philosophy. 2017. Vol. 55. Iss. 1. P. 46.

³ См. разработку эволюционно-теоретической *аналогии* между видами живого, популяциями, с одной стороны, и линиями концепций и описаниями, группами исследователей, - с другой. См.: Hull D.L.

Британский исследователь радикализма Христиан Фухс вводит концепт *критической фазы* (порога восприятия структурных проблем), где формирование социальных движений понимается не тривиальным образом: как ответ на системно-структурные деформации общества, риски и опасности, с которыми оно конфронтирует, как результат постепенной аккумуляции особого типа критических наблюдений или новой и более *рафинированной перцепции*, способной усмотреть опасности и риски, которые без этой оптики просто бы остались незамеченными (и значит, в каком-то смысле несуществующими).

«Критическая фаза этой системы социального протеста, – пишет Фухс, – возникает тогда, когда социальные антагонизмы и проблемы начинают *восприниматься* как невыносимые, т.е. критическая масса людей недовольна структурами общества, а число оппонентов определенных структур возрастает до такой степени, что это недовольство и воля к изменениям теперь в принципе *воспринимаются*. Такая критическая фаза не является необходимым результатом углубления социального антагонизма (скажем, роста бедности, безработицы, ухудшения экологии), но является *результатом перцепции и осознания* углубления некоторого антагонизма»⁴.

Другими словами, когда протестной коммуникации становится достаточно много, тогда и возрастает острота понимания и общественных, и экологических рисков. И это не выглядит так, будто ухудшение экологии, голод в странах третьего мира, мужская опрессия, неофашизм или расовая дискриминация, будучи негативными структурными следствиями функционирования больших социальных систем, порождают соответствующие типы протестной коммуникации и коммуникативную систему протеста в целом. Условием или причиной протеста не является сам «реальный негативный феномен». В качестве такого условия выступает постепенная кристаллизация некоторого достаточного или критического числа наблюдений, использующих некоторую общую или сходную оптику наблюдения, – например, в ситуации, когда тематически-консистентная наблюдательная дистинкция *оппрессивные мужчины/виктимизированные женщины* становится общим местом массмедийного обсуждения и основанием политико-правовых решений и

The Metaphysics of Evolution. Albany: SUNY Press. 1989. P. 106. Более современную – трех-стадийную – концепцию социальной эволюции смотрите у Н. Лумана. См.: Луман Н. Эволюция науки (перевод с немецкого) // Epistemology & Philosophy of science. 2017. Т. 2. С. 215.

⁴ Fuchs Chr. The Self-Organization of Social Movements // Systemic Practice and Action Research. 2006. Vol. 19, No. 1. P. 118.

актов⁵, когда эта дистинкция получает такую наблюдательную универсальность и широту, что и на обычные не-опрессивные отношения полов смотрят с ее точки зрения, – например, как на некоторое исключение из правила, как на некоторую «латентную» опрессию и т.д.

Именно накопление достаточного числа наблюдений явлений, которые теперь интерпретируются, с точки зрения протестных тематических дистинкций, как ненормальные, неестественные и поэтому нежелательные и опасные, суггестирует идею об увеличении таковых явлений и соответствующие социо-психические установки алармизма (в первую очередь, *страха* или *тревоги*), которые, как мы покажем ниже, и отвечают за автопоэзис (самовоспроизводство) коммуникативной системы протеста.

В ряде концепций радикального конструктивизма такие установки, ответственные за генезис систем, принято, вслед за Х. фон Ферстером, называть «собственными значениями»⁶. Под *собственными значениями* понимаются достижения или результаты функционирования системы, которые затем повторно вводятся в систему, что способствует ее дальнейшему развитию.

В такого рода автопоэтических циклах элементы системы (в данном случае, коммуникации протеста) порождают другие элементы системы (коммуникации протеста) на основе «собственных значений», уже не нуждаясь в каких-то *внешних стимулах и триггерах*, хотя это и не означает, что в обществе не существует структурных проблем, а с экологией все в порядке.

Мы также разделяем и развиваем взгляд Н. Лумана, что именно автопоэтическую функцию *страха и тревоги* (собственного значения

⁵ Авторы ни в коем случае не утверждают, что подобного рода опрессии и ее жертв не существует в действительности или она является социальной псевдо-проблемой, навязываемой обществу одним из протестующих сообществ. Как раз напротив, наш тезис состоит в том, что именно протест против мужского насилия (наблюдение в данной оптике) позволяет увидеть и – в этом смысле, – наконец, реифицировать то, что в отсутствии такой оптики таковой опрессией просто не считалось и как опрессия не коммуницировалось. С одной стороны, было бы абсурдным утверждать, что сам протест каузировал бы – понимаемое как психическое – страдание женщины. Но, с другой стороны, именно этот протест против насилия каузирует страдание в его модусе *социального факта* (в смысле Дюркгейма), т.е. создает социальные установки и ожидания, *вызывающие* сострадательные переживания, прежде всего, со стороны других, непосредственно не страдающих участников протеста. Таким образом, протест делает возможным *структурное сопряжение* психического переживания (как события в истории системы ментальных переживаний) и страдания как события в истории системы коммуникаций. И в этом смысле психическое переживание страдания – благодаря его социальному замещению (представлению в виде заместительных переживаний и сострадания со стороны не виктимизированных участников протеста) – может как усугубляться, так и ослабляться. По-видимому, пока нет эмпирических исследований на тему (терапевтического или, напротив, усиливающего страдание) влияния участия в протесте на интенсивность переживания травмы опрессии.

⁶ Foerster H. von. Objects: tokens for (eigen-) behaviors Observing Systems. Seaside. 1981. P. 274–285.

протестной коммуникации) следует понимать как «социальную эмоцию» или «социальный мотив»⁷. Нам приходится использовать это понятие-оксюморон, имея ввиду некоторую мотивирующую «движущую силу», которая имеет своим источником психику, но получив из нее каузальный импульс, при специфических обстоятельствах, превращает данный мотив в социальную установку, нормативное ожидание, в часть социальной структуры, а не системы личности (психики)⁸.

В этом смысле автопоэзис протестной коммуникации запускается в условиях так называемой *самовалидации*, когда страх и тревога, вызванные обсуждением социальных и экологических рисков и опасностей, разного рода кризисов и т.д., ведут к заострению, интенсификации коммуникации этих опасностей, гипертрофии этих опасностей и гипертрофии соответствующих страхов, и, соответственно, — к запуску новых циклов их коммуникативной трансляции.

Помимо прочего, эта автопоэтическая структура, основанная на специфическом протестном алармизме, связывает *макро и микро-уровни коммуникации*. Сообщения и переживания страха на микро-уровне, при условии их значительной аккумуляции и, в особенности, при их социальном осетевлении, создают макрорезонанс: выливаются в массмедийно освещаемые общественные акции, приводят к их широкому обсуждению в коммуникативной системе массмедиа и, наконец, заставляют реагировать коммуникативные макросистемы: политику, право, хозяйство и т.д.⁹.

⁷ П. Штомка формулирует в чем-то схожий подход, где на роль интегрирующей протест *социальной эмоции*, как социального факта в смысле Дюркгейма, возводится чувство (не)справедливости: «Только когда формируется обобщенное чувство релятивной несправедливости — проводится сравнение со стремлениями, притязаниями и достижениями других и учитывается положение более счастливых, чем мы, других людей — такая эмоциональная и протестная мобилизация может охватить большие сообщества и общество. Эффект притязаний, эффект дискриминации и эффект демонстрации становятся тогда разделяемым с другими массовым опытом, обретают ранг социальных фактов..., то есть чего-то большего, чем только индивидуальные психологические переживания. [Штомпка 2017, 388].

⁸ Социальный характер некоторой психической эмоции означает лишь то, что в специфической ситуации, когда от человека ожидается выражение некоторого чувства, он должен действовать так, как будто он испытывает это чувство, даже не испытывая его. Стандартным примером является система интимных отношений, где партнеры стилизуют свои отношения как «любовные» независимо от фактического чувства. Подробнее см.: Luhmann N. *Liebe als Passion*. Suhrkamp. 1994.

⁹ См. различные подходы к пониманию автопоэзиса протестной коммуникации. См.: Luhmann N. *Protest. Systemtheorie und soziale Bewegungen*. Suhrkamp. 1996; Japp K.P. *Soziologische Risikotheorie*. Muenchen. 1996.

Пространство и время протестных движений

Если современный радикальный протест действительно приобретает черты относительно полноценной коммуникативной системы, то в этом случае, очевидно, следовало бы задаться вопросом о пространственно-временных рамках этого феномена. Сюда же относится проблема его пространственной локализации, длительности, цикличности, воспроизводимости, критериях «зрелости» и «затухания» этого феномена; а также вопрос о его видовых трансформациях и взаимопереходах, о субстанциальном определении его границ и критериев его континуальности, что позволило бы определять и его вероятность в специфических ситуациях¹⁰.

Протест существует в форме кампаний и не является сингулярностью

Пространственная фиксация феномена протеста, по-видимому, до некоторых пор не представляла больших трудностей, поскольку протестная коммуникация до определенного времени как бы совпадала с «телесным присутствием» протестующих в определенных местах (митинги, шествия, перформативные акции). Кроме того, протестное движение – в отличие коммуникаций в рамках традиционных макросистем – по-видимому, тогда еще не развило в себе полноценных абстрактно-символических бинарных медиа-кодов и средств телекоммуникационной¹¹ трансляции своих сообщений, которые бы де-локализовали протестную коммуникацию, как это имеет место сегодня в социальных сетях и интернете.

В том, что касается временной определенности протеста, представляется очевидным, что современное протестное движение существенно отличается от «исторических видов» или прототипов протестной активности («революций», «мятежей», «дворцовых

¹⁰ Решение вопроса о том, что является границей некоторого относительно континуального или однородного исторического периода, и в частности, вопрос о том, является ли протест сингулярным событием, некоторой эпохальной длительностью или локальной эпизодизацией, безусловно, зависит от выбора наблюдательной исторической перспективы и не предлежит как объективная реальность. И сингулярные акты – *революции, мятежи* – в той или иной аналитической перспективе историка могут рассматриваться как сверх-комплексные последовательности событий, к тому же в своих предпосылках и «неинтендируемых эффектах» (Э. Гидденс) простирающиеся далеко за пределы своей фактичности.

¹¹ См. подробнее о роли телекоммуникации (письменности, печати, электронных медиа, социальных сетей) для трансформации пространственно-временного, коллективно-личностного и предметного измерений коммуникации [Антоновский 2015, 94-98]

переворотов» и т.д.). Протест не является сингулярным актом, событием, границей «исторических эпох», а сам нуждается в отграничивании и установлении критериев «завершения» или «конца» конкретной системы протестной коммуникации.

Протесты актуализируются в форме *кампаний*, провоцируемых некими событиями-триггерами в системной повестке общества: политической, правовой или экономической коммуникации, имеющей экологические следствия, или как результат массмедийного обнародования «скандальных» системных коммуникаций, хотя они не являются подлинными причинами автопоэтических процессов (*примеры: «закон Димы Яковлева», фальсификации выборов, добыча сырья в традиционных регионах проживания кочевых народов, массмедийное обнародование фактов сексуальных домогательств со стороны истеблишмента и т.д.*).

При этом единичный триггер может актуализировать весь комплекс протестной реакции: массовые события (митинги и т.д.), публикации манифестов, артикуляцию протестной темы, рафинизацию альтернативной ценности, интеграцию тех или иных спонтанных актов в виде воспроизводимых (иногда тайных или конспиративных) обсуждений-интеракций и даже квази-организаций (без формализации условий принадлежности и выхода, как это было с «Советом оппозиции» в 2012 г.).

Отсутствие *формальной организации*¹² превращает протест в *синусоидную активность*, что одновременно предстает и сильной, и слабой сторонами протеста. Так, ослабление протеста, с одной стороны, приводит к разочарованию лидеров и рядовых участников, ищущих новые формы самореализации и реализации «альтернативных ценностей», и, как следствие, переходу оставшегося ядра к более радикальным и экстремистским формам активности, «страшному удалению от народа» и более жесткому и разрушительному ответу со стороны традиционных макросистем (политики, правовой системы), к ослаблению поддержки со стороны экономических акторов, элит, независимых интеллектуалов, независимых медиа.

¹² Здесь мы опираемся на системно-коммуникативную теорию организаций, как некой системы среднего уровня [Luhmann N. Interaktion, Organization, Gesellschaft // Soziologische Aufklärung. Springer. 1972. Band 2. S. 9–20]. Мы исходим из того, что протест не может получать интегративную форму организации (с устойчивыми правилами членства, обязанностями, прерогативами, обременениями и правами, жесткими процедурами вступления в организацию и свободными условиям выхода из нее). Если таковое случается, протест перерождается в системные формы коммуникации и в этом смысле как система приходит к своему завершению.

С другой стороны, именно этот синусоидный характер делает протест *неуничтожимым* в том смысле, что осуществление протеста в латентном виде, его мимикрия под другие формы гражданской, прежде всего, волонтерской активности, делает его более флексибельным и вариативным, обеспечивает «передышку» и адаптацию к новым формам политической реальности и реакции, усыпляет бдительность наблюдательных инстанций макросистем, и, как самое значимое следствие, обеспечивает постепенное накопление «потенциальной протестной энергии», способной при благоприятных обстоятельствах «сместить» архаические (в наблюдательной перспективе протеста) институты и заместить «архаические» ценности их альтернативами.

Протест – невероятное сочетание условий

Как видно, такая актуализация протеста предполагает сверхкомплексную – и в этом смысле *невероятную* комбинацию предпосылок. Уже упоминаемый Христиан Фухс относит к числу этих невероятных предпосылок *мобилизацию акторов, мобилизацию ресурсов, кристаллизацию смыслов, овладение специфическим знанием темы протеста, внимание и интерес к протесту со стороны публики и прессы* [Fuchs 2006, 117].

В целом соглашаясь с Фухсом, отметим все же необходимость учета *кругового характера* данных причинно-следственных отношений; ведь и сам протест, отвечая этим условиям и в этом смысле являясь их следствием, все-таки, одновременно, самой своей актуализацией вызывает интерес публики и прессы, мобилизует акторов и информирует о собственной ценностно-тематической повестке (специфически-тематических знаниях), а значит, *является причиной* и, парадоксальным образом, в процессе такой самовалидации каузирует собственные условия.

В этом смысле предсказания актуализации конкретного протеста оказываются столь же сложными и невероятными, как и определение всякого невероятного события (как, скажем, предсказание эмиссии конкретной элементарной частицы в процессе радиоактивного распада). В этом смысле можно прогнозировать не столько конкретные события протеста, сколько высокую или низкую вероятность его ранней или поздней актуализации.

Протест не заканчивается никогда?

По вопросу завершения протеста в силу реализации, фиаско или «дегенерации» его программы¹³ (оставим за скобками, что таковой вывод лишь есть следствие применения той или иной оптики наблюдателя), исходя из ранее обсуждаемых свойств и форм протеста, можно с некоторой долей очевидности ввести следующие критерии:

1. Выполнение программных целей;
2. Внутреннее или внешнее подавление протеста;
3. Истощение ресурсов;
4. Затухание массовости движения;
5. Прекращение массмедийного обсуждения протестной темы.

Но и здесь означенная очевидность представляется обманчивой. На наш взгляд «выполнение программных целей» (например, некоторое конкретное решение в пользу перераспределения средств на «социальные нужды») не подходит на роль завершающего протест события по следующим основаниям.

Во-первых, протест не предлагает альтернативных решений¹⁴ (он, как мы уже показывали, есть «альтернатива без альтернативы») и, собственно, не формулирует программных целей. Во-вторых, самоосуществление протеста и генерирует его собственную проблему, которую он призван разрешить. Так, осознание факта угнетения и его коммуникативное обсуждение как специфической протестной темы участниками протеста превращает то, что раньше полагалось естественно-повседневным, в ненормальное и требующее устранения.

Более интересным выглядит предложение связывать с завершением системы протеста *истощение ресурсов* (которые мы субстанцируем как мотивационную *энергию* протеста в ее нефизическом, некаузальном смысле)¹⁵.

¹³ Здесь вполне применимо замечание П. Фейрабенда по поводу «дегенерирующих программ» Лакатоса: “if you are permitted to wait, why not wait a little longer?” [Feyerabend 1970, 215].

¹⁴ См. подробное обоснование этой идеи. См.: Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Социальная философия протеста // Философский журнал. 2017. № 2.

¹⁵ Мы используем метафору «энергии» в том самом широком смысле, когда какие-то, способные к аккумуляции события или процессы рассматриваются как объясняющие упорядоченное движение, трансформацию, работу тех или иных агентов или механизмов. У такой энергии должен наличествовать некий субстрат (подобно тому, как в молекулярно-кинетической теории движущиеся с определенными скоростями молекулы объясняют изменение температуры, давления, размеров тела). Что является таким носителем-накопителем протестной энергии, еще предстоит выяснить. Но, безусловно, ими не являются – непрерывно переключающиеся в своих переживаниях – *сознания индивидов*. Вероятно, эту функцию «накопителя» осуществляет массмедийная презентация «возмутительных явлений», непрерывно поддерживающая определенный градус общественного возмущения, которое не способна долговременно

Но и здесь требуется внесение ряда замечаний. Эта «энергия» не может пониматься как исключительно психическая эмоция или мотив, т.к. в рамках психической системы личности преходящие и сингулярные эмоции не способны аккумулироваться и сохраняться (конечно, в непатологических случаях) сколько-нибудь долго, если нет соответствующих институтов, переводящих психический мотив в некую социальную установку [Момджян 2016, 39-41], в нормативное ожидание той или иной стандартной реакции (скажем, возмущения) на соответствующее стандартное событие (скажем, сексуальное насилие) – реакции, которая становится таким образом ожидаемой и обязательной к выполнению, однако, не обязательно сопровождается соответствующим психическим переживанием.

Но и таковое «истощение ресурсов» в коммуникационно-замкнутых системах может не означать завершения системы, а выражаться в переключении с одной протестной темы на другую¹⁶, в появлении других *openings* и возможностей для самореализации системно-неинтегрированных индивидов. Публичный резонанс получают другие темы, и ограниченные ресурсы (внимание прессы, интерес публики) направляются на них, причем первоначальный объект возмущения и протестная тема (скажем, обвиняемое в коррупции и фальсификациях политическое руководство страны) способны утрачивать негативное и приобретать позитивное значение. Так, в России протестные настроения 2011-2012 и соответствующее недовольство в значительной степени переключились с темы электоральных фальсификаций на тематику «Украинского фашизма», «Запада», «Гейропы» и т.д.

То, что такого рода переключения инспирировались властью, не должно вводить в заблуждение. Эту «милитаристскую» новостную повестку подхватили массмедиа не столько под давлением политической пропаганды, сколько в силу способности самой этой темы удерживать и фокусировать общественное внимание, и без этой внутренней массмедийной «восприимчивости к новизне» политической системе не удалось бы навязать потребителям новостей свои установки [Луман 2005]. В этом смысле «структурное сопряжение» и «взаимопроникновение» в несравнимо более интенсивных формах осуществляется между

поддерживать индивидуальная психика. В современности эту функцию одновременно накопителя, конденсатора и генератора страхов, тревог и возмущений все больше «забирают себе» социальные сети.

¹⁶ И здесь системный массмедийный поиск новизны и новости (как «собственного значения» и медиа-кода коммуникационной системы массмедиа), видимо, являлся главным «гештальт-переключателем» протестных тем, но и здесь их функцию перенимают социальные сети.

системами протеста и массмедиа. И, видимо, то, что российский протест находится на дне протестной синусоиды (и, значит, в стадии «накопления» потенциальной протестной энергии) объясняет тот факт, что никакие массмедийные телевизионные «камлания» не способны воплотить означенную тематику «внешнего зла» в *реальные* публичные провластные акции.

Выше мы рассмотрели подходы к определению радикализма, генезис протестного движения и его пространственно-временные границы. Опираясь на эту феноменологию, попытаемся теперь в схематичной и понятийно-сжатой форме реконцептуализировать основные черты и функции протестной коммуникации и на ее основе предложить *позитивную программу исследования* конкретных видов радикализма.

1. В отличие от других систем у коммуникативного кода протеста не обнаруживается симметричного ему негативного противокода¹⁷. В его отсутствие «замыкание» протестных коммуникаций в систему обеспечивает концентрация коммуникации вокруг тех или иных *конкретных тем* или предметов. Такая коммуникативная аморфность и разнотемье наводят на мысль о возможности позднейшей (словно по образцу стволовых клеток) спецификации того или иного конкретного протеста вокруг ранее утвердившихся медиа-кодов других систем. Так, один вид протеста (скажем, движение Навального) может инкорпорироваться в политическую систему, а протестное движение в поддержку отечественной науки и против ее недофинансирования (сообщество «Диссернет», газета «Троицкий вариант», «Общество научных работников») может абсорбироваться системой науки.

Исходя из этого, программа исследования протеста должна начинаться с постановки вопроса о некоторой центральной теме, инклюдирующей (мотивирующих) участников, а не с коммуникативных кодов и соответствующих им мотивов (истина, деньги, власть), вокруг которых кристаллизуются соответствующие коммуникативные системы науки, хозяйства, политики.

2. Из этого следует, что у протеста нет четких коммуникативных границ. Темы чрезвычайно диффузны и не могут быть отделены от соответствующих интеракций (выражений недовольства в автобусе или такси).

¹⁷ Как это имеет место, например, в случае коммуникативной системы науки [Пружинин Б.И., Касавин И.Т. и др. Коммуникации в науке. Эпистемологические, социокультурные и инфраструктурные аспекты // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 23-57] с ее бинарным медиа-кодом *истина/ложь*.

Программа исследований протеста требует в этом контексте ставить вопрос о том, что отделяет протестную акцию (коммуникацию) от простого выражения недовольства (страха, алармизма).

3. То обстоятельство, что лишь протестная тема (а не коммуникативный код) служит для разграничения протестной коммуникации и остального общества, делает невозможным формулирование *протестной программы* (как некоего эквивалента партийной программы в политической системе, бизнес- или инвестплана в системе хозяйства, проектов научных исследований в научных коммуникациях и т.д.), поскольку именно *программа* уточняет и асимметризирует симметричные возможности, которые предоставляет бинарный код¹⁸.

Исходя из этого, исследовательская программа изучения протеста требует выявлять механизмы организации протестной активности в условиях отсутствия долговременного плана протестных акций.

4. Средством компенсации отсутствующих у протеста бинарного медиа-кода, долговременного программного планирования и жесткого системообразования через коммуникативную форму *организации* (как это имеет место в отношении больших систем – научных и политических организаций) является соответствующая социальная структура (структура нормативных ожиданий). Основу такой структуры образуют ожидания соответствующей демонстративной «приверженности» *commitment*, т.е. выраженных мотиваций и готовности протестующих защищать критическую идею-тему.

Программа исследования протеста требует в этом контексте ставить вопрос о том, является ли тот или иной протест действительным движением протеста (с выработкой соответствующих мотиваций и готовностью защищать протестную идею или тему), является ли он некой «организованной формой» или всего лишь тривиальным выражением недовольства. Этот пункт программы требует конструировать стандартные и крайние степени и формы выражения «приверженности» идее (экологической идее, идее феминизма, идее расового превосходства/равенства и т.д.)

5. У каждой формы протеста, как наблюдательной дистинкции (специфической оптики или взгляда на мир в его главном структурном

¹⁸ Так, бинарный код, *истина/ложь* ничего не говорит о том, что истинно, а что ложно, и поэтому требует *программ* (т.е. соответствующих научных теорий и методов) определения истинности предлагаемых научных сообщений.

расщеплении), есть своя другая сторона, свой "враг". Мужья и мужчины (в протесте против насилия в семье), правящий истеблишмент (в политическом протесте), промышленные предприятия (в экологическом движении). Однако общим для всех конкретных различий, по-видимому, является самовиктимизация, т.е. самоприписывание участниками протеста себе статусов жертвы (или, в более мягкой форме, *пассивного объекта чужого решения*). При этом оппоненты протестующих понимаются как принимающие решение, *поражающего* протестующего в его правах и надеждах на самореализацию. Речь идет об особой протестной наблюдательной дистинкции или особой оптике. Назовем это дистинкцией *решение/поражение*.

Это значит, что программа исследования протеста должна реконструировать (конкретный для каждого данного вида протеста) реестр «нарушенных прав» в том виде, каким его видит протестующее лицо, и коррелятивный ему список актов и прерогатив «Другого», нарушающих эти права.

6. Из предшествующего пункта вытекает и другая исследовательская задача: допускают ли реестры «нарушенных прав пораженных лиц» и «прерогатив лиц, принимающих решения» такие генерализации, которые бы позволяли утверждать наличие *общего или единого движения протеста* и, как следствие, – единой коммуникативной системы, выказывающей свою *differentia specifica*.

Поиск этой *differentia specifica* является фундаментальной проблемой социальной (или коммуникативной) философии протеста. Именно она в ситуации отсутствующего у протеста единого бинарного медиа-кода (аналогичного *власти* в политике, *деньгам* в хозяйстве) позволила бы отличить этот новообразованный тип коммуникации от традиционных коммуникативных макросистем.

Differentia specifica протестных и радикальных коммуникаций как основная проблема коммуникативной философии протеста

Для предварительного решения означенной проблемы мы формулируем ряд гипотез, которые, как нам кажется, прояснят

специфичность несистемной протестной коммуникации в ее отличии от всех остальных системно-организованных коммуникативных практик¹⁹.

1. Гипотеза компенсаторной лояльности

В отличие от других систем протестная коммуникация ориентирована на *личностную* привязанность системе протеста, требующей от нее персональной лояльности к теме или ключевой идее. Напротив, *экономика* не выставляет обязательств по покупке и оплате товаров конкретных производителей, а политическая система не обязывает участников голосовать за ту или другую партию²⁰.

В этой связи изучать протест, значит – *реконструировать механизмы обеспечения этой персональной лояльности*, и конечно, способы ее преодоления и ответные санкции.

2. Гипотеза инклюзивного социального контроля

В генетико-исторической перспективе формирование протестных движений является системным эффектом возникновения мирового общества²¹, в особенности – следствием так называемой «Всеобщей инклюзии», которая сделала невозможным обеспечивать социальный контроль путем *эксклюзии* из общества, как это осуществлялось на протяжении веков²² путем изгнания, вытеснения, истребления, казней, заключения, отказа в покровительстве и поддержке всем тем, кто либо демонстрировал аномные формы коммуникации, либо не мог быть прокормлен семьей или сообществом.

Исчезновение такого «эксклудирующего» контроля социального порядка и приводят к кристаллизации протеста и, как следствие, прежде всего, к двум разочаровывающим эффектам: «эксклюзии инклюдированных» и «инклюзии эксклудированных».

¹⁹ Эти гипотезы – в их рудиментарной форме – отчасти формулировались в рамках «общей теории коммуникативных систем», конечно, с поправкой на реалии 80-х, начала 90-х годов. См.: Luhmann N. Protest. Systemtheorie und soziale Bewegungen. Suhrkamp. 1996.

²⁰ Конечно, в рамках партийной *организации*, от их членов ожидают, что они проголосуют именно за эту партию, но такая самочевидность как раз и не требует механизмов ее проверки.

²¹ См. Луман Никлас. Мировое общество; Его же: Общество общества. М. Логос. 2011; Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. 2000.

²² Luhmann N. Systemtheorie und Protestbewegungen // Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen. 1994. S. 61.

Во-первых, разочарование всеобщей инклюзией является следствием необходимости толерировать «аномию» в непосредственной интерактивной близости: мигранты живут под боком со всеми их представляющимися «недопустимыми» в местной среде формами поведения и коммуникации (резанием баранов на Курбан-Байрам и т.д.). Именно это генерирует недовольство и в каком-то смысле *эксcludes* *инклюдированных*, т.е. заставляет некоторых представителей «принимающего сообщества-большинства» объединяться в полукриминальные и экстремистские «протестные сообщества», ставящие себе целью ликвидировать принцип «всеобщей инклюзии» – *эксcludes* *инклюдированных чужих* (националисты и т.д.).

Во-вторых, к разочарованиям приводит и *инклюзия* *эксcludes* *инклюдированных*: все, кто не способен и не желает осуществлять конформное поведение, теперь не исключаются из общества как некие «асоциальные элементы», не «рассеиваются» как индивиды где-то на периферии социума и не гибнут. Отсутствие такой дисперсии и гарантированное физическое выживание исключенных делает возможным интеграцию по *принципу исключительности и исключенности*, и в каком-то смысле даже институционализацию этого демонстративного непризнания нормативных установлений (движения хиппи и республика «Христиания»).

Эти аномные формы поведения из *исключаемых* превращающиеся в *исключительные*, теперь получают внутренние самоописания (как «поражение в праве на индивидуализацию» и как исключение лишь из сообщества, принимающего решения, но не из общества как такового). В этом статусе демонстративно-аномийный отказ от признания доминирующих институтов и норм становится основанием для организации собственных сообществ *эксcludes* *инклюдированных* *из* общества (хотя дефинитивно таковыми не являются) *внутри* общества.

Это различие²³ на *эксcludes* *инклюдированных* и *инклюзию* *эксcludes* *инклюдированных* дает нам первое основание для разведения – из самого себя не объясняющего – «плохих» и «хороших» социальных движений протеста. «Плохие» СД развивают сложную семантику самоописаний,

²³ Конечно, это различие образует наблюдательную оптику исследователя протеста и в этом качестве является его и только его инструментом (конструирования теории протеста). Сами протестующие, как и другие наблюдатели (массмедиа, политика, интеллектуалы) не обязаны ей пользоваться, а могут применительно к наблюдению протеста использовать моральные различия зла/добра (и т.д.) или временные дистинкции современности/архаичности и т.д.

где понимают себя как реализующих функцию *экслюдировать инклюзию экслюдированных*, т.е. попросту элиминировать чужие сообщества из их культурной среды. Но поскольку они и сами оказываются экслюдированными, то сталкиваются с неразрешимым парадоксом, требующим самоликвидации.

Этот парадокс разворачивается в обществе, где многие идеи экстремистского протеста одобряются (как идея), но не одобряются (как метод решения) одновременно.

3. Гипотеза «заместительной пораженности»

Элиминация дисперсивного порядка (в рамках которого исключенный обрекался на одиночное существование на периферии и гибель), в конечном счете, приводит к тому, что самые разные разочарования²⁴, всякий маргинальный, даже патологический интерес – способны к образованию соответствующего сообщества. Причем в современных условиях именно *интернет и социальные сети* оказываются главным средством *инклюзии экслюдированных*.

Этот парадокс затем разрешается различением на «пораженных в правах» (жителей третьего мира, фавел, голодающих, русских, афроамериканцев, подвергшихся оппрессии женщин) и их "идейных представителей".

«Пораженность» в этом смысле предстает лишь *темой* протеста (т.е. предметом коммуникативного обсуждения, языковым артефактом), а не переживается *сознанием* протестующих как реальность внешнего мира участников протеста, т.е. в каком-то смысле является симулякром. Это означает, что протестная тема лишь презентует – коммуникативно-препарированный – внешний мир участников протеста, который не может быть удостоверен в своей реальности при помощи переживания реальной травмы²⁵.

²⁴ Заместительная тематизация страдания образует ядро коммуникативной системы протеста. Но оно не исключает и латентных саморазочарований. Тот, кто не инкорпорирован в наличные системы (плохо, или наоборот, чрезмерно образован, кому закрыты карьерные перспективы, кто не ладит с коллегами и т.д.), тот свое разочарование в инклюзии способен выдавать за представительство чужого разочарования, и этим инклюдируется в систему протеста.

²⁵ Это отличает протестную систему коммуникации от традиционных систем, где абстрактные коммуникативные медиа (власть, деньги, истина, любовь), как центры кристаллизации системной коммуникации, способны апеллировать к «телесным», «физиологическим» формам удостоверения своей значимости (соответственно, насилию, потреблению, восприятию, сексуальности); т.е. могут обеспечивать непосредственный доступ к переживаниям реальности внешнего мира сознанием, а не только коммуникативным обсуждением [Бараш Р.Э. и др. «Истина» и «власть» как категории

Исследовать протест, согласно этой гипотезе, значит эксплицировать механизмы конструирования и *коммуникативные источники* таких «заместительных переживаний» чужой травмы, как правовая и иная пораженность *чужим решением*. Конечно, в качестве таких источников можно всегда указать на массмедийные репортажи из «очагов страданий» и социологические нарративы «включенного наблюдения» в сообщества страдающих (и прочей семантики знания-свидетельства, знания в «зонах обмена»).

Но все это, тем не менее, не объясняет неожиданное появление протеста, поскольку такие «описания» и «самоописания» «страдающих сообществ» появились задолго до того, как возникла специфическая чувствительность к чужому страданию, не замыкающаяся *внутри сознания* сострадающего, но получающая коммуникативную и интегративную силу, захватывающая и организующая массы, способная накапливаться как специфическая энергия и приводить к социальному «кипению», если не к взрыву. Это обстоятельство объясняет наша следующая гипотеза.

4. Гипотеза социального страха

Очевидно, что мотивации «сострадания» к чужой «пораженности» было бы для такой организации недостаточно. Должен был быть подключен дополнительный социальный мотив или социальная эмоция, которые мы, вслед за Луманом, назовем «социальным страхом».

Никлас Луман использует английскую языковую интуицию и различает две составляющие социального страха: *anxiety* и *worry* [Luhmann 1994, 58], соответственно как имеющий конкретную причину ситуативный испуг и как некую перманентную встревоженность с нефиксированным источником. Несколько модернизируя Лумана, будем понимать последнюю как некую общую меру энергии, постоянно

социальной философии// Мониторинг общественного мнения. 2017. № 5. С. 132]. Здесь проявляется как сила, так и слабость протеста, поскольку протестные темы способны безудержно инфляционировать, реализовывать механизмы положительной обратной связи, лавинообразно захватывать общественное внимание (прежде всего, в массмедиа, но также и ангажировать правовую систему). Никакие телесно-физиологические механизмы контроля коммуникации не останавливают этот поток, поскольку никто не знает фактической степени и распространенности мужской оппрессии, а если даже такие исследования и провести, никто из участников протеста (и сочувствующих ему сообществ) не знает (не чувствует, лично не переживает) степени истинной травматизации (невротизации), к которым она приводит. Но в этом же состоит и слабость протеста, поскольку, достигнув некоторого инфляционного потолка, протестная тема начинает «наскучивать» и утрачивает «новизну». Ее, безусловно, начинают «подавать» и «продавать» другие коммуникативные системы, прежде всего массмедиа, в виде сектора «развлечений» в романах и сериалах, но эта коммуникация уже перестает быть «протестом».

подпитываемую и накапливающуюся посредством конкретных преходящих страхов. Чтобы эта энергия не рассеивалась²⁶, очевидно, требуются ее «непсихические формы проявления» в виде, с одной стороны, постоянной коммуникативной тематизации предмета страхов, а с другой – механизмов социальной памяти как некоего накопителя социального страха.

5. Гипотеза разрешенного «социального страха» как автопоэтического механизма обсуждения коммуникативной темы и нейтрализации социальных рисков

Исходя из вышеприведенных соображений, мы формулируем гипотезу, согласно которой мотивы и эмоции, движущие протест, должны пониматься в социальном (заместительном), а не психологическом смысле. Имея в виду первоначальную этимологию «мотива», будем понимать такой социальный страх как некую социальную энергию, *движущую* группами протеста. Именно благодаря такой способности испытывать *страх за другого* становятся возможными – почти невысказанные на уровне индивидуальной психики – перманентные *накопление и транспортировка* страхов от одного к другому участнику движения, а также нейтрализация и преодоление глубоко укоренившейся традиционной установки, запрещающей мужчинам демонстрировать страхи.

Нейтрализация табу на мужской страх и нормализация социальных страхов призвана уменьшить социальные риски и конфликты. Именно эта «добавочная»²⁷ эмоция заместительного страха делает возможным интеграцию больших протестных сообществ. Именно страх по причине его эмоциональной силы, несопоставимо более мощной в сравнении с другими эмоциями, согласно нашей гипотезе, выступает *автопоэтическим механизмом*, который делает возможным «накручивание» и социальное «возбуждение», как следствие – заинтересованное обсуждение.

Изучать протест, согласно этой гипотезе, значит, выявлять конкретные механизмы накопления страхов и коммуникативные уровни «передачи страха» (интерактивные, массмедийные, социально-сетевые,

²⁶ Психические эмоции дисперсивны, с одной стороны, в силу специфического устройства человеческого сознания, не допускающего симультанного процессирования параллельных переживаний, но тотчас замещающего одно переживание другим переживанием, а с другой – в силу конструктивности и недостаточной емкости индивидуальной психической памяти.

²⁷ Добавочная к озвученным выше факторам «всеобщей инклюзии» и особой семантики наблюдения мира и общества через различение *своего поражения/чужим решением*.

научно-популярные и т.д.). Требуется ответ на вопрос и о том, существуют ли (и насколько эффективны) системные, в особенности политические, механизмы нейтрализации страхов (потеря массмедийного интереса? переключение общественного внимания на другие темы и страхи?).

6. Гипотеза «экстра-системного» характера протестного движения

Согласно этой гипотезе, протестное движение не способно к образованию внутри себя классических «организаций», и поэтому не может осуществлять систематического наблюдения «второго порядка»²⁸, формулировать консистентную протестную программу и вынуждено вместо этого апеллировать к моральной коммуникации, которая не требует "войти в систему" и сделать лучше (= все испортить изнутри). Экологическое правительство, придя к власти и образуя коалиции в результате партийной самоорганизации движения, как видно на примере Германии, превращается в правительство политическое и вынуждено решать политические, а не экологические проблемы. Собственная функция протеста состоит в осуществлении самоописаний общества из несистемной неполитической перспективы.

В этом смысле исследовать протест – значит, выяснять степень готовности участников движения интегрироваться в наличные политические и иные системные организации или создавать собственные формальные классические организации. Именно это докажет устойчивость конкретных форм протестного движения.

²⁸ В коммуникативных макросистемах за эту функцию рефлексии, системного самоописания и внутрисистемной критики отвечают специальные инстанции. В науке – разного рода институты исследования науки (в рамках философии, социологии, науковедения и т.д.), в политике эту роль берет на себя формально-организованные оппозиционные партии, даже в религии есть рефлексивная инстанция – теология.

Глава вторая. Феноменология протеста - протест как неорганизованная организация и неинституционализированный институт

Что же представляют собой протест и радикализм фактически и субстанциально? Представляют ли они собой *интерактивную ризоматическую сеть* или *форму коллективного действия*? Является ли такое коллективное действие следствием изменения *коллективного сознания* и должно ли оно, в связи с этим, рассматриваться как производное от множества девиантных мнений и полаганий? Следует ли рассматривать протест как новую разновидность политического конфликта? Можно ли понимать протест как форму коллективного творчества или его можно истолковывать как новую форму укоренения новообразованных и трансформации устаревших институтов?

Можно ли усмотреть в протесте некую обновленную форму реализации так называемого гражданского общества?

Отрицательно отвечая на эти вопросы, мы полагаем существенной и радикально новой чертой протеста его характер неинституционализированной, неорганизационной, неполитической, экстрапарламентской формы решения (= генерирования) общественных проблем. При этом его коммуникативную функцию мы связываем с возможностями преодоления системных границ (наблюдения) традиционных социальных макросистем (политики, науки, экономики) как наблюдателей первого порядка, неспособных понимать свойства и характер собственного наблюдения и фиксировать собственную наблюдательную ограниченность.

Протест как символический медиум коммуникации и теоретическая рамка его рассмотрения

Производство и распространение радикальной протестной коммуникации является серьезным вызовом современному обществу. При этом понимание причин формирования радикальной протестной идеологии²⁹ представляет и теоретическую проблему. Ее осмыслению препятствует очевидный дефицит социально-философской рефлексии

²⁹ Начало формирования современного системного (т.е. регулярно-воспроизводящегося, а не эпизодического) протеста принято датировать 1960 гг.

протестной коммуникации, которая все еще воспринимается как некая аномалия, девиантность или аномия, т.е. как нечто ненормальное, а-социальное, и в этом смысле – парадоксальное; как нечто, что сущностно характеризует современное общество, но одновременно является чем-то внешним и противостоящим последнему.

Появление радикального протеста в 1960-е гг. не укладывается в традиционные рамки социальной теории. Такая радикализация не объясняется функционалистскими подходами к коммуникации, интерпретирующей ее «катализ» через ряд символических медиа ее распространения (власть, веру, деньги и т.д.)³⁰.

Не укладываются новые формы протеста и в концепт коммуникативного дискурса, рациональность которого принято³¹ выводить из ресурсов самого «чистого» языка, будто бы способного препятствовать внешней экспансии «чуждых» ему так называемых *инструментальных* (прежде всего, административных и хозяйственных) мотиваций. Но протестная коммуникация также ангажирована и мотивирована *собственной* тематической фразеологией, собственным протестным языком, и, будучи сосредоточена на протестном активизме и не являясь экспертной системой, не считает своей задачей предложение рационального решения обсуждающейся проблемы³².

Не объясняется современный протест и современными неоутилитаристскими подходами, интерпретирующими новые формы общения ссылкой на возникающие таким образом ресурсы, способные максимизировать индивидуальную или коллективную «прибыль» и минимизировать издержки³³.

³⁰ *Вера, истина, деньги, любовь, власть* в рамках данного подхода выступают «катализаторами» общения в том смысле, что выступают «триггерами» специфических *реакций* на определенные предложения смысла (скажем, предъявление некоторого предложения с притязанием на истину, распоряжения с притязанием на коллективную обязательность и т.д.), но сами в этих реакциях не расходуются, а продолжают мотивировать дальнейшие систематические ответы на специфические коммуникативные акты (см.: Луман Н. Власть. М., 2001. С. 11).

³¹ Habermas J. Protestbewegung und Hochschulreform. Frankfurt am Main, 1969.

³² К примеру, при постулировании идеи о необходимости отказа от атомной энергии рациональное обсуждение того, что должно сменить атомную энергетику, дефинитивно выходит за рамки протестного дискурса. В этом смысле собственный, а не заявляемый мотив протеста остается «слепым пятном» протеста и даже запрещен к обсуждению как ослабляющий силу протеста. Это, безусловно, несколько девальвирует рациональность протеста в сравнении с «системными типами рациональности». Скажем, в науке принято рефлексировать и тематизировать «научность» и ее границу с «ненаучностью». И сама эта граница представляет собой значимую тему научного исследования.

³³ Отказ от индивидуальных калькуляций в логике *прибыль/издержки* критериально характеризует протестную коммуникацию, если, конечно, «страдание за другого» не рассматривать как специфический способ получения индивидуальной «прибыли». Но тогда любую форму боли или дискомфорта мы можем истолковывать как форму мотивирующей гратификации. Об этой парадоксальности неоутилитаристского объяснения см.: Йоас Х., Кнебель В. Социальная теория. 20 вводных лекций. СПб., 2011. С. 143.

Новые типы самоорганизации базируются на новых коммуникативных медиа и технологиях (в том числе социальных), ранее недооцениваемых социальными теоретиками. Объяснение генезиса и динамики систем нового типа, а именно, протестных движений, оказалось невозможным в рамках анализа отдельных дисциплин (эмпирической социологии, социальной психологии и т.д.), поскольку это объяснение требует комплексного междисциплинарного системного анализа и связано со специфичной функциональной системой, использующей особые коммуникативные медиа и «программы»³⁴, которые и программируют коммуникативный успех.

Таким средством гарантировать успех или признание того или иного «самовалидированного» или самооценного коммуникативного акта может, например, критика или протест. Подобная *программа* предстает в виде некоторого списка контр-фактических алгоритмов или суждений³⁵.

Иными словами, сам *протест* как мотивационный центр и тема коммуникации еще не определяет то, *как* следует протестовать (подобно тому, как *истина* – мотивационный центр и символический медиум научной коммуникации – еще не определяет, каковы условия соответствующей коммуникации, что следует считать истинным, а что ложным). Экспликация *протестных программ* есть важнейший шаг на пути коммуникативного исследования протеста.

Такие программы обеспечения коммуникативного успеха и нейтрализации рисков отклонения запросов на контакт сами по себе до некоторой степени имеют *валюативно-нейтральный* характер, в том смысле, что могут порождать как позитивные и модернизационно-ориентированные инновации, ожидания и новые формы самоорганизации, так и способствовать распространению деструктивных идей. Поэтому важнейшей исследовательской задачей становится методологически обоснованное различие (по символическим медиа, генезису, типам дискурса и т.д.), с одной стороны, радикальных и экстремистских форм, а с другой – новых форм политического участия и самоорганизации, ориентированных на реальные общественные перемены и модернизацию.

³⁴ Подробнее о коммуникативно-системном программировании см., к примеру: Луман Н. Истина, знание, наука как система. М., 2016. С. 117–118.

³⁵ Речь идет о контрфактических суждениях по типу «если А, то В». Например, если некоторый Alter (участник протеста) алармирован некоторой *темой*, то некоторому Ego следует выражать коммуникативное сочувствие (или переходить в стан противников, третьего не дано) и приступать к следующему шагу программы. На втором шаге может *программироваться* деятельностное участие в протестной коммуникации, определяться личный вклад или степень приверженности (т.н. commitment) протестной борьбе и т.д.

Ресурсно-мобилизационный vs. структурно-критический подходы к объяснению протеста: *political opportunities* / *structural problems*

Мы не сможем решить поставленные задачи (различения «приемлемого/неприемлемого» протеста и соответствующих «приемлемых/неприемлемых» программ протестной коммуникации), не ответив на классический социально-теоретический вопрос о гипотетической связи *макросистемной* каузальности (по типу: «протестантизм порождает капитализм», «капитализм порождает современную науку и технику») и фактических социальных причинных связей (по типу: «психический мотив генерирует социальное действие, коммуникативный акт рождает коммуникативный ответ»)³⁶.

Применительно к протесту это предстает в виде следующей проблемной *дилеммы*:

1. Делают ли *макро-структурные деформации* (скажем, исчезновение традиционных социальных институтов или профессиональных отраслей) или, напротив, позитивные *макроизменения* (увеличение свободного времени, новые виды дохода и т.д.) возможным коллективный протест и появление специфических протестных мотиваций: прежде всего, таких новых видов алармизма, как страх потери идентичности (женской, национальной, культурной и т.д), страх экологических катастроф и т.д.?³⁷

³⁶ Ответ на эту проблему в рамках нео-утилитаристского дискурса см.: Coleman J. Weber and the Protestant Ethic. A Comment on Hernes // Rationality and Society. 1989. No. 1. P. 291–294. В нашей интерпретации схему см.:

³⁷ Здесь укажем, что *алармизм* (страхи и опасения) является не психологической, но скорее *социальной диспозицией*, поскольку объединяет сообщество «боящихся» и «страдающих» за Другого (к примеру, за голодающих в Африке, безработных в США и т.д., при том что сами члены сообщества очевидно не голодают и не являются безработными). Страх как «преходящий» *психологический мотив* (в его отличие

2. Или, напротив, аккумуляция массивов индивидуальных протестных акций является причиной макро-изменений – кристаллизации *новой коммуникативной системы протеста*, в свою очередь, воздействующей и на традиционные макроструктуры (капиталистическую экономику, либеральную политику, экспертно-замкнутую науку), ограничивающие их автономию, если не произвол?

Эта фундаментальная проблема взаимной детерминации *система/коммуникация* по-разному решается в рамках двух конкурирующих подходов к исследованию протеста: структурно-критическом³⁸ и ресурсно-мобилизационном³⁹.

С точки зрения *ресурсно-мобилизационного* понимания протестной активности, в случае кризисной ситуации можно «играть на понижение». Общий экономический, социально-политический и культурный кризис ухудшает положение соответствующего истеблишмента, традиционных институтов, организаций, включая все формы представительной и делиберативной демократии, на которые накладывается ответственность за неисполнение их «патерналистских» функций.

Это увеличивает шансы новых «организаций» и «форм социальности», которые и образуют ресурс для их лидеров в достижении успеха встраивания в *наличные* структуры общества (должностные иерархии во всех сферах – хозяйстве, политике, науке, церкви, массмедиа). Вспомним, что Йошка Фишер именно благодаря электоральной поддержке экологического движения получил пост вице-канцлера в правительстве Германии.

от страха как *социальной установки*) не способен аккумулироваться до некоторого критического или порогового значения, и если и «выходит» за пределы психики в форме «общественной истерии» (в интерпретации Дюркгейма), то даже в такой форме не долговечен, и значит, не является «социальным фактом» (в интерпретации того же Дюркгейма) и не может детерминировать социальные трансформации.

³⁸ *New Social Movements Approach* представлен в работах А. Турена, Э. Лаклау, Ш. Муффа, К. Оффе, И. Валлерстайна, М. Кастельса. Основная идея данного подхода состоит в том, что некий *слабо организованный* «новый средний класс» приходит на смену хорошо организованному (в профсоюзы, партии) «низшему, подавляемому классу». При этом основными «агентами» протеста выступают не члены организации, а «сочувствующие». Цели и задачи такого рода движения состоят не в экономических и социальных изменениях, а в защите (изменении) образа жизни, типов идентичностей, культуры и природы. Члены этого нового класса испытывают депривационные травмы, связанные со структурными деформациями, и протестуют в «неорганизованной» форме.

³⁹ Сторонники данного подхода (как пример, см.: McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. Camb., 1996. P. 141–151) рассматривают протестные организации как своего рода квази-экономические институты, вступающие в конкурентные отношения за ресурсы с другими институтами. Индивиды калькулируют выгоды и принимают рациональное решение в пользу участия в протесте как особой мобилизационной активности, ведь это в перспективе обеспечит ему карьерный рост, ведущие должности и соответствующее обеспечение.

Итак, с одной стороны, именно структурные деформации на макро-уровне (утрата авторитета классических форм представительства и традиционных институтов вследствие разного рода кризисов) позволяют реализоваться (и в этом смысле являются причинами) калькулирующему индивидуальному поведению участников (и особенно лидеров) протеста на микро-уровне. С другой стороны, макро-микро детерминация проявляется в том, что капиталистическая макро-структура общества, и прежде всего господство инструментально-ориентированных средств достижения успеха (в интерпретации Ю. Хабермаса, через образование, массмедиа, семейную интериоризацию ценностей), генерирует соответствующие установки личности. А эти установки, в свою очередь, каузально порождают соответствующие действия⁴⁰.

Противостоящий подход, в свою очередь, исходит из тезиса о том, что структурные деформации и проблемы общества (в первую очередь связанные с местом протестующего агента в экономическом производстве и распределении) каузально воздействуют на психику (через разочарование, депривации и поиски действенного выхода ради преодоления этих психологических состояний). Именно эти психологические состояния затем мотивируют участвовать в протестной активности. Но и здесь возникает проблема разрыва фактической каузальности, ведь вовсе не те, кто фактически страдает и соответственно депримируется, участвуют в протестной деятельности и мотивированы трансформировать макро-институты.

В то же время этот разрыв причинной связи *мотивация/действие* на нижнем уровне каузальной схемы хорошо объясняет очевидную системно-коммуникативную автономию протеста, т.е. то обстоятельство, что появившийся однажды протест уже невозможно нейтрализовать извне при помощи некоторой инструментально-рациональной калькуляции, скажем, перераспределением ресурсов в пользу представителей тех или

⁴⁰ Уже на этом очень абстрактном уровне анализа в данном подходе выявляются несообразности. Так, в нем очевидно существует некоторый разрыв каузальной связи от микро- к макро-уровню, где индивидуальные действия каким-то образом должны были бы детерминировать макро-трансформации: аккумулироваться (наподобие массивов экономических действий, мотивированных установкой внутримировой аскезы, которые и привели, по мысли М. Вебера, к возникновению капиталистического хозяйства) и генерировать современные хозяйственные и административные институты. Но конкретные механизмы этой микро-макро-связи между инструментально-ориентированными действиями и трансформацией современных институтов остается мотивационно-непроясненной. Скажем, неясно, будет ли некоторый действователь стремиться реформировать административную систему, если он уже занял в ней некоторую ведущую позицию? Здесь в качестве гипотезы можно предположить, что такая дисфункциональность (каузальная автономность макро-институтов, прежде всего, высших госорганов) от инструментально-ориентированных индивидуальных действий вызывает к жизни неинституциональные формы активизма и протеста.

иных движений или сочувствующих; его нельзя «купить», запретить или «запугать», т.е. применить инструментальные (экономические и административные) медиа, поскольку сами голодающие и страдающие от несправедливого распределения ресурсов как раз и не являются его участниками. Реальная потребность (травма, голод, недореализация, невостребованность и непризнанность) репрезентирована *лишь символически*, но не переживается «реально» агентами протеста.

Феноменология протеста в коммуникативном измерении и его теоретическая концептуализация

Большую или меньшую ясность в определении границ протеста как системы коммуникации можно получить в *пространственно-временном, предметном и коллективно-личностном измерении этого явления*⁴¹: относительно четко определяется конкретное время и место концентрированной протестной коммуникации (митинги, демонстрации, публикации, заседания); известен стандартный реестр тем или *предметов* протестной коммуникации; в каждом случае хорошо определено «сообщество рекрутированных» и соответствующее «сообщество-враг».

При всей эмпирической определенности этого феномена границы протеста как системы коммуникаций, безусловно, остаются размытыми (например, непросто определить, принадлежит ли общее возмущение некоторым политическим решением в автобусе или такси функциональной системе протеста). Другими словами, непросто определить, локализован ли протест на уровне «организаций» и «массмедийной коммуникации»? Или же интерактивные высказывания face-to-face тоже следует относить к протестной системе? Далеко не всегда можно обнаружить интегрированное «сообщество-враг», которое бы противостояло движению протеста в виде *реальной группы* или коллектива.

Означенные три формы коммуникативного измерения абстрактного «пространства протеста» позволяют рассмотреть реестр ряда эмпирически фиксируемых типов по основаниям *тема /сообщество/враг*:

- ухудшение экологии/экологическое движение/конкретное предприятие или отрасль промышленности;
- гендерное неравенство/феминизм/мужчины;

⁴¹ Соответствующую методологию см.: Антоновский А.Ю. Социоэпистемология. О пространственно-временном и коллективно-личностном понимании общества. М., 2011.

- расовая дискриминация/антирасовые выступления/WASP;
- ультраправая идеология/антифашизм/неонацисты;
- государственный произвол/движение правозащитников/чиновники;
- локальное обнищание/антиглобализм/международные корпорации;
- неолиберализм/движение коммунитаризма/идеология индивидуализма;
- мировая конъюнктура/движение фермеров/сельхоз-корпорации;
- сексуальная дискриминация/ЛГБТ-движение/традиционалистские ценности;
- «пиратское» движение/приватизация публичных благ/правообладатели;
- гонка вооружений/движение за мир/ВПК;
- образовательная политика/студенческое движение/профессура и менеджмент образования;
- безработица/движение безработных/работодатели;
- отсутствие социальных лифтов/молодежные субкультуры/устоявшаяся социальная структура;
- голод и бедность в развивающихся странах/движение в поддержку стран третьего мира/мультипликаторы универсальной культуры (США и т.д.);
- национализм/пренебрежение к национальным идентичностям/иммигранты.

Таким образом, можно говорить о некотором единстве в понимании таксономии протеста. Хотя, безусловно, существует и региональная специфика протестных движений. Так, в России имеет место уникальное движение протеста, предметно кристаллизующееся вокруг темы недофинансирования научных исследований⁴².

⁴² Своеобразно и то, что форма научного протеста не является единым сообществом, но сама, согласно введенным выше критериям-измерениям, распадается на слабо-координирующиеся между собой типы. Речь идет о *интерактивно-ориентированном* типе движения, к которому, прежде всего, можно отнести *Общество научных работников*, лишенное жестких организационных структур; жесткий и наиболее консервативный *организационно-связанный* правилами членства вид протестного движения (*Профсоюзы организаций РАН* и других научных образовательных учреждений); *системно-организованные* формы протеста, прежде всего на уровне коммуникативной системы масс-медиа (телевидение, интернет-вещание, газета), к которым можно отнести газету «Троицкий вариант», и наконец, *социально-сетевой* тип научного протеста – сообщество «Диссернет».

Функционально-каузальный и субстанциальный уровень анализа протеста

Но если от уровня эмпирической фиксации в пространстве означенных измерений (тематического, пространственно-временного и социального) перейти к теоретическому (функциональному и каузальному анализу), если попытаться разобраться в нормальных и аномальных формах протестного движения, то очевидными станут значительные теоретические трудности.

Среди исследователей не наблюдается единства в определении функции протеста, что, конечно, может означать и отсутствие такой функции. Но и этот тезис требует обоснования. При этом в качестве функций протеста могут предлагаться прямо противоположные: защита традиционных ценностей и внедрение и нормализация новых ценностей. Интересно определить, что же представляет собой протестное движение субстанциально: является ли оно *интерактивной ризоматической сетью* или *формой коллективного действия*? Или, напротив, коллективное действие является вторичным следствием изменения *коллективного сознания*, и значит, движение должно рассматриваться как производное от множества девиантных мнений? Может быть, не следует считать протест какой-либо принципиально новой формой социальности, а рассматривать его как некую разновидность политического конфликта? Или протест являет собой форму коллективного творчества, высвобождаемого благодаря появлению новых медиа коммуникации? Или же протестное движение можно концептуализировать как новую форму укоренения новообразованных и трансформации устаревших институтов? Нужно ли рассматривать протест как некий ресурс в борьбе традиционных элит, или все-таки признать – как существенную и радикально новую черту протеста – его качество неинституционализированной, неорганизационной, неполитической, экстрапарламентской формы решения общественных проблем? Можно ли усматривать в протесте некую обновленную форму реализации так называемого гражданского общества? Состоит ли его функция в преодолении системных границ (наблюдения) традиционных социальных систем (политики, науки, экономики) как наблюдателей первого порядка, неспособных наблюдать свойства и характер собственного наблюдения и фиксировать собственную наблюдательную ограниченность (слепое

пятно наблюдения)? Или, может быть, в движениях протеста, наконец, обнаруживаются те самые коллективы-носители солидарности (ее тщетно искал Дюркгейм для сообщества, которое как реальная группа или коллектив выступало бы искомым носителем органической солидарности)? При этом не исключается возможность и того, что функция протеста отвечала бы некоторой комплексной задаче, состоящей в комбинации двух, трех или большего числа выше перечисленных характеристик?

Практически каждая вышеозначенная теоретическая возможность интерпретации протеста находит своего адепта. Так, *Ален Турен* рассматривает движение протеста как коллективное усилие по *культурной легитимации* новообразованных норм и ценностей при обязательном условии наличия противников таковой легитимации⁴³. *Чарльз Тилли* усматривает функцию протеста в возможности выдвижения *коллективных требований* к целевой аудитории, прежде всего, к официальным лицам; требований, которые получают некоторую дополнительную поддержку в виде соответствующих «перформансов» (митинга, медиа-публикации, демонстрации)⁴⁴. *Герберт Блюмер* видит в протесте некое «коллективное предприятие с трансформационной функцией», вызванное «неудовлетворенностью порядком жизни»⁴⁵ и призванное изменить этот порядок (но почему возникает означенная «неудовлетворенность»?). *Мануэль Кастельс* рассматривает протест как «целеориентированное коллективное действие» в рамках «сетевого общества» с функцией изменений «ценностей и институтов», в том числе посредством «информационной герильи»⁴⁶. *Рон Айерман* и *Эндрю Джэймисон* понимают функцию протеста как источника «импульса для коллективного творчества по формированию и предложению в распоряжение более широкого сообщества идентичностей и идеалов»⁴⁷. С точки зрения *Дэвида Мейера*, протест необходим как ресурс для оппозиции, использующей дополнительные – внеинституциональные – формы давления, выступающие в виде неожиданно открывающихся для нее перспектив (*political opportunities*)⁴⁸. *Альберто Мелуччи*, некоторым образом солидаризируясь с

⁴³ Touraine A. An introduction to the study of social movements // Social Research. 1985. Vol. 52. No. 4. P. 749–787.

⁴⁴ Tilly C. Social Movements, 1768–2004. L., 2004.

⁴⁵ Blumer H. Collective Behavior // Principles of Sociology. N. Y., 1969. P. 99.

⁴⁶ Castells M. The power of identity. Oxf., 1997. P. 3.

⁴⁷ Eyerman R., Jamison A. Social Movements. A Cognitive Approach. Camb., 1991. P. 3.

⁴⁸ Meyer D.S. Protest and political opportunities // The Annual Review of Sociology. 2004. Vol. 30. P. 125–145.

Хабермасом, утверждает, что протестное движение порождает новые формы солидарности и «коллективные идентичности», призванные сломать границы тех систем⁴⁹, против которых осуществляется этот протест.

Разбирая эти определения, нетрудно заметить, что исследователи часто не уделяют внимания методологическим вопросам социальной теории, рассматривают это движение как бы само по себе, не различая родовых и видовых определений, функций от причин, видов протеста от форм их проявления, рассматривают протест, не вписывая его в более глобальную теорию общества.

Мы, напротив, пытаемся представить социальную теорию протестного движения в рамках широкого коммуникативного подхода и рассматриваем протест как специфический вид коммуникации, локализованной на обще-общественном уровне – более абстрактном, нежели уровень организаций (с уставными правилами членства и соответствующими прерогативами) и уровень интеракций (простейших коммуникативных систем, предполагающих личное общение *face-to-face*).

В этом смысле ни взаимное выражение недовольства, ни формально-организованная активность не являются (или, по крайней мере, не исчерпывают это понятие) протестом в нашем понимании этого движения. Для коммуникативной интерпретации протеста обратимся к ключевым понятиям системно-коммуникативной теории.

Протестное движение – самореференция, самовалидация, автопоэзис

Коммуникативная теория протеста исходит из недостаточности тривиальных каузальных объяснений, где тот или иной социальный феномен или факт может быть объяснен как следствие ряда предшествующих событий, рассматриваемых как его причины. Но всякое событие, при необозримом множестве его условий, является в высшей степени *невероятным*, и ссыла на некоторое «предшествующее» («существенное», «достаточное», «необходимое») явление представала бы в виде произвола наблюдателя, исчисляющего каузальность, и в этом смысле была бы избыточным редукционизмом⁵⁰.

⁴⁹ Melucci A. The symbolic challenge of contemporary movements // Social Research. 1985. Vol. 52. No. 4. P. 789–815.

⁵⁰ Для описания социальных событий, которые воспроизводятся как некая система *causa sui* («собственные значения»), отдельные авторы привлекают аппарат рекурсивных математических

Дистинкция *причина/следствие* есть всего лишь наблюдательный инструмент, помогающий упорядочить и систематизировать социальную фактуру, но ведь и сама эта дистинкция выступает *причиной* систематизации и упорядочения социальных фактов. И если с ее помощью удастся достичь успеха в систематизации социальных фактов в рамках теории, и значит, этот инструмент систематизации подтверждает свою валидность, то его приходится уже рассматривать как следствие или производную «объективной фактуальности» социальной реальности.

Это общее методологическое замечание подводит нас к тому, чтобы рассматривать такую форму социальности как протест, основываясь на *индетерминистской* концепции автопоэзиса, с точки зрения которой протест выступает *причиной самого себя*, как самовоспроизводящаяся система коммуникаций. При этом зависимость от внешних факторов оказывается достаточно *произвольной* (в том значении понятия *произвольности отношения означающего и означаемого*, который придавал ей Ф. де Соссюр).

Такое определение протеста предлагает, например, британский исследователь Христиан Фухс. Он пишет о том, что «может не существовать каких-то специальных социальных условий (таких, как депривация или ресурсная мобилизация), которые автоматически приводят к возникновению протеста. Появление социальных движений не определяется влиянием какого-то одного фактора, но представляет собою сложный результат кризиса, ресурсной мобилизации, когнитивной мобилизации, самопроизводства. Тогда как поиск сингулярных законов возникновения движения – это выражение одномерного, линейно детерминистского мышления»⁵¹.

Из цитаты видно, что радикальный протест может быть спровоцирован даже самым незначительным событием-триггером, и, напротив, фундаментальные структурные деформации (влекущие личные депривации и социальное недовольство) могут и не порождать протестной активности. Он – причина самого себя в том же смысле, в каком всякая форма коммуникации, образуемая в ходе дифференциации функциональных систем, не имеет внешних причин, а должна рассматриваться в эволюционном смысле, как реализация

функций. См.: Антоновский А.Ю. Никлас Луман. Эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М., 2007. С. 11–14.

⁵¹ Fuchs Ch. The Self-Organization of Social Movements // Systemic Practice and Action Research. 2005. Vol. 19. No. 1. P. 111.

представляющейся эволюционной возможности, а не как функциональный ответ на вызов. Лишь сама протестная коммуникация порождает протестную коммуникацию.

В этом смысле то, что принято называть «социальными проблемами», в каком-то смысле является не причиной, а следствием протеста, который «высвечивает» и «обостряет» (и в этом состоит «катализационная» функция протеста) то, что само по себе никогда бы не стало центром общественного обсуждения⁵².

Система политической коммуникации (впрочем, как и ранее утвердившиеся формы коммуникации), с одной стороны, и протестная коммуникация, с другой, находится в *структурном сопряжении* с ней⁵³. Это значит, что событие в некоторой одной сфере (распоряжение власти, строительство предприятия), являясь элементом некоторой данной системы (и событием в ее истории) коммуникаций, одновременно представляет собой вызов и событие-триггер в рамках другой системы при том, что обе эти коммуникативные системы сохраняют взаимную системную автономию: в том смысле, что всякий акт, например, экологической коммуникации (митинг, протестная публикация, демонстрация) «подсоединяется» не к коллективно-обязательному политическому решению (разрешению на ее проведение или напротив, запрету), а к *предшествующей* экологической коммуникации и учитывает ее *будущие* перспективы.

Коммуникации в рамках политических, экономических, научно-технических систем, в свою очередь, автономны, хотя и тематизируют в своих независимых обсуждениях экологически значимые явления (и конечно, сами остаются *темами* экологической протестной коммуникации).

В этом смысле вытекающее из структурного сопряжения понятие *темы* протеста⁵⁴ как точки его кристаллизации, понимаемой как некий не причинный фактор (ведь она генерирует протест и сама является

⁵² Japp K.P. Selbsterzeugung oder Fremdverschulden. Thesen zum Rationalismus in den Theorien sozialer Bewegungen // Soziale Welt. 1984. No. 35. S. 313–329.

⁵³ О понятии структурных сопряжений или сцеплений см.: Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 156.

⁵⁴ Здесь система протестной коммуникации выказывает уникальные черты, поскольку концентрируется именно вокруг *темы* протеста, а не ориентирована на *обобщающие символические медиакоды*, как это имеет место в классических системах коммуникации: политики, науки, хозяйства, интимности, искусства, религии (соответственно: *власти, истины, денег, любви, прекрасного, веры*).

производным следствием протеста), видимо, следует считать ключевым маркером всей протестной активности.

Протест как манифестация реальности в наблюдении других коммуникативных систем

Реальность внешнего мира представлена в коммуникациях в виде *тем*. Темы замещают реальность, но не являются ею, ведь коммуникация всякой темы остается коммуникацией. Но в этой дистинкции *тема/реальность* нет жесткой корреляции между образуемыми сторонами. Реальность такова, какова она есть, а темы зависят от специфической наблюдательной перспективы, внимания, интереса и настроения наблюдателя. Тем не менее, именно и исключительно темы манифестируют реальность, отсылают к реальности, если последнюю понимать не онтологически, а в смысле Мангейма, как «опыт сопротивления», с которым вынуждены считаться другие коммуникативные системы, и, не в последнюю очередь, система политики.

Темы, которые поднимает протестное движение, как бы подменяют собственно природу и людей, которые в нормальном случае (если они не попадают в наблюдательный сектор протеста) политика бы просто не замечала по причине свойственного и ей *самореференциального автопоэтического устройства*: ведь ключевым интересом в принятии коллективно-обязательного (т.е. политического) решения является не внешний мир политики (люди, экология), а внутренние политические резоны – прежде всего, необходимость учитывать условия переизбрания, переназначения, карьерные перспективы, «ранее принятые» и «выше принятые» распоряжения.

Этот свойственный политике наблюдательный дефицит восприятия реальности, собственно, и компенсируется протестом, заставляющим считаться с отобранными им темами и не позволяет политике замкнуться в ее волюнтаризме и позитивных самооценках, когда результаты всех политических решений представляются в самоописаниях политической системы как исключительно успешные (как свидетельствует египетская традиция, фараоны выиграли все войны). То, что вследствие системных сцеплений темы протеста оказываются темой («реальностью как опытом сопротивления») в том числе и политической коммуникации, возможно, следует рассматривать как важнейшую точку кристаллизации протеста. Апеллируя к реальности протестной темы, протестная коммуникация вовсе

не делегирует ее решение и рассмотрение политике, но, напротив, лишь укрепляет собственную коммуникативную автономию. Интересно, что здесь протестное движение взывает к тем же доводам, что и наука.

Последняя, как известно, защищает свою автономию тем, что утверждает истину в своих предложениях, т.е. нечто реальное, нечто такое, с чем никакая инстанция поделаться ничего не может при всем желании. Можно административно и экономически определять выбор темы научных исследований, но нельзя определять истинностные значения научных суждений. Протестная коммуникация, в свою очередь, защищает «реалистичность» своей темы, но снабжает свои предложения не *индексом истинности*, а *индексом опасности*, тем самым указывая не столько на объективную, сколько на *угрожающую* природу тематизируемой реальности.

Этим, кстати говоря, она (в отличие от научной коммуникации) освобождает себя от необходимости обосновывать свои прогнозы⁵⁵, как и от необходимости предлагать альтернативные решения. Протест всегда формулирует «альтернативы без альтернативы»: вспомним протестные лозунги «хватит производить атомную энергию», «хватит кормить Кавказ» как стандартные примеры безальтернативного отклонения фактичности. Эти провозглашаемые в протесте темы опасности и предметы страха (опасений, алармизма) на первый взгляд подразумевают *реактивное* понимание протеста, что возвращало бы нас к идее тривиальной каузальности – дистинкции *следствия/причина*, где социальная проблема (тема, предмет протеста) и понималась бы как его причина, а сам протест – как некая *следствие-реакция-ответ на вызов*. Однако, как мы покажем ниже, эта протестная каузальность имеет круговой и обратный характер.

Социальные движения и их враги: *проактивная* детерминация протеста

Все протестные темы выстроены по схеме *социальная проблема/решение*. Однако этого решения протестующие ожидают от других систем. На первый взгляд дело выглядит так, что именно проблема (структурная деформация, несправедливое распределение, подавление идентичности и т.д.) вызывают к жизни протестное движение. В этом

⁵⁵ Ведь даже если сбывание прогноза маловероятно, с опасным прогнозом все равно приходится считаться.

и состояло традиционное *реактивное* понимание протестного движения. При более тщательном анализе, однако, дело предстает несколько иным. Именно то или иное *решение*, т.е. коммуникация по поводу некоторой темы, «поднимает», «высвечивает», и в этом смысле *создает* проблему. В этом состоит новое *проактивное* понимание протестного движения.

Конечно, заявление о том, что, скажем, движение в поддержку стран третьего мира вызывает голод в этих странах, выглядело бы странным. И все-таки это печальное явление получает каузальное значение (causal power) и массмедийный резонанс именно благодаря соответствующему движению. Используя идею Дюркгейма, можно сказать, что голод становится «социальным фактом», а значит, в каком-то смысле и «возникает» как «объективная реальность» первоначально в наблюдательной перспективе протестного движения.

И все-таки даже такое понимание проактивного характера протеста выглядит трюизмом. Однако у проактивной концептуализации движения протеста имеется и иное каузальное измерение. Движение протеста тематизирует (каузирует и конструирует) проблему, которую оно желает устранить, не только конструктивно, т.е. *путем ее наблюдения* в собственной перспективе, но и тем, что *эскалирует* ситуации и зачастую усугубляет проблему. В частности, неонацизм (как идеология, мимикрирующая под теорию), как бы негативно к нему ни относились, делает невнимание к национальным идентичностям «социальным фактом», но одновременно делает неприличной саму тематизацию национальных особенностей, тем самым эскалируя остроту данного противоречия и усугубляя проблему национальной идентичности, делая ее неразрешимой и просто недоступной для рационализации⁵⁶.

Итак, мы отказываемся от проблемно-реактивного подхода, согласно которому генезис протестного движения следовало бы объяснять отсылкой к функциональному ответу на появляющуюся задачу. Проактивный подход исходит из того, что функциональная дифференциация современного общества (и от-дифференция системы протестной коммуникации как ее следствие) и генерирует проблемы, а не отвечает на них⁵⁷.

⁵⁶ Так, обращение немецкого классика Курта Хюбнера к теме «национального» в Германии вызвало скандал. Тираж книги Хюбнера «Das Nationale» так и не был реализован. Напротив, в России, где, очевидно, протестный запрос на тему национальной идентичности поддерживается и административно-политически, книга не просто разошлась, но в переводе А.Ю. Антоновского получила более провокативный заголовок: «Нация: От забвения к возрождению» (М., 2001).

⁵⁷ В анализе органических систем никому и никогда не приходило в голову, что эволюция новых формы органической жизни, растений и животных, следовало бы понимать как ответ на функциональный вызов, как если бы растительный фотосинтез решал бы актуальную задачу производства кислорода,

Фундаментализм делает зримым гомогенизацию культурной жизни, даже в каком-то смысле ускоряет ее и является не просто ее следствием, но и проявлением. В свою очередь, и альтернативные субкультуры создают трудности встраивания собственных членов в наличные системные структуры (молодому человеку с «ирокезом» труднее пройти интервью работодателя) и в этом смысле конструируют и реифицируют препятствия для самореализации своих приверженцев, и затем могут рассматривать свою активность как некий абсентеистский ответ на «объективные» препятствия для самореализации (интеграции, карьерного роста) своих адептов в рамках существующих институтов.

Именно в наблюдательной перспективе протеста интеграция затруднена и вызывает абсентеизм. В этом смысле феминистское движение представляет оппресией то, что раньше оппресией, очевидно, не считалось и в этом смысле не являлось. Требуется наблюдатель, из перспективы которого подавление собственно и становится подавлением (чем-то неестественным, негативным, аномальным и, в конце концов, – морально предосудительным)⁵⁸, а не естественным устройством и следствием «естественного» половозрастного разделения функций и статусов.

И в этом смысле социальные движения проактивны, так как генерируют проблемы, но затем в своих самоописаниях истолковывают себя как *реактивные*, отвечая на эту задачу. Другими словами, ключевую для анализа протеста дистинкцию *реактивное/проактивное* следует рассматривать скорее как единство, а не различие. Всякий протест всегда и то, и другое. Лишь протест проблематизирует и денормализует естественный ход событий, который тут же утрачивает свое качество естественности и нормальности, опрокидывая тем самым новый взгляд на реальность, в том числе и на *прошлое*.

Отныне и прошлое той или иной «естественной» коммуникации, где мужчины подавляли женщин, а белые – черных, понимается как несоответствующее нынешним ожиданиям и в этом смысле – «плохое». И протест (в числе прочего) отвечает за формирование нововременной дистинкции-императива *плохое прошлое/лучшее будущее*. Как пишет Ник

так необходимого для прочих форм органической жизни. Почему с коммуникативными системами должно быть по-другому?

⁵⁸ Такое проактивное понимание протеста несколько не умаляет достижения протестного движения женщин в борьбе за свои права, но, напротив, делает эти достижения более значимыми. Добиться *юридического* полноправия легче, чем *морально* денормализовать то, что считалось нормальным и естественным в течение тысячелетий.

Кросли, «в некоторых случаях напряжение будет сохраняться в течение десятилетий [и даже тысячелетий – *А.А., Р.Б.*], сменяясь периодом формирования протестного движения тогда, когда это сделает возможным изменение в возможностях или ресурсах».⁵⁹

Так, дистинкция *проактивное/реактивное* сопрягается с обсуждавшейся выше дистинкцией *opportunity/structural problems*, которая разделила исследователей протеста на два лагеря (см. выше о структурно-критическом и ресурсно-мобилизационном подходах к протесту). Отсюда вывод, что протест не является ни исключительно проактивным, ни исключительно реактивным, и не может истолковываться ни исключительно как ответ на *структурные проблемы*, ни исключительно как реализация открывшейся *возможности*. Лишь синтетическое применение двух означенных дистинкций, понимаемых как единства, а не различия, делают возможным описание генезиса протеста.

«Открывшаяся возможность» (как следствие функциональной дифференциации), *проактивно создает* протестную тему и одновременно *реактивно отвечает* на нее как на *структурную проблему* общества, истолковывая данную структурную проблему как существующую и в далеком прошлом и ждущую своего часа, чтобы быть, наконец, решенной благодаря протесту.

В этом смысле перестройка в СССР была и ответом на *структурные проблемы* (имущественную стратификацию между номенклатурой и гражданами), и одновременно реализацией «*новых возможностей*», связанных с развитием новых медиа и общим ослаблением режима, причем именно перестройка во многом *проактивно* усугубляла структурные проблемы, и именно она создала то несоответствие между ожиданиями и фактическим устройством общества, которое *реактивным образом* радикализировало протест против советского режима.

Это требует анализа соответствующей третьей ключевой дистинкции, объясняющей генезис протестного движения.

Субъективные ожидания / объективные структуры как главное противоречие протестного движения.

Как справедливо утверждает Ник Кросли, «когда нарушается «соответствие» между объективными структурами и субъективными

⁵⁹ Crossley N. Making Sense of Social Movements. Buckingham; Philadelphia, 2002. P. 188.

ожиданиями, появляется возможность для критической рефлексии и дебатов по ранее неоспоримым предположениям»⁶⁰. Теперь некие объективные структуры (господства, собственности т.д.) понимаются как устаревшие и не соответствующие уже сформировавшимся субъективным ожиданиям в отношении их более эффективного функционирования. И это несоответствие только нарастает, что генерирует недовольство и протест, направленные против сообщества, заинтересованного в их институциональной консервации и не заинтересованного в их функциональной эффективности.

Но если эта дистинкция универсально применима, мы вправе поставить вопрос о самоприменимости. Кто наблюдает в этой оптике? Если протестное движение имплементирует эту дистинкцию и вербализирует в своей коммуникации такое несоответствие субъективных ожиданий и наличных институтов, то насколько сама эта дистинкция *бенефициар/институт* как символический медиум протестной коммуникации является объективной или субъективной? Но и эта дистинкция, в свою очередь, лишь инструмент наблюдения реальности тем или иным наблюдателем!

Некоторый другой (не участвующий в протесте) наблюдатель всегда вправе утверждать, что до тех пор, пока «объективные структуры» так или иначе воспроизводятся, они (в свою очередь, лишь в перспективе тех или иных наблюдателей) сохраняют достаточную устойчивость и даже гарантируют социально-политическую стабильность, в то время как «субъективные ожидания» (в перспективе других наблюдателей) еще не аккумулировали достаточной эрзац-силы, для того чтобы, наконец, дозреть и подменить собой наличные социальные структуры⁶¹.

Не-институциональный характер российского протеста как универсальное свойство социального движения

Основываясь на вышесказанном, проблему *обратной детерминации*, которую мы ставили применительно к отдельным видам (темам) протеста, можно поставить и применительно к специфически российской реализации дистинкции *протест/структурные проблемы*.

⁶⁰ Ibid. P. 189–190.

⁶¹ Мы вправе добавить сюда и перспективу наблюдателя второго порядка, исследователя протеста, для которого то, что предстает в рамках протестного дискурса как субъективные ожидания, есть объективные социальные структуры, а их дистинкция (как всегда) выражает их единство и связь.

Выступают ли структурные проблемы российского общества действительными причинами российского протеста? Или само российское протестное движение (в первую очередь, конечно, движение А. Навального) генерирует структурные проблемы и в этом смысле предстает как структурная проблема, и, значит, несет угрозу так называемой национальной стабильности?

Возникшая и стремительно завоевывающая регионы организация предвыборных штабов Навального в период президентских выборов 2018 года демонстрирует известное *структурно-институциональное* несоответствие. Возникают институты, мимикрирующие под традиционную политическую структуру (предвыборного штаба), функция которого никак не связана с декларируемой (электоральной) задачей. Под вывеской традиционного политического института стремительно вызревает новая коммуникативная система, вносящая возмущение в традиционные коммуникативные взаимосвязи: так, региональные муниципалитеты вынуждены согласовывать протестные митинги, поскольку их несогласование лишь эскалирует протестную активность. Наличные политические опции не позволяют оптимально реагировать на протест. И именно в этом состоит структурная проблема, которую генерирует и, одновременно, призвано решить протестное движение Навального.

Несколько обобщая, можно утверждать, что российская политическая система не может найти адекватного ответа на то обстоятельство, что сами порождаемые протестом структурные проблемы становятся неснимаемым сопровождающим элементом современного общества и в этом смысле — в самой своей аномальности, неинституционализированности — являются нормальными⁶².

Итак, протест как коммуникация, критически наблюдающая общество (другие системные коммуникации), как только приобретает систематическую форму и нормализуется, сам превращается в главную структурную проблему общества, т.к. именно в его перспективе общество не соответствует его представлению, создает опасности и риски для себя самого, но само эти опасности увидеть не может. И именно этим он

⁶² Понятие структурных проблем социума, понимаемого как находящегося в перманентном кризисе, давно используется в самоописаниях современного общества, причем во многом именно благодаря специфической оптике протестного наблюдения. Кризисное самоописание есть способ наблюдения обществом себя самого, и протест является и средством наблюдения этого кризиса, и реакцией на это самонаблюдение.

мешает автономным макросистемам (политике, хозяйству, религии и т.д.) дальше осуществлять свой автономный автопоэзис.

Дело усугубляется тем, что современный конфликт принципиально не институционализирован. Протестное движение в России совсем не случайно не вписывается в институциональные формы. Это не является каким-то результатом злой воли президента или политического истеблишмента. Парадоксальным образом, неинституционализированность и несистемность российского (как и любого другого) протеста представляет собой его системное свойство, поскольку обеспечивает главные условия его воспроизводства – всепроницаемость и неуничтожимость. Как уничтожить то, что делает Навальный? Ликвидация предвыборного штаба или фонда ФБК означала бы лишь ликвидацию организации или института, тогда как протестное движение сущностным образом локализуется и кристаллизуется на гораздо более абстрактном уровне, а не рекрутируется из членов той или иной организации.

Как справедливо замечает Ю. Хабермас в отношении новых социальных конфликтов, «они больше не направляются через партии и ассоциации; они больше не могут быть компенсированы. Скорее, эти новые конфликты возникают в областях культурного воспроизводства, социальной интеграции и социализации; они проводятся в суб-институциональных или, по крайней мере, внепарламентских формах протеста; и возникающий дефицит отражает овеществление коммуникативно структурированных областей действия, которые не будут реагировать на ресурсы денег и власти ... Вопрос заключается не в том, какую компенсацию может предоставить государство всеобщего благосостояния, а в защите и восстановлении находящегося под угрозой исчезновения образа жизни»⁶³.

Что означают эти культурно-значимые «способы жизни» (Хабермас), которые – в неинституционализированной и в непарламентской форме – защищает (и одновременно – генерирует) российский протест? Например, указанная неинституционализированность и несистемность российского протеста – независимо от воли Навального – прежде всего, вытекает из его *тематической специфики*. Российское протестное движение, помимо воли Навального, кристаллизуется вокруг нескольких культурно- и идентификационно-значимых тем.

⁶³ Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. II. Lifeworld and System: a Critique of Functionalist Reason. Boston, 1987. P. 382.

Речь идет, прежде всего, о *национализме, антимигрантских и антикавказских настроениях и о неприятии чужого богатства*. То, что интерпретируется в традиционных системных терминах *борьбы с коррупцией, бюрократией, в требованиях юридической защиты фундаментальных прав* граждан и т.д., на самом деле является некой институциональной ширмой для выражения и защиты традиционных российских *ways of life* (Хабермас), а именно – традиционного для России неприятия индивидуального богатства, частной собственности и чужой культуры.

Такого рода, очевидно, культурные, а не социально-экономические установки (*темы*) протеста не могут (во всяком случае, пока обозначенные темы будут доминировать в общественных настроениях) получить достаточную – партийную, парламентскую – институционализацию и обречены сохранять маргинальный, несистемный, и в этом смысле – *неустрашимый* характер.

Другими словами, абсорбирование российского протеста в политическую систему и обретение поддержки со стороны бизнеса и политической власти потребует существенного смягчения «культурно-идентификационной» программы протеста. Но именно в этом случае он перестанет быть протестом и интегрируется в русло системной политической конкуренции. Пока протест остается протестом, он, согласно самому своему сущностному определению «альтернативы без альтернативы», не способен сформулировать альтернативу – партийную программу.

Глава третья. Протест и радикализм в функции общественного иммунитета

Постулируя тезис о предельной размытости причин возникновения протестных движений, мы применяли системно-теоретический подход к интерпретации эмпирической феноменологии и таксономии протеста. Признавая значение «традиционных» (*структурно-критического и ресурсно-мобилизационного*) подходов к интерпретации причин возникновения протестных настроений несостоятельными, мы в большей степени все-таки основываемся на системно-коммуникативном подходе к анализу разнообразных форм социального радикализма как особого типа коммуникации и в этом контексте вводим категорию *общественного иммунитета* как особой *функции* девиантных (в том числе протестных) форм коммуникации.

Новые социальные движения и их функции

В 1960-ые гг. социальные теоретики столкнулись с новым типом социальных явлений: протестным движением или *новыми социальными движениями* в самых разнообразных его формах. Эти движения радикально отличались как от традиционных форм профсоюзно-организованного рабочего движения, выдвигавшим преимущественно экономические требования, так и от всех известных форм политической «партийно-организованной» борьбы. Новые движения, как правило, не кристаллизывались в виде *организаций*, принадлежность к которым всегда носит более или менее формализованный характер (правила членства, устав, программа), но охватывали широчайшие сферы коммуникации и культуры.

При этом границы протестных движений остаются предельно размытыми. Невозможно определить, обусловлено ли общее возмущение некоторыми политическими решениями, экономическими условиями или экологической ситуацией. Далеко не всегда можно обнаружить интегрированное «сообщество-враг», которое бы противостояло движению протеста в виде *реальной группы* или коллектива.

Ранее мы сформулировали идею трехмерного «гиперпространства протеста» (в предметно-тематическом, временном и социальном измерениях), что позволило предложить реестр ряда эмпирически-

фиксируемых типов по трем основаниям: *тема /сообщество/враг* [Антоновский, Бараш, 2018]. Воспроизведем эту таксономию еще раз:

- ухудшение экологии/экологическое движение/конкретное предприятия или отрасль промышленности;
- гендерное неравенство/феминизм/мужчины;
- расовая дискриминация/антирасовые выступления/WASP;
- ультраправая идеология/антифашизм/неонацисты;
- государственный произвол /движение правозащитников/чиновники;
- локальное обнищание/антиглобализм/международные корпорации;
- неолиберализм /движение коммунитаризма/идеология индивидуализма;
- мировая конъюнктура/движение фермеров/сельхоз-корпорации;
- сексуальная дискриминация/ЛГБТ-движение/традиционалистские ценности;
- «пиратское» движение/приватизация публичных благ/правообладатели;
- гонка вооружений/движение за мир/ВПК;
- образовательная политика/студенческое движение/профессора и менеджмент образования;
- безработица/движение безработных/работодатели;
- отсутствие социальных лифтов/молодежные субкультуры/устоявшаяся социальная структура;
- голод и бедность в развивающихся странах/движение в поддержку стран третьего мира/«неоколонизаторы»;
- национализм/пренебрежение к национальным идентичностям/иммигранты.

Собственно, по вопросу эмпирической феноменологии и таксономии протеста не ведется особых дискуссий, хотя региональная специфика в протестных движениях несомненно присутствует. К примеру, в России имеет место уникальное движение протеста, предметно кристаллизующееся вокруг темы недофинансирования научных исследований⁶⁴. Многие авторитетные социологи и философы

⁶⁴ Нельзя не отметить, что форма научного протеста не является единым сообществом, но сама, согласно введенным выше критериям-измерениям, распадается на слабо-координирующиеся между собой типы. Речь идет об *интерактивно-ориентированном* типе движения, к которому, прежде всего, можно отнести *Общество научных работников*, лишенное жестких организационных структур; жесткий и наиболее консервативный *организационно-связанный* правилами членства вид протестного движения (*Профсоюзы организаций РАН* и других научных образовательных учреждений); системно-организованные формы протеста, прежде всего на уровне коммуникативной системы масс-медиа (телевидение, интернет-

усматривают функции новых социальных движений в обеспечении вариативности социальной жизни, создания пула для селекции инновационных решений, социальных трансформаций и формулирования альтернатив существующему порядку. В частности, Ю. Хабермас и П. Штомпка разделяют идею о «прогрессивной» функциональной роли новой коммуникативной системы.

Хабермас развивает концепт коммуникативного дискурса, рациональность которого принято связывать с ресурсами некоего «чистого языка повседневности», способного, опираясь на повседневный *Lebenswelt* и обеспечивая коммуникативную рациональность, воспрепятствовать внешней экспансии «чуждых» этому миру и языку так называемых инструментально-рациональных, прежде всего, административных и хозяйственных, медиа или мотиваций (денег и власти). И эта функция как нельзя лучше подходит новым социальным движениям, заявляющим о себе как о принципиально экстра-политическом и не-коммерческом активизме [Habermas, 1969]⁶⁵.

Напротив, П. Штомпка отклоняет гипотезу о функциональной роли социальных движений как «двигателей истории и эволюции», поскольку, по его мнению, в этом случае возникает каузальный парадокс. Ведь в таком понимании социальные движения выступают одновременно и причинами, и следствиями социальных изменений (носителями и причинными факторами социального процесса и, одновременно, следствиями исторических законов). Однако и в его концепции все-таки находится место «прогрессистской» оценке протестных движений. Ориентируясь на идею «структуриации» Э. Гидденса, Штомпка вводит понятие *социоиндивидуального поля*, где индивид (атом) и общество (поле) составляют единую реальность, пребывающую в состоянии самопревращения. Поле состоит из *событий*, связывающих некие сами по себе неполноценные сущности: *индивидов* и *социальные единства* (т.е. функциональные системы политики, хозяйства и т.д.). Таковым полем,

вещание, газета), к которым можно отнести газету «Троицкий вариант», и наконец, *социально-сетевой* тип научного протеста – сообщество «Диссернет».

⁶⁵ «Эта идея в большей степени характеризует функции социальных движений: они более не канализируются через партии и ассоциации; их уже не подчинить путем компенсаций. Скорее, эти новые конфликты возникают в областях воспроизводства культуры, социальной интеграции и социализации; они осуществляются в субинституциональной, или, по крайней мере, эстра-парламентской форме протеста; и лежащая в их основе недостаточность отражает реификацию коммуникативно-структурированных областей действий, которые не отвечают на вызов со стороны медиа денег и власти. Их вопрос не является преимущественно требованием компенсаций, которые способны обеспечить государство всеобщего благоденствия, они ставят вопрос защиты и восстановления находящихся под угрозой способов жизни» [Habermas, 1969 : 382].

по-видимому, следует считать протестные социальные движения как некий «первичный бульон», в котором со временем, прежде всего на базе «социального чувства несправедливости» [Штомпка, 2017], возникают центры кристаллизации: индивиды, организации, специализирующиеся на особых проблемах системы общества. В этом смысле протестные движения могут истолковываться как искомое возвращение к первоначальной связи человека и института⁶⁶, первичный фактор и ресурс, первоначально «питающий» этот радикализм, позднее приобретающий формальный и организованный характер и приводящий, наконец, к социальным изменениям.

Понимание социального движения как агента и выразителя социальных *альтернатив* развивают Э. Лаклау, Ш. Муфф, А. Турен, К. Оффе, Ш. Кастельс. И. Валлерстайн и другие. Обобщая их взгляды, можно выделить центральную идею: агентом социальных изменений и ядром новых социальных движений является «новый средний класс», пока не обладающий достаточной степенью организационного единства в сравнении с хорошо организованным (в профсоюзы, партии) «низшим, подавляемым классом». Функции этих новых движений состоят скорее в защите (изменении) образа их жизни, вариаций идентичностей, культуры и природы – т.е. некоего набора условий жизни этого нового класса, а не в защите его исключительно социально-экономических интересов. Тем не менее члены этого нового класса, в свою очередь, все-таки переживают депривации, вызванные социальными структурными деформациями, и, участвуя в протестных движениях, утверждают альтернативные формы жизни [Touraine, 1985] [Castells, 2004 : 3] [Laclau, Mouffe, 1985] [Offe, 1985].

Этому *структурно-критическому подходу*, усматривающему в протестных движениях функцию социальных трансформаций и создания пула альтернатив, противостоит так называемая *ресурсно-мобилизационная концепция* протестных движений⁶⁷. Разного рода социальные (культурные,

⁶⁶ «Социальные единства и люди лишь по видимости осуществляют самостоятельную экзистенцию; их разделенность и противопоставленность суть продукт некоторой ложного, извращенного представления; оно восходит к бытовой иллюзии, к теоретическим и мета-теоретическим заблуждениям» [Sztompka, 1994].

⁶⁷ Сторонники этой концепции (во многом ориентируясь на влиятельную Rational Choice Theory Дж. Коулмана) рассматривают протестные движения как своего рода квази-экономических агентов, конкурирующих за ресурсы с традиционными институтами и организациями. Участники протеста, с этой точки зрения, исчисляют профиты и бенефиты (всегда в контексте возможных издержек) и, таким образом, рационально взвешивают и решают в пользу участия или отказа в протестной деятельности как способе обеспечить рост карьеры и замещение ведущих – и оплачиваемых – должностей в протестных организациях [McAdam, McCarthy, Zald, 1996 : 141-151].

экономические) кризисы ухудшают положение традиционных элит и институтов, которым приписывают ответственность за фиаско их патерналистских функций⁶⁸. Это увеличивает шансы новых организационных форм, которые в качестве ресурса и используют их лидеры для достижения личного успеха в рамках традиционных систем – в политике, экономике и даже науке [Антоновский, Бараш, 2018].

Учитывая вышеозначенную полемику между ресурсно-мобилизационным и структурно-критическим подходами, эта же проблема формулируется в виде следующей дилеммы: *«Формулируют ли новые социальные движения альтернативы существующему социально-экономическому порядку, культурным нормам и ценностям, традиционным идентичностям и жизненным стилям, или же выступают лишь ресурсами или социальными лифтами для проникновения в традиционные системы новых лиц и формирования новых элит?»*.

Мы используем системно-коммуникативный подход для анализа социальных движений⁶⁹ как некую третью возможность объяснения генезиса и функций протестных настроений. Это требует рассматривать все формы социального протеста как особого типа коммуникации, ориентированного на общий для данных коммуникаций *бинарный медиакод* и *общую протестную тему*, выступающего не только принципами инклюзии в протестное сообщество, но и составляющими атрибутами системы протестных коммуникаций.

Развивая этот подход применительно к протестному движению мы не только критически рассмотрим интерпретации протеста как ресурса развития и формы *проявления гражданского общества* (первый раздел данной главы), но и предложим (существенно выходя за пределы

⁶⁸ Конечно, мы, следуя методологии И. Лакатоса, отдаем себе отчет, что даже самая фундаментальная дилемма в науке далеко не исчерпывает весь спектр возможных объяснений, а опровержение одной части дилеммы не доказывает автоматически истинность другой. У данной протестной системы может быть и некоторая другая функция. Кроме того, она может выполнять некоторую вспомогательную задачу для некоторой традиционной коммуникативной макросистемы (например, для политики) или вообще не иметь никакой функции. Последний взгляд разделяет Н. Луман, полагающий, что функции системы протеста могут исчерпываться задачей воспроизводства собственных специфических (в данном случае протестных) коммуникаций и не вносить никакого вклада в развитие общества в целом. Наконец, оба объяснения генезиса новой системы в рамках этой дилеммы, очевидно, имеют и некоторое общее основание, поскольку в обоих объяснениях протест понимается как фактор социальной динамики, не важно, идет ли речь о личностном, карьерном росте или трансформации общества и его систем. Протест предстает (конечно, в метафорическом и не физическом смысле) в виде некоторого «импетуса» или некой «энергии в чистом виде» (П. Штомка), которая затем принимает самые разные формы: мотивирует элиты, мобилизует индивидов, рекрутирует членов организаций, провоцирует ответ со стороны «макросистем» и т.д.

⁶⁹ В современной западной социологии данный подход представлен идеями Н. Лумана, Р. Мюнха, Дж. Александера, К. Йаппа. Отечественную версию см.: [Антоновский, Момджян и др., 2016].

лумановской версии системно-коммуникативного подхода) свое видение *социальной функции* этой коммуникативной системы (второй раздел), рассмотрим принципы распространения протестных идей взглядов (третий раздел), и, наконец (в заключении), попытаемся осветить новейшие формы, глобализационные перспективы и следствия новых социальных движений, имея в виду в том числе и российскую специфику.

Протестные движения на службе гражданского общества – функции индикации и резонанса

Как утверждает Христиан Фухс, концептуализируя протестное движение с точки зрения «структурно-критического» подхода, «социальные движения выполняют роль не-институционализованного и необходимого для гражданского общества механизма общественной самокритики»; «коммуникация организует коллективные практики протестных движений, такие как демонстрации, петиции, бойкоты, гражданское неповиновение, работу с медиа и средствами информации, публикации, дискуссии и т.д. Эти коллективные практики социальных движений (которые образуют коллективных акторов) производят и воспроизводят – как часть системы *гражданского общества* – альтернативные и оппозиционные темы и ценности в политической публичной сфере» [Fuchs, 2005: 118].

Можно было бы согласиться с Фухсом и признать движения протеста «частью гражданского общества» с их особой функцией, состоящей в том, чтобы в дополнение к *внутренней* (т.е. системно-институционализированной) критике осуществлять критику *извне*, и тем самым восполнять наблюдательный дефицит системной политической оппозиционно-партийной и внутрипартийной критики.

Но в этот концепт Фухса не укладывается одно обстоятельство. Не очень понятно, как в рамках гражданского общества локализовать «плохие» формы протеста (скажем, правый радикализм), которые оказываются в отношениях конфронтации со своим «хорошим» врагом (скажем, движениями «антифа»)? Должны ли мы включать в гражданское общество националистические, расистские движения, радикальные движения футбольных фанатов? Почему один вид критики социального порядка мы склонны допускать и разрешать, тогда как другие формы протеста отклоняются как несовместимые с нашими принципами?

Конечно, эту проблему до некоторой степени можно обойти, если вводить, как это делает Луман, возможно, опираясь здесь на Э. Дюркгейма, некоторое расширительное толкование функции протеста [Luhmann, 1996: 175-200] как формы аномии с функцией, которая состояла бы не столько в критике наличных структур, сколько в *создании препятствий* для самоочевидных и как бы естественных системных (политических и экономических) социальных порядков и тем самым – в их «*тестировании на реальность*»⁷⁰.

Функция протеста состояла бы тогда не столько в элиминации структурных проблем, сколько в *индикации* и фокусировании наблюдения гражданского общества и, не в последнюю очередь, самих макросистем, на проблемах, вызванных их собственными дисфункциями и их неспособностью наблюдать внешний мир вне их собственной оптики.

Такое определение протеста как *социального факта* (по Дюркгейму), апеллирует к некоторой *необходимости*, сопротивляемости, в конечном счете – к тому, что можно обозначить как *социальную реальность*, с которой вынуждены считаться традиционные системы и что пробуждает их от их «самореференциального сна». В этом смысле экстремистские идеологии и движения действительно выполняют «резонансную» и «индикационную» функцию, где аномия и преступления, как это представлялось и Дюркгейму, вызывая общественный резонанс и всеобщее возмущение, могут служить минимизации аномии⁷¹. Это дюркгеймианское понимание по крайней мере некоторых форм «экстремизма» (аномии) как некой социальной патологии требует введения понятия *социального иммунитета*, применение которого мы обосновываем в четвертом разделе этой главы.

Аномийные формы протеста в функции социального иммунитета

Вернемся к теории протестного движения и выявления его ключевой *латентной функции*⁷². Мы также не можем принять идею Никласа Лумана

⁷⁰ Идею «тестирования социального порядка на реальность» как особой функции, как известно, высказал К. Мангейм, но на роль реализатора этой задачи он возводил утопические и идеологические формы сознания [Мангейм, 1994: 85-86].

⁷¹ В более развернутом виде этот тезис представлен в пятом разделе данной главы.

⁷² Мы используем это мертоновское понятие, имея в виду неочевидность и комплексность социальной задачи протеста, но все-таки полагаем, что *все* функции являются латентными, а то, что Мертон постулировал в качестве «явных», должно носить иное название.

о том, что у протестного движения вообще могут отсутствовать функции⁷³, хотя и разделяем точку зрения, что коммуникативная система кристаллизуется как продукт эволюции, как реакция, но направленная отнюдь не на решение стоящих перед ней и обществом задач.

В этом смысле в качестве таковой социально-значимой функциональной задачи протеста мы выделяем функцию апробации новых ценностей *в малых сообществах* без процессирования их в рамках *больших систем и в обществе в целом*. Именно это позволяет нейтрализовать опасность внедрения новых ценностей, хорошо интегрирующихся в малых масштабах, но оказывающихся деструктивными в больших сообществах. Эти «хорошо интегрирующие» ценности позволяют эффективно аккумулировать протестную энергию в малых масштабах и приводят к замыканию малых групп. Однако именно в силу означенной замкнутости и малочисленности сообществ и некой «центростремительности» их коммуникаций эти ценности апробируются без риска «инфицирования» больших сообществ (они словно «черные дыры», настолько сильно аккумулируют вещество и энергию, что последние не способны вырываться за пределы собственных границ). В этом мы усматриваем еще одну (помимо вышеозначенных «резонансных» и «индикационных») позитивную функцию негативных форм протестных движений.

Тезис о *позитивных функциях дисфункциональной коммуникации* не должен пугать своей парадоксальностью. Об этом можно говорить в том же смысле, в котором медицина и эволюционная теория могут рассматривать болезнь, мутации, смерть как позитивную функцию для популяции, поскольку только некое «устранение» нежизнеспособных индивидов и популяций делает возможным эволюционное усложнение организмов, формирование полезных свойств, и в этом смысле оказывается движущей силой процесса приспособления живых видов. Однако для того, чтобы в обществе сформировались негативные нормативные ожидания протестных ценностей, последние должны в каком-то смысле — *в их прививочной функции и форме* — все-таки присутствовать в обществе.

⁷³ По мнению Лумана, «кодирование операций выше функций», т.е. для кристаллизации системы достаточно того, чтобы всякая коммуникация относилась бы (или не относилась) себя к данной системе, выражала или не выражала *commitment* в отношении данной темы или демонстрировала безразличие [Luhmann, 1994 : 64]. На наш взгляд это противоречит главной установке системно-коммуникативной теории — тому, что лишь из перспективы наблюдателя (понятого в самом широком смысле) то или иное достижение системы может рассматриваться как функция. Так, выделение кислорода в ходе фотосинтеза «с точки зрения» потребителя кислорода рассматривается как важнейшая функция высших растений. Хотя для самого растения это является неким побочным феноменом, а не функциональным достижением.

Эти размышления требуют введения важного понятия в анализе протестных движений, которое мы обозначаем как функцию *общественного иммунитета*. Последнее позволяет дать описание и объяснение и в каком-то смысле «оправдать» то, что в обществе не получает оправдания – девиантные формы коммуникации. Мы видим, как западные общества допускают такие аномальные формы, развивая соответствующую семантику соответствующих свобод (свободы слова, вероисповеданий, индивидуальных жизненных стилей и т.д.). Эта семантика, безусловно, предполагает некоторый самообман, поскольку основывается на *мнимом различении действий и переживаний*. В ее контексте некоторые действия (то есть сообщения, вербализация которых, вне всякого сомнения, является действиями, а не только ментальными актами) интерпретируются как выражение внутреннего мира, как мысли и переживания, которые в их когнитивном статусе (за известными исключениями – прямых призывов к насилию и оскорблений) могут вербально осуждаться, но не должны подлежать наказанию, криминализироваться и санкционироваться, поскольку, не определяясь как «социальные действия», полагаются социально-безопасными.

Как следствие, в этом, виртуальном виде, соответствующие (чаще всего, неудачные в перспективе интеграции больших сообществ) нормативные и ценностные мутации могут актуализироваться, жестко интегрируя малые группы сообщества, тестироваться и, наконец, отклоняться обществом, или, в редких случаях, акцептироваться и востребоваться большими сообществами⁷⁴. Такими позитивными (т.е. интеграционно-значимыми в больших масштабах) мутациями явились, конечно, идеи равноправия женщин⁷⁵, меньшинств, атеизма, прав сексуальных меньшинств и т.д.

При этом общество, как правило, поначалу толерирует соответствующие поведение и коммуникацию как отклоняющиеся, но допустимые (функция формирования иммунитета), приспособливается и живет, до определенного времени не соглашаясь с образцами экстравагантного поведения, присутствующими «внутри» него (подобно тому как образцы вирусов и микробов сохраняются в памяти соответствующих клеток живых организмов – именно в такой *виртуальной*, а в обществе – в письменной и печатной формах,

⁷⁴ Об идее ценностных идентификационных контроверз между пересекающимися «большими и малыми кругами общения» [Зиммель, 1996 : 349-373].

⁷⁵ И женский роман может считаться такого рода прививкой.

электронных СМИ)⁷⁶. Затем эти ценности и соответствующие им *ways of life* (в тех редких случаях, когда они обладают способностью общеобщественной, а не узкогрупповой интеграции) входят в корпус так называемых всеобщих прав человека.

Понятие *социального иммунитета*, который формирует в себе общество, имеет то преимущество, что объясняет позитивную роль негативных типов коммуникации. В отсутствие такой способности терпеть *чужое внутри себя*, как и при чрезмерной негативной восприимчивости к чужеродным формам общения, общество, находясь в непрерывном процессе поиска и элиминации этих форм, вынуждено направляет этот иммунный потенциал отклонения на самого себя (что можно рассматривать как некий функциональный аналог иммунных заболеваний). Нам хорошо известно, какие формы самоагрессии развивают избыточно интегрированные сообщества, которые принято называть тоталитарными, т.е. образующими целостность, которая не допускает образование внутренних степеней свободы своих частей. И компенсируя этот недостаток с целью пусть минимального развития и адаптации к внешнему миру, такие сообщества вынужденно разрушают части самих себя, чтобы допустить хоть какие-то формы мобильности и комбинаторики частей (и «социальные лифты» работают в «тоталитарных» обществах только, прежде всего, через устранение индивидов, кланов, групп влияния и т.д.).

Имитационно-вирусная природа протестного движения

Лучшее понимание и объяснение «социального иммунитета» как функции протеста становится возможным при обращении к связанному с ним понятию «имитационно-вирусной природы» протестных движений, формирующих своего рода *variety pool* для социальных макросистем, которые могут черпать в них для себя инновационные коммуникативные образцы (темы, идентичности, нормы, ценности, формы общения). Появляясь как «сингулярная инновация», инновация мгновенно распространяется *вирусно-имитационным* образом сначала внутри движения, а затем переносится и на другие сообщества.

⁷⁶ Конечно, не следует преувеличивать значение этой аналогии с органической эволюцией. В рамках последней все-таки полученный иммунитет не переводит соответствующие инфекции в статус внутренних позитивных ориентиров для прогрессивного развития форм органической жизни. Правда, в последнее время появляются исследования, доказывающие вирусную природу иммунной системы и некоторых частей ДНК [Chuong, 2016], [Brouillette, 2016].

Мы можем применить здесь понятие «мема» Р. Докинза, который, правда, полагает его базовой генетической *единицей культуры* («мелодии, идеи, модные словечки, фасоны одежды» и т.д.) как памяти общества в целом [Докинз 2013]. Эта культурная интерпретация мема не позволяет развести уровни генотипа и фенотипа и в целом выглядит трюизмом. Если же область комбинаторики «меметических единиц» закрепить за «новыми социальными движениями», то можно понимать мемы в качестве *генетических* единиц, которые (в случае их удачного отбора) в результате имитационно-вирусного самокопирующегося распространения свое *фенотипическое* облачение находят уже в рамках традиционных макросистем (политики, хозяйства, даже науки)⁷⁷. Тогда последние можно понимать в качестве аналогов органических популяций, в рамках которых новообразованные свойства (закрепившиеся нормы, ценности, формы общения как фенотипические воплощения генов), наконец, стабилизируются в виде жестких нормативных ожиданий.

Это понятие *социального иммунитета* и *имитационно-вирусной трансляции* коммуникативных инноваций предполагает *виртуализацию внешней опасности*, которую в форме протестных движений осуществляет общество. *Виртуализация* опасностей, т.е. образцов чуждых и девиантных форм жизни и коммуникации, осуществляется через инкорпорирование их в себя обществом первоначально *только* в письменно-печатной или вербально-телевизионной, но не *действенной* форме. Эта вирусно-имитационная природа *телекоммуникации*, не требующая физического перемещения тел коммуникантов и их пространственной близости, как важнейшая модальность социального иммунитета, объясняет то, какое стремительное развитие получает сетевая (виртуальная) форма протеста в современном мире.

Телекоммуникация, с одной стороны, *провоцирует* социальные активизм и протестные настроения, поскольку существенно редуцирует психологические риски отклонения предлагаемых контактов и ускоряет распространение протестных идей. Виртуально-общающиеся меньше боятся быть отвергнутыми и быстрее формируют протестный образ мыслей. И одновременно, не требуя физических перемещений участников протеста, телекоммуникация способна, с другой стороны, *уменьшать* вероятность физического присутствия в «горячих точках» «диванных армий» протестующих лиц. Здесь протест как бы возвращается к себе

⁷⁷ Применительно к макросистеме науки, таким сопровождающим квази-протестным социальным движением является «паранаука» [Луман, 2017] [Антоновский, 2017].

самому, находит самые адекватные для себя *виртуальные* формы апробации новых способов коммуникации «отклоняющихся» ценностей и значений.

Вместо заключения: Сетевые перспективы протестного движения - в поисках бинарного медиа-кода протестной коммуникации

Новейшей характеристикой протеста является его социально-сетевая форма. Функция новых медиа трансляции протестных настроений вытекает из эволюционных трансформаций самого протеста, обнаружившего свою «самую успешную» на сегодняшний день форму в виде особого медиа распространения коммуникации, способного словно запастись впрок «протестную энергию» социального страха и тревоги и благодаря этому компенсировать нестабильность психических переживаний и эмоций.

Следствия социально-сетевой организации для депсихологизации мотивов протестующих

Социальные сети теперь выступают в виде своего рода «социальных батареек», поскольку по крайней мере некоторые сетевые структуры не дают закончиться, остыть (в этом смысле «подогревая общество, а не воздух») психическому алармизму, транслируют его дальше в рамках разветвляющейся сети обсуждений протестной темы, автопоэтически генерируя новые страхи и тревоги. Другими словами, благодаря сетевому обсуждению генерируется особого вида «страх за другого», который, с одной стороны, не уходит вместе с угасанием этой эмоции в сознании, а с другой, даже не требует полноценной реализации этой эмоции в психике, а предстает в виде *социального обязательства испытывать тревогу или гнев* в некоторых стандартных ситуациях (насилия, ухудшения экологии, эксплуатации и т.д.).

Эмоция становится *социальным фактом*, она транслируется, как бы «воспламеняя» или заражая страхом других. Страх, словно вирус, живет собственной жизнью лишь тогда, когда подсоединяется, имитируется, распространяется благодаря сетевым коммуникациям, инкорпорируясь через социальные сети в протестные коммуникации, но сохраняют автономию от личностных переживаний. На такой «страх за *другого*» (в противоположность традиционному общественному осуждению

и санкционированию индивидуального страха, прежде всего, конечно, в отношении мужчин) теперь не накладывается табу. Кроме того, риск отклонения предлагаемого в сетях коммуникации страха существенно уменьшается в сравнении с несетевыми формами коммуникации.

Больше того, этот «страх за другого» не только получает теперь социально-разрешенную форму, но даже может претендовать и на *приоритет* в конкуренции с другими запросами на контакт и предлагаемыми темами, ведь он стилизуется как *принципиально альтруистическое предложение смысла*, как форма коллективизма и *новой солидарности* на основе общих страхов и тревог, отличаясь от социально-запрещенных выражений эгоцентрического страха.

Следствие социально-сетевой координации для формирования бинарного кода протестной коммуникации

Другая (но вытекающая из такого рода социально-сетевой эволюции протеста) эмпирическая характеристика протеста состоит, с одной стороны, в приобретении им глобально-мировой формы, а с другой – в слиянии гетерогенных протестных тем в некое комплексное и синтетическое единство. В качестве такого примера манифестации мировой коммуникативной системой *интернет-протеста*, которую Кастельс назвал «первой информационной герильей», мы можем указать на знаменитую «Запатистскую армию национального освобождения» (Ejército Zapatista de Liberación Nacional, EZLN), мобилизующуюся в социальных сетях и там же формулирующую комплексную тему протеста против обнищания, неолиберализма, NAFTA, земельной экспроприаций и в защиту справедливости, достоинства и свободы [Castells, 2004 : 75-85].

Именно интернет-сети с их уникальными возможностями *предметно-тематической, социальной и пространственно-временной*⁷⁸ *координации протестной активности*, видимо, делают возможным формирование слияния частных тем в *синтетическое единство* и постепенное образование прежде отсутствующего у протеста единого *бинарного медиа-*

⁷⁸ Исходя из системно-коммуникативной методологии, именно в этих трех главных измерениях или горизонтах трехмерного гиперпространства коммуникации некоторый коммуникативный вклад встраивается в некоторую системную последовательность и контекст. Другими словами, если участники приписывают некоторому сообщению общие тематическую, пространственно-временную и социальную релевантности или значения, в этом случае образуются условия для подсоединяющегося коммуникативного вклада и образования системы.

кода (по образцу таких бинарных кодов как *власть/оппозиция*, *деньги/неплатежеспособность*, *истина/ложь*, *законное/незаконное*, *прекрасное/безобразное*, *профанное/трансцендентное*), на который ориентируются традиционные макросистемы и который до сих пор отсутствовал у протестной коммуникации. Возможно, именно этим новым сетевым ресурсом означенной координации мы обязаны целой серией «цветных революций» и решением ключевой проблемы протеста: его тематической гетерогенности, рассеянности и маргинальности.

*Следствия социального осетевления протестных настроений
в российской перспективе – It takes a network to fight a network*

Именно в таком коммуникативно-сетевом контексте надо понимать идею Кастеллса о возникновении «сетевого общества» и связанным с этим радикальным изменением временной семантики (т.е. формированием проектного сознания, где виртуализированное будущее, обсуждаемое в сетях, понимается как присутствующее в настоящем), приводящем к «сетевым войнам и сражениям», хорошо известным нам по описаниям Хардта и Негри⁷⁹.

Такого рода «сетевые войны» можно наблюдать на примере активности «Фабрики троллей» из Ольгино, информация о существовании которой получила широкий медийный резонанс. В данном случае можно говорить о том, что институционализированные формы коммуникации и соответствующие политические институты пытаются ответить «сетевому протесту» на его собственном языке и в его собственном домене. Характерно, что участники этих войн, будучи ангажированы политическими задачами и институтами, вынужденно вступают на чужое поле и выходят за пределы собственных декларируемых политикой и правовым образом определенных рамок.

Эта *вторичная* политическая реакция на протест, видимо, связана с общим фиаско системы политики в ее попытке абсорбции протеста в системный истеблишмент. Такого рода абсорбция протеста, видимо, в принципе обречена на неудачу, поскольку рекрутирование участников протеста в системные организации приводит к расколам и, как следствие, умножению числа протестующих. И подобная вторичная реакция предполагает переориентацию и мимикрию традиционной политической

⁷⁹ “It takes a network to fight a network”, как утверждают Хардт и Негри [Хардт, Негри, 2006].

коммуникации, основанной на публичном полемическом дискурсе оппозиционных и правящей партий, в некое аналогичное протесту анти-движение, направленное против программной темы конкретного протеста.

Подобная оригинальная реализация идеи Хардта и Негри все-таки не способна принести пользу агенту-заказчику, а именно – политической макросистеме. «Анти-движение» вступает в противоречие с фундаментальными программными установками собственного заказчика (прежде всего, с нормой безапелляционного следования коллективно-обязательным решениям на основе бинарного коммуникативного кода *власть/подчинение* под угрозой насилия) и подрывает основанный на этом авторитет. Благодаря активности так называемых «троллей» появляется *третье значение* в медиа-коде *власть/подчиненные*, а значит – утрачивается определенность (строгое *да/нет*) в следовании коллективно-обязательным распоряжениям. Ведь сетевая структура формально-неорганизованных социальных движений дефинитивно *децентрализована и ризоматична* (в смысле Делеза и Гваттари), а значит – несовместима с циркуляцией властных распоряжений из центра на периферию или сверху вниз. Еще одним примером фиаско имитационных анти-движений стал выход из-под политического контроля ряда анти-движений («стоп-хам» и др.).

Как следствие, такого рода «анти-движения», пытаясь отрицать и нейтрализовать релевантность протеста, не только не нейтрализуют, но, напротив, способствуют, мотивируют и провоцируют дальнейшее коммуникативное обсуждение и «раскрутку» протестной темы. Негативная интерпретация протестной темы лишь добавляет протестной энергии, увеличивает «сетевую напряженность», расширяя сетку обсуждений, провоцирует новые и новые сетевые ответы адептов протестных настроений.

Кроме того, такие *постановочные входы* на чужую сетевую территорию (известный феномен «троллевой активности» на сайтах оппозиционных СМИ, к примеру, радиостанции «Эхо Москвы»), подпитывая собственными ресурсами протестную сетевую активность, вынуждены требовать компенсаторных ресурсов у «материнской системы» (в данном случае, политической) и при этом сохранять форму *организации*, со всеми ограничениями и демотивациями, которые проистекают из организационной формы такого «псевдо-движения» или «псевдо-ризомы».

Напротив, их конкурент – протестное движение – счастливо избегает такой обременительной формы как *организация* и локализуется на уровне макросистем, т.е. общества в целом. Это значит, что протестное движение может рассчитывать практически на неисчерпаемые источники ресурсов (социальную энергию и времена, самые разные крауд-возможности крауд-сорсинга и фонд-райзинга), апеллировать к самым разным сообществам, но только не к «материнской» организации-донору (т.е. к политической макросистеме). Последняя в этих «сетевых войнах» политически ангажирует разного рода «сетевые сообщества», но, как следствие, вынуждена их финансировать, контролировать и направлять, затрачивая на это ограниченные временные и финансовые ресурсы.

В этом контексте у системной политической коммуникации остается единственный выход – табуизация протестной темы хотя бы на уровне массмедийной презентации посредством контроля традиционных СМИ. Но и этот ресурс сопротивления в «сетевой войне» с сетевым распространением протестных настроений в российских условиях не может быть использован полностью, поскольку системная политическая коммуникация в России желает представлять современной. Ведь на внешнем уровне она вступила на путь конкуренции (и отчасти конфронтации) с другими политическими системами (прежде всего Европы и США), а последним удалось наладить механизмы сопряжения и даже симбиоза с протестной коммуникацией, дополняющей наблюдательный дефицит политической рефлексии и недостаточную способность политики к полноценным самоописаниям.

Раздел второй. Современное общество и социальные сети. Теория и практика сетевого протеста

Глава четвертая. Социальная самоорганизация в эпоху глобальной сетевизации

Эволюционная трансформация активизма и протестной коммуникации, очевидно связанная со взрывным развитием интернет-сетей, существенно подорвала значительные теоретические достижения социальных наук в интерпретации этих новых форм коммуникации, закрыв от глаз наблюдателей внутренние механизмы и сделав по сути непредсказуемыми и непрогнозируемыми несетевые манифестации социально-сетевой активности (Арабская весна 2012, Российский протест 2012-13 г. года, украинский Майдан 2013, Венесуэла 2019 и т.д.). Возникла совершенно новая теоретическая проблема: сохраняет ли протестный активизм в его социально-сетевом проявлении инвариантные черты протеста как обособленной коммуникативной системы, получившей свое начало еще в 60-ых годах прошлого века? Или же на наших глазах возникает принципиально новая форма коммуникации, существенно отличная как от традиционных макросистем (политики, хозяйства, науки), так и от классических протеста и активизма? Могут ли протестное движение и другие формы сетевого активизма в новых условиях претендовать на доминирующую или, по крайней мере, одну из ведущих коммуникативных ролей в современном мировом обществе; т.е. на ту роль, которую традиционно замещала политика как первая среди равных коммуникативных систем, пусть открыто и не претендующая на чужую территорию (на определение правильной веры в религии или истины в науке, цен в экономике и т.д.), но все-таки поддерживающая национальную экономику, религию и культуру и зачастую указывающая направления и научного поиска?

Данная глава, с одной стороны, ставит эту проблему наблюдательной недоступности коммуникаций новых социальных движений в их сетевой форме, а с другой стороны, пытается решить эту проблему, высвечивая, по крайней мере, некоторые программные механизмы сетевой активности, предлагая ответ на вопрос о том, что же собой представляют эти сетевые новообразования с точки зрения современной системно-коммуникативной теории, каковы их функции и дисфункции для общества в целом, каковы

их перспективы, рефлексивные, реактивные и проактивные⁸⁰ свойства и способности?

Сталкиваемся ли мы сегодня с неким подобием «борьбы за инвестиру», имевшей место Средневековье, в которой, как известно, политическая коммуникативная система «одержала победу» над коммуникативной системой религии, в свою очередь претендовавшей на доминирование и коммуникативный приоритет? Будет ли будущее мирового общества (и если да, то как долго?) определяться борьбой между протестной сетевой активностью и политической коммуникативной системой, пытающейся обуздать и подчинить протест собственным интересам и правилам коммуникации? Или политике самой придется принять и перейти на сетевые формы жизни, и тогда, наконец, недостатки и слепота политики (ее элитарность, медлительность делиберативных процедур обсуждения коллективно-обязательных решений), наконец, компенсируются сетевыми формами их согласования и взаимоучета базовых интересов?

Протестные и радикальные движения формируют и заполняют собой новостную повестку если не федеральных российских СМИ, то, по крайней мере, событийное пространство интернета. Феминистский и экологический акционизм, антиглобализм ЛГБТ-активизм, волонтерские движения в защиту животных и радикальные движения болельщиков реагируют практически на любое решение политического и хозяйственного истеблишмента, будь то строительство предприятия или федеральной трассы, открытие новой свалки или решение об ограничении прав усыновления. При этом и политические элиты в своих решениях – негативно или позитивно – непременно учитывают возможные реакции и ожидания участников этих новых социальных движений или, что в отечественных условиях происходит чаще, – реакции, ожидания и предрассудки обывателей в отношении этих новых форм коммуникации. При этом новые формы коммуникации сегодня осуществляются преимущественно в электронно-сетевой форме. Это, помимо прочего, означает, что внутренние коммуникативные механизмы и процессы, программы и автономные источники «сетевой энергии» (возмущения, страхи, алармизм и т.д.), подпитывающие социально-сетевой активизм, непрозрачны для политиков и обывателя, не входящих в эти сетевые сообщества и не понимающих, как они устроены.

⁸⁰ Реактивные – в смысле способности реагировать на общественные проблемы, проактивные – в смысле генерировать общественные проблемы.

Результаты этой «темной активности» визуализируются исключительно в виде неожиданных коммуникативных сбоях в стандартных коммуникационных потоках – девиациях, конфликтах, протестных акциях, избирательном абсентеизме и т.д. При этом сетевой активизм функционирует в сущности как форма искусственного интеллекта (нетривиальная машина Х. фон Ферстера [Foerster 1997]), получая импульсы и реагируя на триггеры из не-сетевой реальности (*input* в виде реакций на политические решения, экологическую ситуацию, страдания людей, связанные с их поражением в правах и эксклудированностью из значимых сообществ), и производя – в качестве результата невидимых программно-сетевых исчислений – некий *output* в виде неожиданных для наблюдателя протестных акций.

Этот «несетевой» выхлоп принимает, с точки зрения внешних наблюдателей (традиционных СМИ, политики, ученых-обществоведов), самые экстравагантные формы и в этой экстравагантности в отечественных условиях – как непонятое сообщение-запрос на контакт – чаще всего отклоняется как форма девиантного поведения. Поэтому пока еще несетевое общество не способно прочесть, оценить информационное содержание и, как следствие, понять и акцептировать такое сообщение или запрос на контакт со стороны участников сетевых движений. В этом смысле новые социальные движения еще не обрели статуса полноценной коммуникативной системы, которые – как наука, политика, хозяйство, искусство и религия – хотя и коммуникативно обособлены вокруг своих обобщающих символических медиа (истины, власти, денег, прекрасного, веры и т.д.), но, тем не менее, являются коммуникативными системами *общества в целом*, а поэтому сохраняют способность коммуницировать не только *на внутрисистемном*, но и на *обще-общественном* уровне. Это значит, что, по меньшей мере, некоторые из сообщений традиционных макросистем понимаются, принимаются и канализируются в рамках других, структурно-сопряженных систем. Поэтому политика «помогает», а экономика «оплачивает» нужды науки, искусства, образования и религии, а наука и образование коммуницируют с политикой и хозяйством, как минимум, на уровне формулирования своих системных запросов (например, в виде планирования собственных достижений, которые потом, в виде так называемого госзадания, возвращаются им обратно и т.д.).

Методы и подходы

Социально-философская и философско-историческая рефлексия этих новых форм социальности сталкивается с существенными трудностями, связанными с резким эволюционным сетевым скачком, который претерпели активистские и протестные формы коммуникации за последние десять лет. Эти движения постепенно кристаллизуются в XX веке, достигают акме в 60-х годах и непрерывно развиваются, оказывая политическое влияние, и как казалось, принимают устойчивые коммуникативные формы, получающие весьма детальное (и до недавних пор казавшееся удовлетворительным) социально-теоретическое описание и философское осмысление в трудах ведущих теоретиков и даже «лидеров» соответствующих дисциплин. Казалось, что возникла и оформилась новая и функционально важная коммуникативная система с функцией «коррекции наблюдения» и *дефицита рефлексии*, свойственного традиционным коммуникативным макросистемам (политике, хозяйству, технотехнике и т.д.).⁸¹ Эта общая идея «коррекции наблюдения» получает самые разные теоретические облачения.

Так, структурно-критический подход настаивает на функции вскрытия протестом структурных напряжений или противоречий, возникающих в обществе [Touraine, 1985] [Castells, 2004; Laclau, Mouffe, 1985; Offe, 1985]. В системно-коммуникативном подходе функция протеста усматривается в компенсации социальной дезинтеграции [Luhman 1996, Бараш, Антоновский 2018, Antonovskiy 2017]. В депривационно-психологическом подходе функция новых социальных движений сводится к редукции психологических страданий, депрессий и деприваций, в свою очередь, вызванных структурными проблемами общества. [Gurney, Tierney 1982]. В ресурсно-мобилизационном подходе активизм рассматривается

⁸¹ Последние, будучи коммуникативно-замкнутыми наблюдателями первого порядка, не способны выйти из ограничений, накладываемых «слепым пятном» их наблюдательных инструментов. Ведь политика рефлексии внешнего мира исключительно в перспективе *максимизации/минимизации* власти, и в этом смысле в каждом коллективно-обязательном решении в гораздо большем объеме учитываются внутренние (самореферентность!) политические резоны (т.е. ранее принятые решения, ожидания и директивы высших инстанций, карьерные перспективы самих политических акторов), нежели инореферентные обстоятельства (экологическая ситуация и чувства граждан). Протест в этом смысле, напротив, привлекает внимание и придает *вес* как раз инореферентным резонам и тем самым корректирует наблюдательную ограниченность политической системы. Конечно, это не означает, что и у протестной коммуникации отсутствуют собственные наблюдательные ограничения, проистекающие из его собственного «слепого пятна». Ведь протест сосредоточен на генерации «страхов» и алармизма, так что он не способен предложить альтернативу отклоняемой реальности (атомной или углеводородной энергетике, представительной демократии, неравномерному распределению национального дохода, глобальной экономике и т.д.) [Бараш, Антоновский 2018].

как ресурс получения индивидуальной (или коллективной) «прибыли» или «полезности» в сравнении с издержками, связанными с участием в движении [McAdam, McCarthy, Zald 1996].

В то же время пока еще социальные сети не интерпретируются как (коллективные) субъекты нового типа, как аналоги некоего индивида, облеченного хотя бы некоторыми функциями сознания или рефлексии, т.е. способностью воспринимать сенсорные импульсы из внешнего (несетевого) мира, процессировать эти импульсы в своей квази-нейронной сети и принимать решения, реализуя моторные функции в виде несетевой активности (митинги, электоральное поведение, акции и т.д.). То, что социальные сети могут интерпретироваться как своего рода «перцептроны», т.е. исчисляющие машины и формы искусственного интеллекта, представляется достаточно убедительным, но еще не образовало критической массы сторонников для пробуждения исследовательского интереса.

Мы далее рассмотрим новые социальные движения в их досетевых формах в контексте, с нашей точки зрения, наиболее теоретически-обоснованных и методологически выверенных интерпретаций, а именно – в контексте так называемой *теории слабых стимулов* (основанной на теории рационального выбора), как наиболее близкой к нашему «программно-вычислительному» пониманию социальных сетей. Выделив концептуальное ядро этого понимания, сравним это с новейшими разработками интернет-сетевого анализа протеста, а потом предложим рабочую гипотезу, в которой представим общие черты модели функционирования сети как новой формы коммуникации, (1) меняющей социальную структуру современного общества, (2) меняющей методологию исследования социального времени и социального пространства, т.е. базисных условий определения исследовательского объекта – общества.

Неоутилитаристская модель «мягких стимулов» протестной активности

Идея «мягких стимулов» была разработана в рамках неоутилитаристского подхода (Дж. Коулман). Участник протеста понимается как рациональный актор, предпринимающий акт выбора как действие, в своей рациональности мало чем отличающийся от покупки дома, основания предприятия, выбора партнера в браке, голосования

на выборах и другой «избирательной» активности. В целом этот подход базируется на трех гипотезах [Opp 1994]. (1) Мотивационная гипотеза указывает, что каждое действие дает те или иные предпочтения (сопряжено с полезным для действующего эффектом); (2) всякое действие сопряжено с затратой ресурсов и преодолением ограничений⁸²; (3) всякое действие реализуется в результате исчисления издержек и максимизации прибыли. При этом, в отличие от классического Homo Economicus, в неоутилитаристском дискурсе вводится понятие «мягкого стимула» (*soft vs. hard incentives*).⁸³

Это позволяет решить «проблему невероятности» протестного действия в традиционном («жестком») понимании стремления к максимизации прибыли. Ведь протестную активность отличает статус «лоукостера» в сравнении с иными социальными действиями, сопряженными с гораздо более высокими рисками и издержками. Так, участие в протесте (конечно, в условиях демократических свобод), безусловно, требует известных временных затрат и некоторых финансовых издержек (например, на изготовление агитационных материалов), однако, довольно низких (а участие в современном «диванно-сетевом» протесте еще больше их минимизирует). Однако и «профит», который получает индивид, выглядит исчезающе незначительным. Поэтому и мотивационная разница между субъективно-ощущаемой полезностью участия в протесте индивида и издержками крайне незначительна. Поэтому стандартная схема объяснения рационального действующего Homo Economicus, казалось, не работает применительно к такого рода активностям.

Чтобы избежать этой трудности, ряд теоретиков (К.-D. Опп и др.) предложили истолковать понятие максимизации прибыли в некоем «слабом смысле», предполагающем нацеленность на состояние удовлетворенности от совершенных действий «ради другого». Эти действия «ради другого» давали бы малые, но тем не менее ощутимые формы gratification (общее социальное одобрение, позитивную оценку со стороны референтной группы, моральное самоудовлетворение от совершенного акта), которые, следовательно, должны учитываться наравне с «жестко-стимулируемыми» действиями «ради финансовой прибыли», «избежания административных и уголовных наказаний» и т.д.

⁸² Цены, права, доходы, нормы, ценности – вот простые примеры полезных ресурсов и издержек-ограничений при калькуляции и выборе действия.

⁸³ «Несмотря на то, что монах предпринимает усилия прежде всего ради Спасения других, тем самым, все-таки, он максимизирует свою собственную пользу в том смысле, что ощущает счастье или удовлетворение, помогая другим» [Opp 1994, 13].

В этом смысле уже в досетевой интерпретации протестной активности наметились попытки выявить ее «альтро-эгоистический характер». Ориентир «действую ради другого» выступает внутренней медиальной функцией этой активности как эрзац отсутствующего у протеста генерализированного символического медиа коммуникации (аналога *власти* в политических коммуникациях, *денег* в коммуникациях экономических и т.д.). Так, парадоксальным образом коммуникативная замкнутость (самореферентность, и, соответственно, принципы инклюзии в сообщество) протестующего сообщества обосновывается инореферентно [Луман 2017].

И в этом протест очень похож на систему научных коммуникаций. Ведь и наука рассматривает свой внешний мир (объект теоретизации) как ресурс самолегитимации, как ссылку на внешний объект (включая, общество, классы, группы в социальных науках), как на нечто, не допускающее манипуляций, но требующее «объективистской» установки (М. Вебер), а значит, обеспечивающее помимо «свободы от оценки» еще и «свободу от политики и хозяйства», которые, по мнению науки, не должны заставлять её изменять научный взгляд на предмет по своему желанию. Именно этот инореферентный полюс научной коммуникации делает возможным замыкание (как следствие, автономию!) научных коммуникаций. В обоих случаях (и в протесте, и в науке) *самореференция стилизуется под инореференцию*. И этим означенные типы коммуникации получают дополнительный потенциал сопротивления в конкуренции и борьбе за внимание и общественные ресурсы с другими коммуникативными сообществами [Антоновский 2017].

Всякий ученый как бы обговаривает право (выраженное во внешних социальных ожиданиях со стороны других систем) на прямолинейность и неполиткорректность (в социальном измерении) в формулировании своих критических соображений [Шлейермахер 2018] и не ожидает ответной эскалации (как со стороны критикуемых коллег, так и со стороны критикуемых сообществ), поскольку истина (символизирующая объективное знание мира) постулируется как нечто более ценное «травмируемых чувств другого» [Antonovskiy 2017]. Но ведь и протестная система легитимирует свой конфликто-генерирующий потенциал (готовность пожертвовать консенсусным значением протестной акции в социальном измерении и отказаться от принятых конвенций и консенсуса), поскольку доминирующим в коммуникативном пространстве протеста (как и в науке) оказывается *предметно-*

тематическое измерение (ведь речь не идет о собственных интересах участников протеста, их интересует «страдание другого, поражение в правах и эксклюированность из сообществ»).

Так, протестная система обеспечивает самолегитимацию через «жесткие стимулы для другого – мягкие стимулы для себя». В этих условиях любая подстановка «эго-карьерного мотива» участнику социального движения встретит убедительное возражение, что и протестные карьеры делаются «ради других»⁸⁴.

Протестная система возвращает в общество ценность «для другого» как «мягкий стимул», как тонкий *plaisir*, т.е. как нечто, допускающее личное удовлетворение от морально-позитивного поступка (что противоречит ригоризму кантианской этики), но настолько тонкое, что может быть сопоставлено не столько с этическим, сколько – с гораздо более разрешенным – эстетическим наслаждением от своей «благодетельности».

Критика подхода

Безусловно, главным теоретическим возражением против неутилитаристской реконструкции протестной мотивации является «субъективность ментального состояния» протестующего. Эта дескриптивно-теоретическая трудность одновременно являлась не просто «познавательным ограничением» для ученых, не способных проникнуть в сознание протестующего индивида, но характеризовала и незрелость самого протестного активизма в его досетевых формах. Субъективное состояние возмущения (в силу его сингулярности и кратковременности, а также системно-процессуального характера всех психических переживаний, непрерывно замещающих друг друга, и, как следствие, утрачивающих интенсивность) не могло фиксироваться, прежде всего, самими участниками протеста. Возмущение, замкнутое в сознании и лишь время от времени выраженное коммуникативно,

⁸⁴ И прочие коммуникативные системы пытались использовать эту семантику «для другого». Политика прикрывалась «общественным благом», экономика оправдывалась «предложением лучшего продукта» как результата экономической конкуренции. Но в «индивидуалистическом обществе» эта семантика не была акцептирована, поскольку в качестве обоснования приходилось ссылаться на «высокие абстракции», на сложный и необъяснимый процесс трансформации «невидимой рукой» результатов эгоистического действия в коллективное благо. Но, главное, и политика, и хозяйство, в отличие от протеста и науки, всегда калькулировали собственную прибыль в терминах жестких (прежде всего, финансовых) стимулов, что в условиях дефицита «коллективных благ» не могло получить всеобщего одобрения.

не могло длиться долго и выказывать устойчивые инвариантные характеристики.

Именно эта слабость мотивировочной составляющей протеста получила компенсацию в ходе его социально-сетевой трансформации. В этом смысле неопутилитаристский подход выглядел неадекватным именно в силу незрелости самих все еще формирующихся новых социальных движений. Отсюда все критические возражения против теории рациональной калькуляции, столкнувшейся со следующими проблемами:

1. *Проблема тавтологии*: массовое участие в социальных движениях, мотивированное мягкими стимулами, объясняют усилением альтруистической мотивации. Между тем, усиление альтруизма в обществе, в свою очередь, объясняется ростом влияния соответствующих движений.
2. *Проблема измерения*: мягкие стимулы не могут быть легко количественно измерены и качественно определены. Их приходится вводить в теорию как «скрытые качества», как переменные, которые не имеют непосредственного коррелята в наблюдаемой реальности. А это, в свою очередь, приводит к произвольности в реконструкциях практики калькуляции бенефитов и «вознаграждающих контекстов» (ожиданий, морального и социального одобрения), не обнаруживающих интерсубъективно-удостоверенной количественной меры.⁸⁵
3. *Проблема субъективной калькуляции вероятности санкций*: тот, кто решается на протестную акцию, не имеет объективной картины вероятности санкций, а значит, его калькуляции издержек (санкций) и бенефитов не являются адекватными.
4. *Проблема недостоверного будущего*: участники не информированы о фактических предпосылках и возможных исходах их действия

⁸⁵ Этого критического аргумента, конечно, можно, прежде всего ожидать от главного конкурента протестной системы – системы политических коммуникаций. Наблюдателю (прежде всего, ученому, но также и политике) проще (как это имеет место в неоклассической социальной теории) не учитывать такого рода «ненаблюдаемые» «мягкие стимулы», а реконструировать калькуляцию участников протеста, приписывая ему мотивацию «жесткими стимулами», т.е. финансовыми и иными материальными благами. Именно так поступает политика, когда, будучи определенной в своих наблюдениях своим «слепым пятном», и в действиях протестующих усматривает исключительно «жесткие стимулы» (финансовый подкуп, властные распоряжения из иных, например, зарубежных политических центров, собственные властные амбиции со стороны протестующих и т.д.). В этом смысле политика, как самореферентная и внутренне-замкнутая коммуникативная система, видит в протесте отражение самой себя. В российских условиях неполной от обособленности политики от экономики ситуации, где де-факто экономические медиа определяют политические решения, «жесткие» экономические мотивации, в свою очередь, приписываются и протесту. Отсюда постоянный поиск «финансовых» и «административных» покровителей ФБК и персонально Навального.

(«состояние знания» переоценивается в неоклассической экономической теории) и вынуждены калькулировать в условиях высокой неопределенности исходов своего действия и высокой познавательной неопределенности состояний окружающего мира.

Несмотря на объяснительную силу теории мягких стимулов и основанную на ней реконструкцию рационального выбора, осуществляемого участником протестной акции, разработчики теории не решили главную проблему: необъяснимость процедуры *согласования единого коллективного действия* в условиях отсутствия центральной (формальной) организации и (или) центральной фигуры харизматического лидера.

Системно-коммуникационная теория сетевого протеста (от «запросов на контакт» к «запросам на трансляцию информации»)

Участник социально-сетевого протеста представлен в сети своей функцией *транслятора/перекрывателя* информационных потоков и в этом смысле непрерывно стоит перед выбором: канализировать ли информацию дальше, или остановиться в ее трансляции. Конечно, и в несетевых обсуждениях действователи время от времени принимают коммуникативные решения о том, сообщать, хранить или предавать забвению полученные сообщения. Однако в сетевой реальности этих «клапанов» (лайк/дизлайк, комментировать/не комментировать, поделиться/не поделиться, ответить/не отвечать на приглашение и т.д.) не просто становится количественно больше. Этот выбор актуализируется беспрестанно при каждом вхождении в социальную сеть, и его невозможно избежать.

При этом и объем традиционных «запросов на контакт» в сетевой реальности несопоставимо выше числа запросов на контакт в несетевой реальности⁸⁶, где избыточное количество интерактивности словно компенсируется необязательностью строгого соответствия социальным ожиданиям.

С одной стороны, сетевые запросы на контакт в гораздо меньшей степени ангажируют на продолжение сетевого общения (и отклонение

⁸⁶ При этом, безусловно, несетевые запросы гораздо более притязательны, рискованны (в силу возможности их отклонения), имеют существенно более долговременные коммуникативные последствия и накладывают гораздо больше ответственности как на посылающего сообщение, так и на принимающую сторону.

такого запроса не сильно «ранит» его отправителя). Поэтому такого рода запросам принято прощать известную навязчивость в «предложении дружбы». Они напоминают цифровой шум, но, с другой стороны, все-таки требуют постоянных откликов, решений, активности, принятия главного решения – послужить ли последней точкой в трансляции некоторого сообщения, или стать своего рода *модемом* (модулятором-демодулятором) в процессе ретрансляции, диффузии и разветвления полученных сообщений⁸⁷.

Коммуникативная практика протеста алгоритмы протестной коммуникации

Сандра Гонсалес-Баилона, Нинг Ван [González-Bailón, Wang 2016], используя оригинальную методологию сетевого анализа протеста, реконструируют генезис и генеративную связь движения «Occupy Wall-Street» и испанского движения «Indignados»⁸⁸. Авторы прослеживают историю движения «Indignados», возникшего в ответ на события так называемой «арабской весны», при том, что фактически (двойная каузация!)⁸⁹ это движение явилось реакцией на антикризисные меры испанского правительства. Данный протест вызревал довольно долго, образуя «комплексную историю» слияний и поглощений, постепенного объединения на общей платформе «Фейсбука» и «Твиттера» множества отдельных блогов и форумов, кампаний (флэшмобов и т.д.), НКО. После того, как в процессе обсуждения протестных тем (прежде всего, правительственных антикризисных мер) на базе этих соцсетей сформировались «мускулы будущего движения», 15 мая – как будто

⁸⁷ Мы используем первоначальную семантику *модема* (модуляции-демодуляции), поскольку всякая трансляция сообщений предполагает ее декодирование сознанием, превращение в некое личное переживание, и затем – возвращение (зачастую в переоформленном виде) в коммуникативный поток в виде перекодированного текстового сообщения. В сетевом общении, очевидно, сохраняется вся классическая архитектура теории коммуникации [Луман – 2011], построенная на реконструкции *несетевого* общения: модуляция и демодуляция посредством кодирования коммуникации при помощи дистинкций: *сообщение/информация, понимание/непонимание, акцептация/неприятие*, и наконец, финальная *трансляция/остановка*.

⁸⁸ Ситуация весьма напоминает ситуацию в отечественном протесте, когда самые разные сообщества (либералы, левые и националисты, и т.д.) на горизонтальном уровне, т.е. через связи сообществ в «Фейсбуке» и «Вконтакте», смогли объединить протестные усилия без специальных формальных приглашений их организаторов во время российских протестных акций 2012 года.

⁸⁹ И в России мы видим подобную двойную каузацию протестного движения как реакцию на фальсификацию думских выборов и, одновременно, как реакцию студенческого движения на события зарубежом; хэштеги «Окуай Абай», «Верни себе город», очевидно, отсылают к соответствующему движению в Европе и США.

из ниоткуда – раздался призыв к выступлению, тотчас же поддержанный тысячами участников обсуждений и сотнями НКО.

«После демонстрации часть протестующих решила создать палаточный лагерь (реализуя т.н. тактику испанских *Asampados*) на главных площадях и ожидать там муниципальных выборов (22 мая). В течение недели *видимость* движения в мейнстримных медиа и онлайн-активность росли экспоненциально. Настал день выборов, и движение начало затихать, палаточный лагерь разобрали, и социальные сети вошли в спящую фазу» [González-Bailón, Wang 2016, 98].

Итак, протест «заснул», чтобы быть разбуженным теми, кого он и сам пробудил ото сна (рекурсивность протестной системы). Канадский «активистский» журнал «Adbusters» в июле 2011 г. провозглашает лозуг «Захвати Уолл-Стрит», пытаясь реализовать идею и тактику Египетского восстания (Захвата площади Тахира) и испанскую тактику «Asampados». Именно тогда возникает хэштег «Захвати Уолл-Стрит» и их знаменитый символ – балерина на спине атакующего быка.

Движение «Захвати Уолл-Стрит», по мнению исследователей [González-Bailón, Wang 2016, 99], – это первое *генетически-сетевое* движение, качественно отличное от прочих движений, имевших «несетевое происхождение» («Индигнадос») и «оркестрируемых новостными СМИ». Когда к организации несетевых акций протеста подключились нью-йоркские анархисты и другие радикальные группы, движение «Захвати Уолл-Стрит», получившее свой импульс *внутри сети*, начинает стремительную консолидацию.

Именно здесь приобретает ключевое значение новая сетевая роль – фигура «инфоброкера», который берет на себя функцию информационной диффузии и связывания локальных сообществ (в данном случае «Indignados» и «Occupy»). Таким координирующим институтом стал «хактевист» (хакер-активист) «Анонимус», взявший на себя функцию координации онлайн-активности обоих сообществ. Однако движение бурлило в социальных сетях, не выливаясь в несетевые формы, вплоть до жестокой силовой реакции со стороны полиции и массовых арестов в ответ на марш по Бруклинскому мосту 1 октября. Именно после этого движение приобретает массовое несетевое выражение, а затем вновь засыпает⁹⁰.

⁹⁰ Новый виток пробуждения «спящего протеста» был связан с новым лозунгом «United for global Change» и представлял собой «исключительно внутри-сетевой протест». Внезапно с 30 апреля по 30 мая в социальных сетях регистрируется полмиллиона сообщений с хэштегом «Occupy Wall-Street».

Здесь проявляется общая схема или программа, которую «выучила» и использует «социальная сетевая машина» (что многократно реализовывалась на Майдане и в российском протесте). Сетевое обсуждение, являющееся следствием координирующих сообщений сетевых инфоброкеров, приводит к спонтанной несетевой акции некоторой не критической массы участников сетевого протеста. Поскольку на такого рода акцию (Event), как правило, регистрируется онлайн больше, чем собирается прийти (ведь «объявление о намерении» в сети ни к чему не обязывает), эта спонтанная акция вызывает гипертрофированную силовую реакцию со стороны властей. Последующие сетевое возмущение и обсуждение действий силовых органов приводят к резкому увеличению числа протестующих на улицах до критической массы (вспомним воскресные выходы на Майдан), в результате чего – как результат обратной связи – полиция вынуждена реагировать локально (лишь сопровождать и наблюдать).

Как следствие, формируется основной алгоритм социально-сетевой программы: «если протест представлен несетевым локальным событием, следует глобальный силовой ответ; если же – как реакция на этот ответ – протест приобретает глобальный размах, следует локальный силовой ответ». Отсюда вытекает несложная реакция или требование: действуй локально на восходящей стадии протестной синусоиды; действуй глобально на нисходящей стадии протестной синусоиды.

Но от чего зависит интенсивность протеста (= интенсивность диффузии информации о несетевых событиях (акциях) и результирующее поведение участников движения)? Всякая сеть (по аналогии с электрической цепью) характеризуется некой «мерой проводимости»⁹¹ и соответствующей легкостью или затрудненностью диффузии протестной информации. И эта переменная, в свою очередь, зависит от действий инфоброкера по «обнаружению сообществ» и результирующей способности сообществ смыкаться друг с другом. Это смыкание достигает максимума, когда число и интенсивность внутренних сообщений оказывается сравнимым с числом сообщений участников других сетевых сообществ (если число данных сообщений растет, то «края» групп сливаются). Исследования показали, что для запуска второго этапа протеста было достаточно 6,5 процентов всех пользователей (выступивших инфоброкерами) из числа авторов протестных сообщений,

⁹¹ Методологию измерения «меры сетевой проводимости» и вытекающую «плотности протестной активности» см. [Rosvall and Bergstrom, 2008];

отмеченных хэштегами «Захвати Уолл-Стрит», которые послали, по крайней мере, одно сообщение адресатам обеих групп («Indignados» и «Оссиру»). Это обеспечило достаточное *перекрытие структурных разрывов между сообществами*, чтобы начался новый восходящий этап протестной активности⁹².

Фигура инфо-брокера – функции.

Понятие *сетевого информационного брокера* указывает на специфическую функцию трансформации сетевого напряжения. Он замыкает на себя множество информационных каналов, придавая сетевым и несетевым событиям *больший или меньший вес* или потенциал. Уже здесь мы сталкиваемся с неким аналогом нейронов в искусственных или естественных нейронных сетях и синаптических связей между ними.

Величина этого «придаваемого веса» может быть большей, даже если инфоброкер сам имеет незначительный авторитет (собственный вес), в том случае, если он имеет большое число «авторитетных друзей». Он может придавать большой вес транслируемым сообщениям и в том случае, если сам имеет мало сетевых друзей, но обладает «большим собственным весом» (если является, например, публичной фигурой в несетевом мире), или если его немногочисленные друзья сами обладают влиянием в сетевом или несетевом пространстве.

Означенное обстоятельство показывает, что «энергия возбуждения», которая обеспечивает диффузию информации, зависит не столько от собственного веса самого «несетевого фактора» (политического решения, экологической ситуации, «возмутительного» гендерно-релевантного события и т.д.), обсуждаемого в сети, сколько от «автономной ситуации», актуального внимания и диспозиций «сетевого инфоброкера».

Отсюда вытекает связанная с вышеозначенным обстоятельством функция инфоброкера – преодоление «структурных разрывов» между сообществами в «сетевой ткани». Подобно тому, как на бирже брокер торгует акциями разных компаний и связывает сообщества продавцов

⁹² Перспективы изучения протеста в России, прежде всего, возможности, предсказания протеста, предполагают учет параметра плотности сетей и структурной обособленности протестных групп. Как только протестные движения (Архнадзор, либеральная оппозиция, протест в науке, движение Навального, феминизм, ЛГБТ, националисты, болельщики и т.д.) начнут утрачивать структурную обособленность благодаря активности такого рода инфоброкеров, – это и будет первым и главным индикатором эскалации несетевого протеста.

и покупателей, в этом смысле находясь в поиске взаимо-ориентированных сообществ, так и сетевой инфоброкер связывает группы, которые сами без него не были бы информационно-связанными. Он находится в поиске (что вовсе не является его сознательной целью) «протестующих сообществ» (= особо восприимчивых к социальным и моральным обязательствам, к травмирующим событиям и страданиям других).

Дополнительным понятию инфоброкера оказывается понятие «внутренней плотности» сетевого пространства, но лучше сказать, «внутреннего сопротивления», обозначающее переменную, которая в своих предельных значениях характеризует регионы, в которых диффузия информации либо останавливается, либо меняет направление, либо меняет содержание. Именно здесь требуются инфоброкеры – чтобы усиливать сигнал или широко распространять его в надежде, что он встретит других «влиятельных» брокеров в условиях структурно-разорванных сообществ⁹³. Эти зоны структурных разрывов могут быть преодолены через инфоброкеров, которые, контактируя с другими различными сообществами (или другими брокерами), выстраивают «коммуникативные мосты» в океане пассивной массы участников протеста.

Заключение и выводы

Инфо-брокеры - новая социальная структура

Но кто такие эти структурные брокеры? Составляют ли собой они некую новую элиту (или забытую старую)? Замещаются ли их позиции индивидами, или они сами достигают успеха, если представлены организационно (ФБК, Новая Газета, Эхо Москвы)? И можно ли понимать под ними инстанции, назовем их структурными супер-брокерами, которые соединяют не только «онлайн-сообщества», но имеют вес в офлайн-структурах, прежде всего в занимают ключевые позиции в коммуникативных макросистемах? Примером таких супер-брокеров является Б. Акунин, ведущий протестный блог и одновременно имеющий влияние в секторе развлечений коммуникативной системы масс-медиа⁹⁴.

⁹³ Можно метафорически сравнить это со слабозаселенной территорией, где некоторые поселения выстраивают башни, с вершины которых можно транслировать сигнал, преодолевающий большие пространства (дым, свет или свист), и тем самым связывают сообщества.

⁹⁴ Другими примерами структурных «инфоброкеров», которых читают, упоминают, транслируют и одобряют представители самых разных сообществ, являются критик Д.В. Быков, актриса Л.М. Ахиджакова, поэт Всеволод Емелин, протоиерей Андрей Кураев. При этом, не имеет

Конечно, в своей массе политические лидеры не могут себе позволить горизонтально-децентрализованное положение в социальных сетях, где все сетевые наблюдатели дефинитивно равноправны, поскольку велик шанс, что эта горизонтальная позиция ведущего политика будет подвергнута диффамации.

Системно-коммуникативная методология реконструкции протеста

Тем самым могут быть описаны два паттерна распространения информации, объясняющие флуктуации и синусоидный характер протестной (сетевой и вне-сетевой) активности. С одной стороны, может актуализироваться «широкополостное» общение сообществ, когда акцептация и трансляция информации осуществляется в зонах с малым сопротивлением (и большой сетевой «плотностью населения») в условиях высоко-вероятного смыкания сетевых сообществ, где члены одних коммуницируют с другими или входят сразу в несколько различных протестных или волонтерских сообществ. Такая диффузия в этих условиях, собственно, и является *сетевой мобилизацией* протеста. С другой стороны, диффузия информации может осуществляться в условиях высокого «сетевого сопротивления» через большие пространства посредством узких мостов, создаваемых инфоброкерами.

Теперь можно сформулировать гипотезу синусоидного характера протеста. Во время верхних пиков-экстремумов (на восходящей фазе) протеста реализуется первая структура (смыкания сетевых сообществ друг с другом, в ходе которого члены сообществ активно участвуют в обсуждении протестной темы, одновременно входя в несколько групп и/или посылая сообщения участникам других групп)⁹⁵. На второй нисходящей фазе протеста реализуется вторая структура, где протестное обсуждение и связь между обособленными сетевыми сообществами поддерживается инфоброкерами.

существенного значения, занимают ли они консервативную и провластную, либеральную, активистскую или протестную позицию. Важно, чтобы они реализовывали функцию специализации на перекрывании структурных разрывов между сообществами (сетевыми и внесетевыми), а также функцию «структурных сопряжений» между традиционными коммуникативными макросистемами (политической, научной, образовательной, массмедийной, религиозной и новой «протестно-активистской» коммуникативной), – безотносительно того, критикуют они протест или поддерживают власть. Примерами такого рода «нейтральных» структурных инфоброкеров являются социолог А.В. Филипов, философ В.В. Миронов, журналист В.Т. Третьяков.

⁹⁵ Такова была сетевая реакция на думские выборы 2011 года, когда несколько сообщений (в основном, видео-фиксация манипуляций на избирательных участках и неожиданно высокие показатели Единой России), спровоцировали взрывное обсуждение и массовый выход на митинг 10 декабря. <https://lenta.ru/chronicles/protest/>

На первой стадии фиксируется резкое увеличение сообщений, что делает возможным связь сообществ друг с другом. Используя метафору искусственного интеллекта, можно сказать, что кристаллизуются новые нейронные связи между сообществами (группы студентов, активистов, волонтеров, группы по интересам и т.д.) и пробуждаются «спящие связи». Люди, состоящие в «Вконтакте», «Фейсбуке», «Твиттере», но редко использовавшие сетевые формы общения, теперь получают больше запросов и лезут в «забытые сети» в поисках информации. В ситуации репрессий или затухания протеста поведение сети меняется. Группы вновь сжимаются (по составу участников и объему внутренних и внешних сообщений участников), сетевой обмен между сообществами уменьшается. И в этот момент протестная информация транслируется «инфоброкерами», поддерживая состояние протеста в полуспящем, но всегда готовом к пробуждению состоянии.

Глава пятая. Протестная коммуникация как нейросеть

Обращаясь к изучению новых социальных движений, важно задаться вопросом о причинах, последствиях и значении современной интенсификации новых социальных движений. Новые социальные движения (New Social Movements⁹⁶), к которым традиционно относят и протестные, и радикальные объединения, существенно видоизменились в 2010-хх. гг. Эти изменения проявились, прежде всего, в их новой локализации в социальных интернет-сетях, где и было запущено активное рекрутирование новых сторонников и сетевые мобилизационные процессы. В досетевую эпоху масштабы протестной мобилизации оставались ограниченными в силу их горизонтально-ризоматической структуры, отсутствия центральных формальных организаций, соответствующих иерархий полномочий и компетенций, неприятия этими движениями авторитарных форм господства, отрицания всякого рода штаб-квартир и т.д. Напротив, в «сетевое время», в век мессенджеров и мобильных приложений, эти движения, наконец, обрели свои подлинные или, может быть, наиболее адекватные (т.е. эволюционно-конкурентные) формы существования, призванные компенсировать вышеозначенные недостатки, связанные, прежде всего, с главной проблемой всякой (но в особенности горизонтально-протестной) коммуникации – трудностью неконфликтного согласования коллективно-обязательных решений. Авторы реконструируют сетевые механизмы, которые позволяют новым социальным движениям принимать и согласовывать коллективные решения, используя ресурсы так называемого “искусственного интеллекта”.

Социальные сети выступают сегодня неким супер-субъектом, который использует ряд программных нейронно-сетевых механизмов, очень похожих и на искусственные, и на естественные. Эти механизмы состоят в способностях оценивать *значимость* и *вес* тех или иных релевантных для запуска несетевой активности событий, триггеров и процессов. Речь прежде всего идет о степени обсуждения и освоения той или иной протестной темы, об оценке ее зрелости, достаточной степени её «возмутительности», об оценке пределов (не) терпения властных

⁹⁶ Наиболее известными и влиятельными НСД на сегодняшний день можно считать такие движения, как антивоенное и пацифистское движение; ЛГБТ, глобальные анти-капиталистические (Оссиру) движения, Black lives matter, желтых жилетов, феминизм, движение за права животных и т.д. (Реестр и принципы классификации см. Антоновский А.Ю., Бараиш Р.Э. Системно-коммуникативные исследования социальных движений // Философский журнал. 2018. №. 2. С. 91-105.

органов, оценке ее (не)готовности или (не)способности на силовые реакции⁹⁷. Все это в совокупности учитывается движениями в процессе калькуляции при принятии решения о проведении несетевого протестного выступления (митинга, шествия, схода, акции неповиновения, пикета), без того, чтобы была явно определена конкретная инстанция, выносящая решение о дате и месте несетевых выступлений.

Именно с этими новыми формами сетевой мобилизации, сетевого рекрутирования и, прежде всего, сетевого исчисления «шансов на успех», видимо, связаны новейшие протестные выплески (Арабская весна, Киевский «Майдан» 2013 года, движение Indignados в Испании, американское движение «Occupy Wall-Street», Протестное движение в России 2011-2013 гг.), приведшие в ряде случаев к смене политических систем.

Такой успех, очевидно, был немислим для классических НСД (если не считать единичных случаев относительных электоральных побед экологических движений, прежде всего, в ФРГ). Сегодня, благодаря соцсетям, НСД удастся отчасти компенсировать те недостатки, которые были связаны с отсутствием центральных структур управления, и при этом им удалось сохранить свои прошлые преимущества, силу и влияние, проистекавшие из их независимости от харизматических лидеров и от чрезмерно обязывающих формальных правил партийного членства и других форм организационной бюрократии. Именно эта «автономия» и обуславливала неуничтожимость и вездесущность этой новой формы социальности. Ведь ее не уничтожить путем (1) роспуска протестной организации; или (2) нейтрализацией (подкупом, физическим устранением, переубеждением, устрашением) харизматических лидеров; она обезопасила себя и от (3) отчуждения, связанного с боссизмом, непотизмом, элитарностью и других следствий коммуникативной замкнутости управленческих структуры классических политических партий или профсоюзных организаций.

Итак, получив новые преимущества и компенсировав старые недостатки, сетевая машина протеста приступила к действиям.

⁹⁷ Подробнее: *Бараи Р.Э., Антоновский А.Ю.* Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест // *Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 56. № 2. С. 18–33.

От анализа до сетевого протеста к социально-сетевым интерпретациям НСД

Научная литература о протестах необъятна, результаты исследования НСД институционализировались как в виде теоретических курсов в ведущих мировых университетах, так и в виде ридеров и хрестоматий. К тематике протеста привлечено внимание ведущих социологов и теоретиков первого уровня, посвятивших этому тематические монографии; возникли и уже вошли в первые кварталы ведущих баз цитирования специальные журналы, посвященные этой теме. Впрочем, и число подходов к проблеме НСД невозможно ограничить даже небольшим списком, поэтому остановимся лишь на нескольких.

Так, структурно-критический подход настаивает на функции вскрытия протестом структурных напряжений или противоречий, возникающих в обществе⁹⁸. В системно-коммуникативном подходе функция протеста усматриваются в компенсации социальной дезинтеграции⁹⁹.

В этих подходах протест представлял некоей особой (слабо организационно оформленной, горизонтально объединённой, ризомообразной, децентрализованной) коммуникативной практикой. Такая активность достаточно прозрачна для наблюдателя-теоретика, так как она основывается на допускающем теоретическую реконструкцию ценностно- и целерациональном дискурсе, а значит, предсказуема в своих реакциях на политическую и общественную жизнь (на разного рода «возмутительные» решения или недостаток внимания к социальным и экологическим проблемам со стороны макро-систем, а также на структурную разбалансированность общества).

Однако новый – *сетевой контекст изучения протеста* – по-видимому, настолько сильно от-дифференцировался от остального, несетевого общества, что в своих флуктуациях сетевой и не-сетевой активности зачастую не попадает в такт колебаний с «несетевым» обсуждением¹⁰⁰.

⁹⁸ Touraine A. An introduction to the study of social movements // Social Research. 1985. Vol. 52. № 4. Pp. 749-787; Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical and Democratic Politics. London, New York: Verso. 1985. 240 p.; Offe C. New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics // Social Research. 1985. Vol. 52. № 4. Pp. 817-867.

⁹⁹ Luhmann N. Protest. Systemtheorie und soziale Bewegungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1996. 216 p.; Бараиш Р.Э., Антоновский А.А. Коммуникативная философия радикального протеста. // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 27-38.

¹⁰⁰ Так, нам кажется, что федеральные каналы «замалчивают» актуальную повестку. И хотя это действительно так, проблема лежит гораздо глубже. Несетевые массмедиа просто иначе устроены,

Социально-теоретический анализ сетевого протеста пока только нащупывает свой объект. Даже и наиболее маститые теоретики сетевого активизма, такие как М. Кастельс, обнаружили и признали неадекватность своего понятийного аппарата и методологии для анализа протестных выступлений, прокатившихся по всему миру в 2000-х гг., не сумев приложить его в качестве объяснительного инструментария. Тем не менее, такие попытки предпринимаются и дают возможность сделать некоторые теоретические выводы и проанализировать ряд ключевых понятий.

Сегодня в рамках сложившейся уже традиции анализа социальных сетей как мотиватора организации протестного активизма выкристовывались понятия «сетевой проводимости», «каскадного эффекта»¹⁰¹, а также понятия «структурных разрывов», «сетевых мостов» и «информационных брокеров». Эти понятия позволяют описать и реконструировать модели циркуляции и диффузии протестно-релеватной информации и механизмы функционирования (координации и субординации) протестных сетевых ризоматических сообществ, условия «сетевой мобилизации», делающей возможной в определенный период и «несетевую мобилизацию»¹⁰².

Одна из ключевых идей этого анализа в том, что старые основания рекрутирования и инклюзии в протестное сообщество (групповая идентичность, групповая протестная идеология) утратили значение. Взамен возникли механизмы «сетевой персонализации», основанные на личном выборе, сделавшим возможным новые более гибкие, свободные, доступные и демократичные критерии инклюзии в сетевое протестное сообщество¹⁰³.

Так, анализ сетевой структуры протестного движения Indignados в Испании, движения движением «Occupy Wall-Street», а также кампаний по гражданской самоорганизации в России и Германии («Окупай Абай»,

а их архаический синтез одновременного *оптико-акустического образа реальности* (= говорящей картинки), хотя (именно поэтому) и приковывает внимание зрителя, однако, не дает ему права на участие в свободном конструировании обсуждаемой темы. Другими словами, эта коммуникация избыточно эффективна как запрос на контакт *в социальном измерении*, слишком привязана к актуальному моменту *во временном измерении* (ведь все что транслируется должно *когда-то* быть снято), но поэтому принципиально не допускает возможности интерактивного обсуждения *темы* телевизионной передачи (в предметном измерении). Не говоря уже о том, что ответ адресата телесообщения (путем вы- и переключения кнопок) на этот запрос на контакт почти не доступен отправителю, а значит, длинные последовательности коммуникаций, если и возникают, то исключительно в рамках редакций.

¹⁰¹ Newman M. Networks. An Introduction. Oxford: Oxford University Press. 2010. 784 p.

¹⁰² Tufekci Z., Wilson C. Social media and the decision to participate in political protest: observations from Tahrir Square // Journal of Communication. 2012. № 62 (2). P. 363–379.

¹⁰³ Bennett W.L., Segerberg A. The logic of connective action // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15. № 5. P. 739–768.

кампании по «захвату университетов» в Германии) выявил специфические черты некоего «мягкого лидерства»¹⁰⁴.

В то же время пока еще социальные сети не интерпретируются как субъекты нового типа, как аналоги индивида, облеченного хотя бы некоторыми функциями или аналогами сознания, а значит – способного воспринимать сенсорные импульсы из внешнего (несетевого мира), процессировать эти импульсы в своей квази-нейронной сети и, принимать решения и реализовывать моторные функции в виде несетевой активности (митинги, электоральное поведение, акции неповиновения и т.д.).

Новые условия сетевой инклюзии в протестное движение

М. Кастельс¹⁰⁵, В. Беннет и А. Зегерберг¹⁰⁶, исследуя социально-сетевую специфику протеста, усматривают основное функциональное значение сетей в децентрализации протестного движения. И именно эта децентрализация, как замечают исследователи, имела «роковое» значение для ключевой коммуникативно-политической асимметрии, отвечающей за социальный порядок – дистинкцию *элита/массы*¹⁰⁷.

М. Кастельс¹⁰⁸ разрабатывает многосоставное понятие сетевой власти: "остевляющая власть" (власть членов сетевого сообщества над теми, кто не включен в сообщество); "сетевая власть" (определяющая правила сетевой коммуникации для включенных в сетевое сообщество); "осетевленная власть" (власть одних членов сетевой коммуникации над другими); "сетегенерирующая власть" – власть людей, создающих и программирующих принципы коммуникации сетевых сообществ («сетевых социальных движений»). Но эта сложная классификация и выстроенная на ней реконструкция модели управления сетями не дают

¹⁰⁴ Gerbaudo P. Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism. London: Pluto Books. 2012. P. 43-47.

¹⁰⁵ Castells M. Communication Power. Oxford, New York: Oxford University Press. 2009. 571 p.

¹⁰⁶ Bennett W.L., Segerberg A. The logic of connective action // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15. № 5. P. 739–768.

¹⁰⁷ «Горизонтальность социальных сетей поддерживает кооперацию и солидарность, одновременно подрывая необходимость формального лидерства. Так, то, что выглядит как неэффективная форма deliberative принятия решений, фактически выступает фундаментом для генерирования доверия, без которого нельзя предпринять коллективного действия на фоне определенной политической культуры цинизма и конкуренции. Движение создает свой собственный антидот против всепроникающих социальных ценностей, которые они хотят преодолеть. Это и есть тот константный принцип, результирующий из обсуждений во всех движениях: не только цель не оправдывает средств; и средства, в сущности воплощают цели трансформации. В этом отношении движения в высшей степени саморефлексивны» [12, P. 274]

¹⁰⁸ Castells M. Communication Power. Oxford, New York: Oxford University Press. 2009. 571 p.

объяснения, ни внезапному началу «Арабской весны», ни протестным выступлениям 2010-х гг. на Украине, в США, России и Франции, но лишь предлагают тривиальное объяснение ссылкой на новые медиа-условия протеста¹⁰⁹.

Беннет и Зегерберг¹¹⁰, изучая испанское протестное движение «Индигнадос», обращают внимание на то, что утратили силу традиционные условия рекрутирования и инклюзии в те или иные группы или члены организации (прерогативы членов организации по сравнению с не-членами, соблюдения принципов и уставного порядка группы, активная акцептация и защита групповой идентичности и групповой идеологии). Теперь же принцип инклюзии зависит от процесса "персонализации"¹¹¹, т.е. от *личного выбора* индивида как последнего, совершенно нового, флексибельного, свободного, доступного и демократичного критерия инклюзии, заменившего в социальных сетях формально-организационные принципы членства.

Отсюда проистекает идея возвращения индивиду его значения, утраченного в коммуникативных макро-системах, основанных на обобщающих индивидуальные особенности символических медиа коммуникативного успеха (власти, деньгах, вере и т.д.).

Гербодо, исследуя сетевое протестное движение «Окупай Уолл-Стрит», утверждает, что речь идет не о без-лидерных коммуникациях, а о некой «подвижной организации и хореографическом лидерстве»¹¹².

¹⁰⁹ «Источник этого призыва менее значим, чем воздействие сообщения на множественных, не специализированных адресатов сообщения, эмоции которых связываются с содержанием и формой сообщения. Сила образа – абсолютна. Ю-тьюб был возможно одним из наиболее мощных мобилизующих инструментов в на ранней стадии движения. Особенным смыслообразованием обладают образы силового подавления протеста полицией или столкновения. Движения распространяются вирусно, следуя логике интернет-сетей. И не только потому, что вирусный характер диффузии сообщения, в особенности, мобилизующих картинок, но потому что демонстративный эффект изображений движения возникает повсеместно. ... Видение и слышание протестов где-то еще, даже и в самых далеких контекстах и других культур, воодушевляет мобилизацию, поскольку он запускает надежду – на возможные изменения» [12, Р. 224].

¹¹⁰ Bennett W.L., Segerberg A. The logic of connective action // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15. № 5. Р. 739–768.

¹¹¹ «Люди должны показывать друг другу как они [лично] усваивают, формируют и разделяют [протестные] темы. В этом интерактивном процессе персонализации и дальнейшей трансляции (share) коммуникативные сети могут масштабироваться и стабилизироваться благодаря цифровым технологиям, которые используют люди, делясь своими идеями и знакомствами друг с другом. Эти технологии ... зачастую подменяют механизмы организации. [10, Р. 744]

¹¹² «... социальные медиа превратились в ресурс, опосредующий лидерство, которое одновременно этим и утаивается, - с тем, чтобы поддерживалось впечатление абсолютной спонтанности и выполнялся критерий горизонтальности. Этот феномен прекрасно иллюстрируется тем скандалом, который был вызван организацией Штаб-квартиры движения Окупу Wall Street (рядом с Зуккоти-парком), где дюжина активистов вместе обеспечивали коммуникацию. Несколько воинствующих анархистов устроили потасовку, когда увидели этот командный центр, пытавшийся контролировать движение. Скандалным было не наличие организаторов, а их «локализация» в особом месте, вместо того чтобы

Отсюда можно сделать тот же вывод о «новой инклюзии» с функцией «облегчения информационного потока», образования «информационных каскадов» путем «синергии с новыми медиа»¹¹³. Эти «интерактивные» и «партиципативные» медиа (т.е. социальные сети) существенно отличны в их потенциале «сетевой мобилизации» от безличных, бесстрастных и безучастных и формализованных медиа традиционных политических, хозяйственных, образовательных, религиозных и иных коммуникаций (власти, денег, веры и т.д.)

Теория и практика сетевого протеста

Всякая коммуникация, и социально-сетевой протестный активизм, в частности, в той или иной степени выступает ответом на соответствующие вне-сетевые факторы и триггеры. Вместе с тем внутрисетевые механизмы, с одной стороны, делают возможным повышение «весов» и значений внесетевых причин, получивших обсуждение и раскрутку в социально-сетевом обсуждении. С другой стороны, и сами сетевые процессы (создания групп, публикация статусов, оценки и дальнейшие трансляции информации (лайки, и в особенности shares) могут быть автономными, внутренними факторами активации, дополнительного возбуждения и поддержания этих состояний возмущения, алармизма, только интенсифицирующихся в ходе социально-сетевых обсуждений.

Анализ сетевых обсуждений позволил бы решить главную проблему протеста: *теоретического* объяснения того, каким образом сетевые сообщества способны координировать активность (сетевую, но прежде всего, результирующую несетевую), которая, как теперь принято считать, не направляется из "центральной позиции", не иерархична, не подчинена влиянию харизматического (и тем более, формального) лидера, но тем не менее управляет и направляет действия огромной массы людей. Как возможно коллективное действие в новых условиях?

Одним из ответов явилась попытка реконструировать активность социальных сетей по аналогии с органическими формами жизни,

быть невидимыми в толпе или быть спрятанными за поверхностью монитора где-то в городе». См.: Gerbaudo P. Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism. London: Pluto Books. 2012. P. 143.

¹¹³См. также о позитивном влиянии сетей на процесс принятия коллективного решения по поводу участия в несетевом протесте в Египте. См.: Tufekci Z., Wilson C. Social media and the decision to participate in political protest: observations from Tahrir Square // Journal of Communication. 2012. № 62 (2). P. 363–379.

развивающие в себе структуры, специализировавшиеся на передачи информации (нервные системы организма)¹¹⁴. В других интерпретациях исследователи, скорее склонны использовать метафоры и аналогии с механическими или электродинамическими явлениями. Так, появление интернет-сетей дает жизнь новым понятиям: "каскадный эффект", "сети-проводимость"¹¹⁵, с другой стороны, доказало плодотворность ряд понятий («структурных разрывов», «мостов», «информационных брокеров»), возникших в рамках досетевых подходов к анализу протеста¹¹⁶ и применяемых к «несетевой протестной мобилизации».

Мы, опираясь на идеи системно-коммуникативной теории, исходим из наличия инвариантной коммуникативной структуры, свойственной как досетевому, так социально-сетевому и интернет-сетевому общению. Универсальными условиями успеха *всех* форм коммуникации, с этой точки зрения, будут следующие:

- *Сообщение*, основанное (1) на символических медиа распространения коммуникации (письменность, печать, телевидение, мобильная связь и интернет) и (2) на символических обобщающих медиа коммуникативного успеха (власть, деньги, вера, истина и т.д.), должно иметь возможность быть направленной *большому* числу адресатов;

- *Информация*, извлеченная из сообщений, должна интерпретироваться примерно одинаково или похожим образом (т.е. все адресаты должны *понимать* отличность *сообщения* от содержащейся в нем *информации* (например, улавливали бы скрытый текст, скрытый мотив, скрытый призыв, скрытый протест или оппозиционность);

- В протестной коммуникации извлеченная информация именно в данном (*возмущающем*) модусе должна обеспечивать примерно идентичный информационный анализ сообщения-призыва, его *понимание* и, наконец, акцептацию и решимость на предполагаемую коллективную акцию.

Другими словами, искомая коллективность и согласование коллективного действия (например, несетевого выступления) обеспечивается общим пониманием того, какой полюс тонкой дистинкции «*еще обсуждаем в сети/уже действуем вне сети*» стал доминирующим.

¹¹⁴ Monge P.R., Contractor N.S. Theories of Communication Networks. Oxford: Oxford University Press. 2003. 432 p.; Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications (Structural Analysis in the Social Sciences). Cambridge: Cambridge University Press. 1994. 857 p.

¹¹⁵ Newman M. Networks. An Introduction. Oxford: Oxford University Press. 2010. 784 p.

¹¹⁶ Gould R. Power and social structure in community elites // Social Forces. 1989. Vol. 68, № 2. P. 531–552; Rogers E.M. Diffusion of Innovations. New York: Free Press. 2003. 551 p.

Эти общие рассуждения, основанные на системно-коммуникативном подходе, могут конкретизироваться на конкретной модели, которую мы представим ниже.

Принципы моделирования сетевой активности

Итак, мы видим довольно много попыток теоретически истолковать протест как специфический феномен цифровой эры с помощью рассуждений о новых медиа и их более эффективных «мобилизационных свойствах». В этих объяснениях все-таки не хватает теоретического моделирования функционирования сети. Эта модель должна была бы объяснить, как свойства и функции по облегчению диффузии информации, связаны с тем, что эта диффузия автономно от центральной инстанции, принимающей решения, обеспечивает процесс согласования коллективного действия.

Эта модель должна, кроме прочего, предметно зафиксировать исследуемый феномен, и прежде всего, определить его пространственно-временные границы. Представляется очевидным, что речь может идти, как минимум, о некоторой внешней и внутренней пространственной границе сетевого протеста. Должны быть, с одной стороны, выявлены параметры глобальной общемировой сети, охватывающей национальные протестные сообщества и сети протестных сообществ (в Фэйсбуке, Твиттере, Инстаграмме). С другой стороны, следует зафиксировать входящие в эту сеть конкретные минимальные локальные сообщества или «узлы общения» (тематические группы, национальные конкретные сети и менеджеры, позиции участников (блоги), группы сообщений (например, по хэштегам), тематически объединенные структуры обсуждения (форумы и т.д.). Только после того, как будет создан реестр протестных сообществ, можно взяться за выявление динамических (временных) характеристик и переменных: характер течения информации (скорость сообщений и распространение информации, направление ее диффузии, охват участников, интенсивность (частота) обсуждения, диссипативность потоков) применительно к выделенным «пространственным» структурам. Пока такой глобальной работы не проведено, но тем не менее, есть исследования, которые описывают первый уровень сети, фиксируя ее глобально-«пространственные» характеристики.

Так, Д. Изли и Дж. Клейнберг¹¹⁷, характеризуя первый, глобальный уровень сети, вводят понятие «ткани сети», характеризующуюся меняющейся плотностью общения и периодическими «структурными разрывами» в ткани сетей или «структурными разрывами». Такого рода разрывы создают эффекты «бутылочных горл» и «сетевого сопротивления» коммуникативным потокам, в результате чего коммуникация замыкается внутри сообществ, не выходя за их пределы.

Это «сетевое сопротивление» обусловлено рядом тормозящих факторов, связанных с тем обстоятельством, что несетевой «внешний мир» и в сетевых условиях остается «каузальным фактором», а значит, требует от «втянутых в протестную сеть» индивидов в своей несетевой активности отвлекаться от своих мониторов, (хотя бы для получения «энергии», необходимой для функционирования в сети (включая сюда и оплату интернета, и обеспечения «свободного времени»). Да и сами индивиды, в свою очередь, являясь «внешним миром» для сетевой (как и для любой другой) коммуникации, все-таки не перемещаются в сеть, а выступают всего лишь в качестве неких «информационных стрелочников», «проводников», «транзисторов» (а иногда и «резисторов»), сетевой коммуникации¹¹⁸. В том смысле, что «возбуждающий сигнал» на них либо заканчивается, либо продолжается, либо усиливается и верно расходится по другим сообществам. Однако – по означенным выше причинам – они во всей своей массе они все-таки не в состоянии функционировать как информационные брокеры (см. ниже), т.е. целиком и полностью сосредотачиваться и специализироваться на *функции связи разорванных или разомкнутых сообществ*.

Кроме того, и другие коммуникативные системы (политика, экономика, наука, религия, семья, образование), с одной стороны, провоцируют сетевую активность, оформляя ее условия и генерируя важные несетевые события-триггеры сетевых обсуждений («поражающие права» политические решения, организация анти-экологического предприятия», разработка продуктов с «ГМО», дискриминирующие

¹¹⁷ Easley D., Kleinberg J. Networks, Crowds, and Markets: Reasoning About a Highly Connected World. New York: Cambridge University Press. 2010. 744 p.

¹¹⁸ «... это наводит на мысль о стратегии навигации через социальные ландшафты большой организации путем поиска структурных разрывов между частями социальной сети, которые слишком мало взаимодействуют друг с другом. В глобальных масштабах это наводит на мысль о некоторых путях, на которых слабые связи могут действовать как переключатели, связывающие отдаленные части мира, что и приводит к феномену, в просторечье известном как теория пяти рукопожатий» [17, Р. 11].

распределение ролей в семье), но, с другой стороны, могут тормозить сетевую циркуляцию и «раскрутку» протестной темы¹¹⁹.

Очевидно, что для преодоления внешних и внутренних факторов «сетевого сопротивления» требуются дополнительные усилия, энергия и работа, на которой собственно и специализируются индивиды (а подчас и сообщества, которые «ведут блог» влиятельного актора), которых мы обозначили как *информационных брокеров*. На втором уровне, как раз и могут быть определены отдельные позиции важнейших сетевых акторов, информационных брокеров. Именно благодаря этим сетевым "лидерам" информация курсирует и может преодолевать разрывы и областях большого сетевого сопротивления.

Рабочая гипотеза: сетевая модель протестной коммуникации

В ходе этого исследования, как часто бывает, приходится иметь дело с некоторой эмпирической (феноменологически фиксируемой и хорошо визуализируемой протестной активностью, митингами, акциями, требованиями, объекты протеста и т.д.), с другой стороны, постулирование, как несетевых (внешне-мировых), так и внутри-сетевых факторов (механизмов активизации возбуждения и алармизма вокруг протестной темы), которые в свою очередь являются причинами сетевой коммуникации (двойная каузация!), является в высшей степени гипотетической и однозначно эмпирически не подтверждается, но может быть «проявлен» путем экспертных оценок и опросов.

Представим гипотетические внешние факторы протестной активности, которые «лежат на поверхности»: (1) социально-экономические (бедность, отсутствие социальных лифтов, профессиональная невостребованность, в том числе, в силу «отмирания» профессий, недостаточной образованности, дискриминация при трудоустройстве (и т.д.); (2) культурно-религиозно-этнические факторы; (3) коммуникативные факторы (специфическая среда общения, эксклудированность из традиционных кругов как условие инклюзии в

¹¹⁹ Большой вопрос, поддержит ли иотреагирует ли влиятельный информационный брокер, например, преподаватель ВУЗа, ведущий блог и симпатизирующий протесту, протестующего студента своим сетевым постом. Ведь этот преподаватель вынужден учитывать свои несетевые (скажем, профессиональные, аттестационные и карьерные) позиции, позицию декана, ректора, в свою очередь, оглядывающихся на несетевые позиции акторов и перспективы данного университета в чужой (политической, экономической) наблюдательной перспективе (с точки зрения министерства, позиции финансирующей организации).

протестные группы); (4) когнитивные (образование, специфическая восприимчивость к страданию другого и «этике долга»); (5) психо-эмоциональные (в том числе, агрессивность, эмоциональность, особенности психо-типа); (6) травмирующая память (память о трагедиях, вина за которые приписывается властям).

Наряду с этими «долгоиграющими» причинами особое значение имеют и начальные импульсы протестной активности, задаваемые несетевыми событиями. Прежде всего это политические, экономические, правовые решения, воспринимаемые как дискриминирующие или поражающие в правах.

При этом *внешние* факторы не могут быть целиком определены в своем значении (весе) сами по себе, а определяются своей связью с другими. Скажем, психологическая лабильность и психо-эмоциональная неустойчивость, возможно, приведет к тому, что больший вес получат травмирующие факторы социальной памяти. Или более высокий уровень образования и культуры, как правило, связан с более критической оценкой (практически любых) действий власти, а также большим весом «морального долга» участия в протестной активности.

Трудность в том, что внешний вес внешнего фактора должен сочетаться с внутренним весом его «внутрисетевой» рецепции. Один и тот же фактор, имеющий большой вес сам по себе, вне обсуждений социальной сети (например, личное сопереживание трагедии) будет иметь меньший вес, если свою визуализацию он получит в виде «малозначимого» внутреннего события (например, информации или сетевого «приглашения» на митинг от *незнакомого* лица). И наоборот, малозначимое внешнее событие, будучи раскрученным и получившее резонанс в сети, многократно одобренное (likes), распространенное (shares) и откомментированное большим числом *близких* друзей, получает гораздо больший вес¹²⁰.

Социальная сеть как форма искусственного интеллекта

Уже на этом уровне анализа предложим некоторую упрощенную метафору протестной сети как квази-искусственного интеллекта. После того, как внешние центры ирритаций получили свои значение

¹²⁰ Это указывает на сложную связь между внешним и внутренним представлением события, или на языке системно-коммуникативной теории показывает механизмы осцилляции между самореферентностью как следствием инореференции и инореференцией как следствия самореференции.

(применительно к разным сообществам) можно было бы зафиксировать реестр специфических «нейронов» (квази-«синаптически» связанных с центрами обсуждения (социально-сетевых форумов, блогов, сайтов, сетевых групп), возбуждаемых или активируемых внешними ирритациями и в свою очередь получающих свой вес (влияние), который в значительной степени не зависит от обсуждаемой в этой группе «внешней протестной темы».

Тогда в качестве синаптических механизмов, обеспечивающих активацию определенных комбинаций (асамбляжей) «нейронов» (центров обсуждения протестных тем), могут выступать *ивенты* (как известно, имеющими три уровня интереса или веса: (заинтересован, нет, участвую), комментарии (с позитивными, негативными, нейтральными весами), shares (с личным комментарием или без него), likes (с еще более дифференцированными уровнями активности связи или реакции на осетевленное событие: dislike, возмущение, симпатия), публикация новости, фото, видеозаписи, музыкального произведения (особенно, специфически протестных стилей Рэп, Хип-Хоп), создание группы, вхождение в группу, приглашение группы) и т.д.

Интенсификация всего этого многообразия реакций на осетевленное событие и запускает механизмы «возбуждения» связанных нейронов (групп, форумов, чатов и т.д.). Формальным символом или маркером активируемых ансамблей (синаптически связанных центров обсуждения) выступает хэш-тэг (но, очевидно, не всегда маркирующим протестное обсуждение).

Нейронно-сетевые слои:¹²¹ стадии сетевого восприятия, коммуникации и моторных функций

Как могут выглядеть в таких случаях формирующееся нейронные слои?

Первый слой, очевидно, включает в себя *непосредственную* сетевую реакцию (квази-сенсорный уровень) на внешне-сетевые события (политические коллективно-обязательные решения и т.д.). Эти реакции довольно многообразны, но все-таки формально предстают, как правило,

¹²¹Мы говорим здесь об идеальных типах, т.е. абстрактных этапах сетевой активности, в реальности, безусловно, перемешанных. Так, для кого-то лишь коммуникативное обсуждение уже состоявшихся несетевых реакций – акций, митингов) становится лишь первым этапом восприятия новости.

в виде обнаружения релевантного события в не-сетевых новостях и комментариях к нему; публикации поста (статуса) или ссылки на событие;

Второй слой, т.е. *реакция на реакцию* на несетевые события еще не предполагает развернутой сетевой коммуникации, а, скорее, является неким «восприятием чужого восприятия». На этом этапе как бы регистрируется факт восприятия новости: путем одобрения или неодобрения (likes), путем дальнейшей трансляции (share), новость можно «вывесить на стену» другого члена группы или сообщества. Но уже на этом уровне или этапе докоммуникативного сетевого восприятия могут запускаться процессы рекрутирования в группу и образование коммуникативной системы протеста.

Наконец, *третий* – коммуникативно и интегративно значимый – *нейронный слой* включает активное обсуждение в виде разветвляющейся последовательности комментариев, создание тематических групп, создание ивентов, публикаций и распространения призывов к несетевым действиям и т.д.).

Мы описали три идеальных типа нейронных слоев, каждый из которых включают в себя большое количество промежуточных, в целом и составляющих способную к обучению многослойную и непрозрачную для наблюдателя нейронную сеть. Если более полно использовать метафору ИИ, то можно предположить и наличие некоторых *тормозящих* связей. Ивент (например, регистрация митинга и распространение сетевых приглашений в него), как моторный ответ на сетевую коммуникацию воспринятого сетью события может, безусловно, вообще не состояться или выродиться в малозначимое несетевое событие. Это, кроме прочего, зависит и от «весов» поступающих приглашений (близкие ли люди, влиятельные ли люди присылают приглашения, много ли поступает приглашений), и от веса самого ивента (верят ли участники в эффективность митинга), и, наконец от веса самого события-триггера (скажем, скандального политического решения), но также и от того, сколько членов сообщества уже заявили об участии, не-участии, и возможном участии или интересе). Понятно, что активация синапсов (приглашений) с малыми весами выступает тормозящим фактором и приводит к «засыпанию протеста».

Сетевой протест как самообучающаяся коммуникативная система

Более сложен вопрос о формах «самообучения сети». Представляется, что обучение сети запускается лишь в следующем «коммуникационном цикле». Оно является реакцией (и реакцией на реакцию) на те несетевые события, которые стали следствием сетевых обсуждений и реализации объявленных ивентов. Сеть эволюционирует, обнаруживая и переходя на новые *формы и принципы обсуждения* актуальной повестки, сохраняя (и даже радикализируя) свои символические медиа коммуникативного успеха (классические темы протеста), но меняя средства распространения своих сообщений. Так, возможны переходы с публичного обсуждения в закрытые мессенджеры и чаты. Или, напротив, трансформируются символические медиа коммуникативного успеха (скажем, протестная тема сменяется темой волонтерства и других видов непротестной гражданской активности и т.д.), но сохраняется ориентированность на *публичное* сетевое представление своих сетевых акций.

Здесь заложены классические механизмы положительной обратной связи. Так, на этапе инфляции протеста, чем больше протестующих выходит на улицу, тем больший резонанс это приобретает в сетевых обсуждениях, и, как следствие, тем больше протестующих выходит на улицу (и соответственно, наоборот). Более сложные механизмы самообучения, задействующие принципы отрицательной обратной связи, способны прерывать этапы «раздувания» протеста, редуцировать и тормозить его актививность или, как вариант, менять сетевые формы протестного активизма.

Так, протестная система способна обучаться, например, реагируя на силовые действия властей¹²², переориентируясь с публичной сети на закрытые мессенджеры, переходя из «ВКонтакте» в телеграмм-каналы и WhatsApp. Другой реакцией обучения может становиться переориентация с явного протестного активизма, на гражданско-волонтерскую латентно-оппозиционную активность.

¹²² Конечно, все несетевые события в свою очередь получают «обучающий вес», после их облачения в коммуникативную форму сетевого исчисления. Они предстают в виде «отчетов» о событиях со стороны самих участников или через восприятия чужого восприятия (через обсуждение заявлений властей о количестве участников акций, об их поведении, о действиях полиции и т.д.); на этом этапе оформляется *несетевая история протестной системы*: в сетях обсуждают (сколько задержано, сколько осуждено), при том, что сами сетевые обсуждения пока не имеют своей истории (обсуждений).

Вместо заключения: пример нейронно-сетевой модели сетевого протеста

В заключении попробуем, используя метафору самообучающейся нейронно-сетевой модели, «формализовать» все вышеозначенные аргументы.

Мы выбираем «входящий слой» нейронов (своего рода мотивы), руководствуясь принципом дименсиализма, согласно которому, всякий *запрос на контакт* в любой области коммуникации (в науке, политике, экономике и т.д.), прежде чем быть понятым, и как следствие, принятым или отклоненным, должен быть оцененным (=получить значение) в трехмерном коммуникативном гиперпространстве. Это пространство образуются несколькими измерениями:

Предметно-тематическое измерение. Отвечая на сообщение, нужно понять, о чем идет речь и разделять интерес к данной теме;

Временное измерение. Важно понимать, что явилось причиной данного предложения смысла и какие будущие перспективы оно открывает (или закрывает);

Социальное измерение. Принимая то или иное предложение к общению, следует учитывать, каково его «объединительное» значение для меня и для другого, для интеграции сообщества или (референтной) группы, с которой я хочу или не хочу себя идентифицировать.

Применительно к протестному движению его *ценностная программа* представляет его тему и образует *предметное измерение* протестной коммуникации. Это понимает и принимает запрос на контакт со стороны протестующего сообщества, если разделяет эту программу. Это могут быть ценности религии, справедливости, собственного этноса, свободы и т.д. Пусть это значение выражено этим символом:

Возможность найти единомышленников, участвуя в протестном движении, в свою очередь, придает определенное значение (большой или меньший вес) запросу на контакт со стороны протестующих (в социальном измерении протестной коммуникации). Пусть эта переменная будет представлена этим символом:

Но и «карьерные» (в самого широком смысле слова) перспективы рекрутируемого участника и его возможные позиции в «прекрасном будущем», конечно, тоже должны получить оценку, значит соучаствовать в принятии решения о подсоединении к протесту во временном измерении коммуникации. Пусть это значение выражено этим символом:

Мы отдаем себе отчет, что это избыточно абстрактная и лишь одна из многочисленных возможностей редукции всего многообразия мотиваций, определяющих решения участников. Но возьмем ее для начала, как фундаментально обоснованную в системно-коммуникативной теории, за неимением других универсальных методологических оснований.

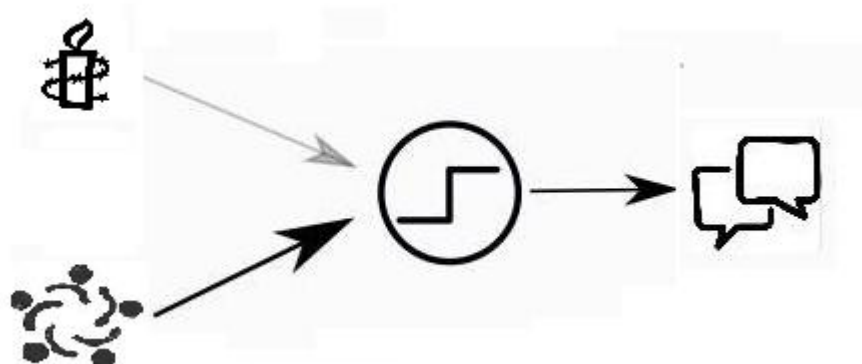
Итак, наш «входной слой» нейронной сети символически выглядит так:

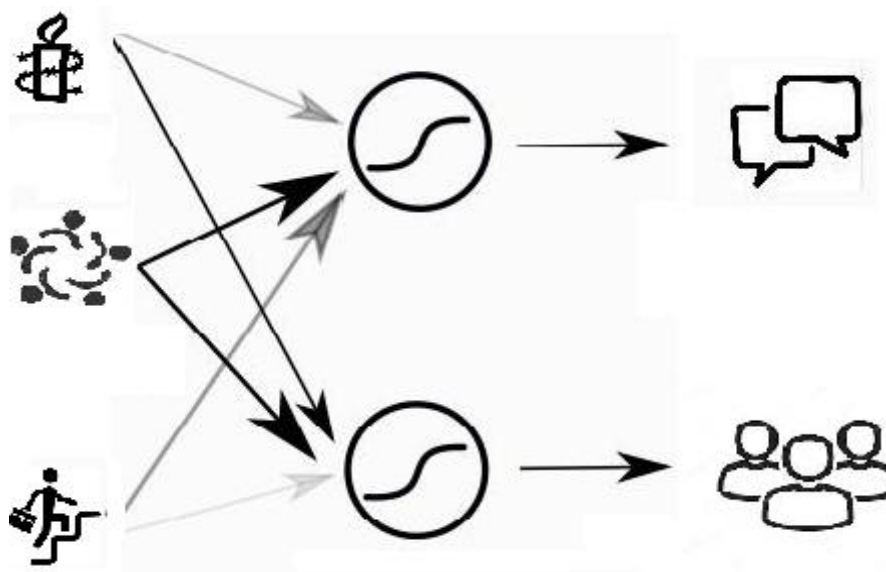
Если ценности движения мне близки и участники этого сообщества составляют референтную группу, которой я хочу подражать и в которой хочу состоять, тогда предметное и интегративное значения получают большой вес (единицу); в том же случае, если протестные ценности я не разделяю или сообщество использует способы общения, которые я не приемлю, эти переменные получают нулевое значение.

Если «вес» ценностей движения для меня высок, а поиск единомышленников не является центральным мотивом или выражен слабо (но все-таки я терпимо или без резкого отрицания отношусь к методам, используемой протестующими), то я все-таки позитивно отвечаю на приглашающий запрос или сам инициирую контакт. И, наоборот, если я

«очарован» групповой солидарностью движения, но ценность или главная тема обсуждения мотивирует меня слабо, я могу начать общение и *совместное обсуждение* протестной или активистской повестки.

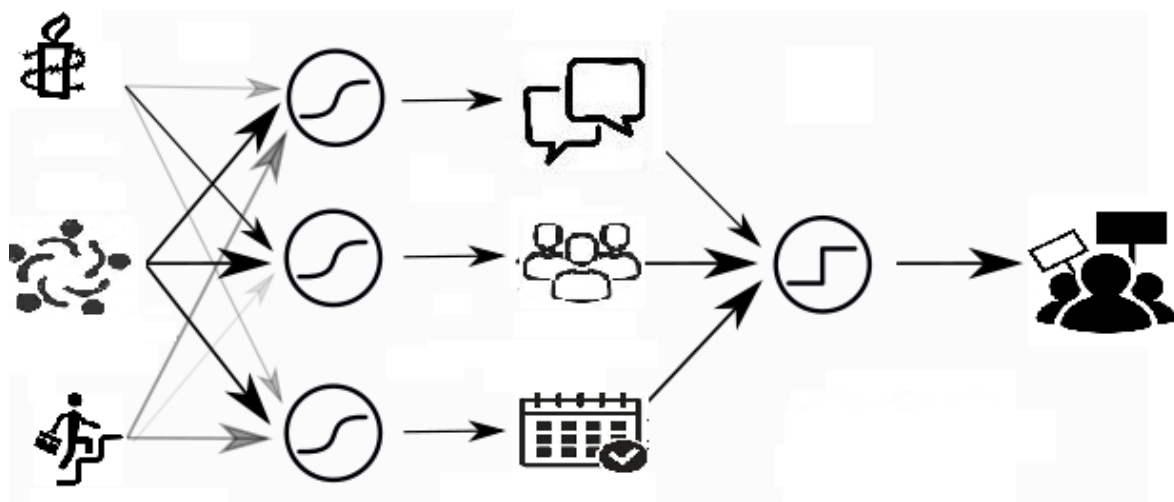
Но результатом воздействия заявленных факторов может быть не только обсуждение (лайк, комментарий, пост как функций сетевой репликации вирусного типа), но и фактическое *вступление в группу, создание собственной ячейки группы или сообщества*,

Добавим еще элементы в нашу модель. Например, некое подобие «активации моторных нейронов», т.е. сетевую активность, направленную не только на обсуждение, но и на реальные несетевые действия, призывы выходить на улицу, создание собственного ивента, и т.д. Эти факторы различаются для разных сообществ. Пусть «двигательный нейрон» (ивент) выглядит так:

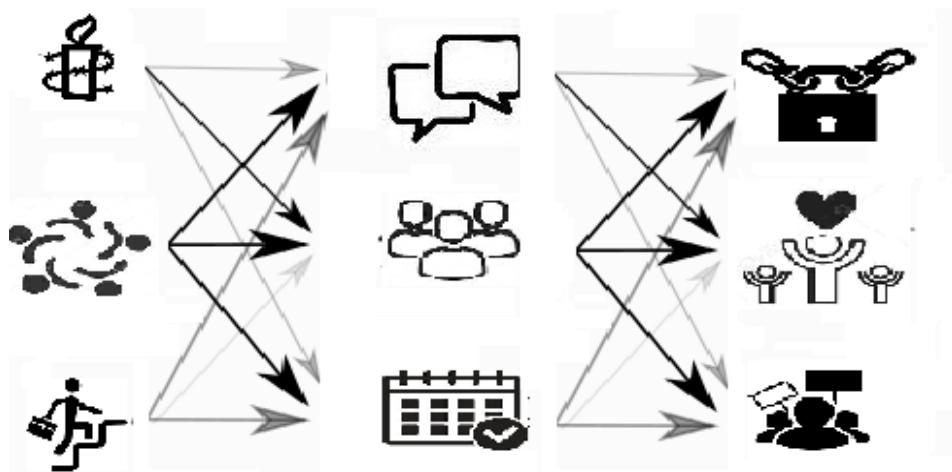

На третьем этапе интенсивность сетевого обсуждения, интенсивность создания сообществ, объединенных общей тематикой, и интенсивность призывов к выходу на улицу, как условие несетевых действий, должны получить достаточный вес, чтобы запустить «моторные функции».

Но наша сеть может учиться и в качестве некоего механизма обратной связи должна иметь возможность либо переформатироваться, либо выбирать в качестве рецепторной реакции на первичные исходные данные иные «моторные» реакции, например, переход к закрытым способам коммуникации (закрытые группы, мессенджеры, телеграм-каналы), либо гражданского волонтерства и стратегии малых дел как некоего предуготовительного этапа ожидания ослабления давления со стороны политической системы.

Ответы самообученной сети теперь таковы: (1) в случае внешней жесткой силовой реакции «не пойду на улицу, а «уйду в подполье (= закрытое сообщество)»; либо (2) пойду на улицу, но не протестовать, а делать «малые дела», помогая близким. Или (3), все-таки пойду на улицу, вопреки своим страхам.

Выводы

Итак, более или менее понятно, каким образом происходит «принятие решений» такого рода протестным квази-субъектом. Это, безусловно, не является решением руководителя организации. Но каким образом происходит обучение сети принятию «правильных решений»? Наш ответ состоит в том, что не существует правильных или неправильных, но есть эволюционно-адекватные или неадекватные решения. Последние просто приводят к завершению (то есть к прекращению воспроизводства) той или иной последовательности коммуникаций.

Так, на стадии эволюционной вариативности возникают три вышеозначенных возможных ответа на средовые условия. На стадии их селекции (выживания), очевидно, что продолжение уличного протеста является (в силу страхов репрессий, деморализации и демотивация от нереализованности изначальных мотивов) маловероятным. Между тем, волонтерство с «оппозиционным уклоном» и продолжением петиционной активности в сети способно не только «быть отобранным» на эволюционной стадии *естественного* отбора, но и получить в данных внешне-средовых условиях формы регулярного воспроизводства, т.е. эволюционно *стабилизироваться*.

Видимо, на некоторый период именно этот ответ будет наиболее вероятным следствием самообучения новых социальных движений. Но этот ответ, очевидно, не реализовываться *всеми* сетевыми группами, поскольку некоторые протестные ценности (в особенности, экстремистские и радикальные) просто могут и не иметь соответствующих их ценностям волонтерских форм. В этом смысле «сетевое подполье» как раз и будет характерным ответом радикальных и экстремистских протестных групп,

не имеющих сетевых возможностей для сетевой волонтерской самореализации. Это обстоятельство, видимо, до некоторого времени будет препятствовать созданию общей протестной мотивационной темы, т.е. появлению у протеста обобщающего символического медиума коммуникативного успеха и, как следствие, формированию полноценной коммуникативной системы протеста.

Глава шестая. Особенности визуальной репрезентации протестной коммуникации

Современную эпоху можно по праву назвать эпохой критики. Любое решение или достижение, прежде всего политиков и предпринимателей, (но не в последнюю очередь, и ученых, конструкторов, архитекторов, литераторов и даже людей искусства) сопровождается протестом или подвергается критике. Они или поражают в правах, или угрожают экологии, или повреждает культурную, гендерную, национальную или религиозную «идентичности».

При этом протест должен быть представлен в яркой и визуализировано-доступной форме. Протестный лозунг должен получить дополнительное символическое уточнение (или расширение). Символы могут быть понятны или требовать мыслительных усилий (вспомним здесь новосибирские монстрации); при том, что оба условия никак не вредят общей прозрачности протестной функции. Сложным для восприятия электората партийным программам, принимаемым и реализуемым посредством комплексных механизмов согласования интересов и решений, они противопоставляют метафорически закодированный видеоряд. Его раскодировка не представляет сложности, («anything goes») и обеспечивает общее понимание и единство протестующих (или его иллюзию, что в целом не меняет дела). Ведь протестующих и критиков социального порядка обобщает уже сам процесс раскодирования, которое и генерирует так называемую intersubjectivity, основанную на признании общей и символически выраженной ценности, *концептуализация* которой лишь разъединила бы участников.

Символическая визуализация объединяющих ценностей протеста (прежде всего, общего неприятия страданий и поражения в правах) и ее раскодировка одновременно компенсируют или является функциональным эквивалентом (все еще отсутствующего у протестной коммуникации) символического средства коммуникации – гарантированного средства достижения коммуникативного успеха, символа, распоряжение которым обеспечивал бы любому участнику протестной коммуникации акцептацию его запроса на контакт.

Такие коммуникативно-обобщающие символы или медиа (власть, истина, деньги, вера) находятся в распоряжении классических макро-систем (политики, науки, хозяйства, религии), что позволяет этим

системам решать главную коммуникативную проблему – обеспечивать коллективные действия и согласовывать (или маскировать под такое согласование) общие интересы и решения. Протест, напротив, в значительной степени *распылен* на ряд важнейших, но гетерогенных тем, обсуждение которых, безусловно, интегрирует сообщества и придает системность этим коммуникациям в виде институционализировавшихся видов движений (феминизм, экологизм, антиглобализм и т.д.). Однако в конкуренции с системно-коммуникативным истеблишментом (прежде всего, в конкуренции с политической и хозяйственной системой) отсутствие обобщающего символа, конечно, не является конкурентным преимуществом.

В этой главе мы рассмотрим, какие коммуникативно-символические ресурсы в интернет-сетевую эпоху смогла развить в себе протестная коммуникация в качестве функциональной компенсации его тематической раздробленности и (ввиду) отсутствия у нее единого обобщающего символа.

Экскурс в теорию коммуникативных медиа¹²³

Протестные движения выражают себя в акциях¹²⁴, а не четких *программах* достижения протестных целей¹²⁵, на которые, как правила, ориентируются классические коммуникации. Но как быть с протестом? Если у него отсутствует единые «обобщающие символические медиа», способные интегрировать гетерогенные коммуникации (скажем, зоозащитников с представителем ЛГБТ-сообщества), то, что же служит заменой отсутствующего интегрирующего символа? Или протестное

¹²³ В качестве пропедевтики с особым вниманием к проблеме эволюции коммуникативных медиа см.: [Luhmann 2017, Antonovski 2017]

¹²⁴ Протестные символы сами по себе абсолютно произвольны: желтые жилеты, розы и цвета. Революции больше не демократические или социалистические. Сегодня их называют революциями роз, гвоздик, бульдозерными или оранжевыми. Сетевые технологии перехватывают это символическую презентацию протестной тематики путем символической «демотивации» в технике «фотошопа». «Демотиваторы», рожденные как пародии на пропагандистские постеры, давно уже живут самостоятельной жизнью. [Касьянова 2013].

¹²⁵ Так, элементарная программа экономической коммуникации может быть обобщена в контр-фактическом предложении: «если цены падают, то покупай; если цены растут, то продавай». Но и это программное обобщение дополнительно маркируется ключевым *символом коммуникативного успеха*, а именно, – деньгами. Но, каждый обобщающий коммуникации символ (деньги, власть, истина) – это всего лишь символ. Он не определяет цены в экономике (*деньги* не указывают, что и когда покупать, а лишь маркируют и «связывают» системно-однородные коммуникации). *Истина* не определяет, что считать актуальным научным знанием. Для этого служат научные программы («теории и методы»). *Власть* не определяет, за кого голосовать на выборах, для этого служат политические партийные программы.

движение обречено проявляться лишь в спорадических и тотчас распадающихся коммуникациях и не способно к образованию системы (= длинных последовательностей коммуникаций) на уровне общества в целом?

Медиа-символы классических коммуникаций настолько абстрактны, что требуют дополнительного удостоверения из значимости. Это, очевидно, достигается через их телесно-физическое подтверждение. Так, власть (в определенных случаях) способна конкретизироваться (и этим подтверждать свое уже далеко не для всех очевидное значение) посредством телесного *насилия* или *наказания*; деньги, чтобы их признавали, должны гарантировать конечное *потребление* купленного товара, а истина удостоверяется *восприятием* в ходе научного наблюдения и экспериментирования. Собственно, вся карьера признания этих абстрактных символов как гарантов акцептации коммуникативных запросов на контакт состояла в их постепенном высвобождении из-под опеки своего конкретного *телесного* контекста. Другими словами, у каждого абстрактного медиа был предшественник или «двойник», который и теперь где-то на периферии коммуникативного наблюдения гарантирует значимость той или иной абстракции (в особенности, в случаях, если когда она дает сбой и начинает терять свое интегративное значение).

Рабочая гипотеза

Если наше предположение верно, и именно визуализированное представление протестной темы заменяет отсутствующий у протеста медиум коммуникации, то, видимо, протестное движение все еще находится в некоем «незрелом состоянии». И конкретные символические визуализации протестных тем и есть тот самый «первичный бульон», из которого со временем, наконец, кристаллизуется абстрактный и сплавляющий символ протестующего сообщества.

В этом смысле – протест, в своей негативности – ближе всего к коммуникативной системе искусства. Недаром, эти сообщества зачастую трудно различить. Разница лишь в том, что искусство, однажды выразившись в том или ином акте отрицания действительного мира и создав несуществующую прежде форму, этим превращает свой жест

отрицания в действительный мир, требующий нового отрицания¹²⁶. И этот мир – уже в музееализированном виде – сохраняют (для себя?) другие системы – политика, образование, и даже экономика. Прекрасное же (или в новейшее время какой-то другой символ, удостоверяющий статус произведения искусства) создается только один раз, а всякое его *воспроизводство*, каким бы трудоемким оно ни было, больше *не воспроизводит* (парадокс!) системную коммуникацию искусства¹²⁷.

Протест же, как мы покажем ниже, напротив, чрезвычайно дорожит своей визуализированной историей или памятью (прежде всего, памятью страданий и травм пораженных сообществ). Ведь эта – визуализированная история страданий как раз и делает возможным его *актуальное* состояние и воспроизводство. Он легитимирует себя, показывая на себя: каким он был, таким он и остался. Пока же не кристаллизовался абстрактный и обобщающий (и смыслы, и людей) символ протестного движения, который бы автоматически гарантировал успех продолжения протестной коммуникации, как это гарантируют деньги, обеспечивая успех экономических транзакций, или нетривиальная истинность комплексных высказываний (публикаций), или власть, обеспечивающая принятие коллективно-обязательных решений, о нем можно делать лишь предположения.

С одной стороны, предложение «страдания за другого» на алтарь протеста, как некое символическое выражение, обобщающее и свои и чужие страдания, обеспечивает коммуникативный успех (понимание и акцептацию запроса на контакт). Лишь *собственное* переживание протестующего (за негров в Африке, за жителей пострадавших регионов, за подвергаемых мужской опрессии женщин, за «страдающих» от техники и экономики природу и культуру) и есть тот механизм, который программирует позитивный ответ на то или иной призыв к протестной коммуникации. Не страдающий за другого автоматически эксклудирован из такой системы.

С другой стороны, и сама *визуализированная история протеста* выступает гарантией его продолжения. И если такая память не поддерживается и не культивируется, никто не узнает, закончились ли страдания или нет. Но даже если страдания закончились, они не закончились для тех, кто страдал в прошлом и не дожил до светлого настоящего. И рабовладельцы в каком-то смысле, – прежде всего,

¹²⁶ Lumann N. Die Kunst der Gesellschaft. Suhrkamp. 1997.

¹²⁷ Benjamin W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. 1935.

в визуализированном средствами киноиндустрии прошлом – продолжают эксплуатировать рабов. И извинения эксплуататоров – по крайней мере, до тех пор, пока прошлые страдания доступны и наглядны в самоэкспозициях протеста – не смогут компенсировать прошлые обиды, как мы отлично видим в протестном дискурсе *black life matters*. При этом данное обстоятельство никак не должно оправдывать ни прошлую, ни нынешнюю дискриминацию, однако механизм воспроизводства протеста от этого не меняется.

К визуализации «профита» протеста в «теории слабых стимулов»

Ключевая проблема объяснения протеста состоит в раскодировании механизмов его мотивации. Мы видим, что тот или запрос на контакт (= предложение присоединиться к протестной коммуникации), с одной стороны, в качестве основания его акцептации обосновывается фактам страданий и дискриминации другого (*но, как правило, не самого участника протеста!*). И лучший способ вызвать такое участие – обосновать его картинкой (демотиватором, но, лучше всего, видео- или фото-подтверждением). Однако, с другой стороны, посылающий запрос должен убедить партнера по коммуникации и в собственном «сострадании» чужому страданию, и именно этим объяснить свою загадочную – для представителей современного общества всеобщего благоденствия – мотивацию.

Насколько убедительна эта семантика собственного сострадания как реакции на страдания другого, объясняющая ключевые смыслы протестного действия, в первую очередь, для самих участников протеста? Насколько она убедительна также и для теоретика, который – как наблюдатель второго порядка – должен видеть больше, и учитывать конингентность, условность и недостоверность самопостулируемых мотивов первичного, т.е. протестующего наблюдателя.

С точки зрения неоутилитаризма, протестующий, безусловно, мотивирован семантикой страдания другого, реагируя на визуализацию страдания (прежде всего в телевидении), в избытке появившиеся во второй половине 20 века. И именно с этим следует связывать зрелость его

несетевой формы в 60 годах 20-го века. С этой точки зрения, он действует, скорее, аффективно, чем ценностно- или целерационально¹²⁸.

И в то же время (и в этом, сказывается его специфическое положение наблюдателя социальной реальности), он предпринимает целе- и ценностно-рациональный выбор действия, ведь его аффекты в сущности представляют собой симулякры¹²⁹. Они, по крайней мере, в нормальном случае, не поглощают протестующего настолько, чтобы «невидимизировать»¹³⁰ поведенческие и коммуникационные альтернативы. Ведь он не настолько ангажирован собственным чувством, чтобы не дать себе времени на осмысление и *калькуляцию* (прежде всего, собственной выгоды или «прибыли»), пусть эта выгода или прибыль и выражена в тонких понятиях «удовлетворенности» от выполненного морального или гражданского долга.

Эта «прибыль» характеризуется сторонниками такого подхода как некий мягкий *стимул* (в отличие от иных, прежде всего, финансовых, административных и иных «жестких» факторов, мотивирующих классического Homo Economicus (soft vs. hard incentives)¹³¹. Этот рациональный акт выбора вполне может сравниваться со столь же рациональными действиями по приобретению дома, выбором политического представителя в парламенте, партнера в интимных отношениях и т.д. Этот подход¹³² утверждает, что всякое действие, с одной стороны, генерирует некоторый личный «профит», но, с другой, сопряжено с растратой ресурса и издержками, и, следовательно, является результатом рациональной калькуляции по минимизации издержек и увеличению личной прибыли (пусть и в ее мягкой форме).

Вслед за Дж. Коулманом, который все-таки в своей теории выходит за пределы «методологического индивидуализма», ряд теоретиков

¹²⁸ В смысле Макса Вебера. См.: Антоновский А.Ю. О науке Макса Вебера. Рецепция и современность // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 174-188

¹²⁹ Мы используем это понятие, за неимением лучшего, имея в виду, что сострадание конструирует («копирует») фактически неизвестное и фактически недоступное страдание другого. См. отечественную версию социального конструктивизма: Лекторский В.А. и др. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 3-37

¹³⁰ Подробнее о семантике невидимизации см. Луман Н. Невидимизация: "unmarked state" наблюдателя. Самоописания // Логос. 2009. С. 262.

¹³¹ «Хотя монах трудится ради Спасения других людей, он тем самым увеличивает и свою собственную прибыль, ощущая счастье или чувствуя удовлетворение, когда помогает другим». См.: Opp K.-D. Der 'Rational Choice'-Ansatz und die Soziologie sozialer Bewegungen // Neue Soziale Bewegungen. 1994. Iss. 2. p. 13.

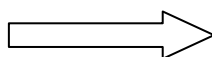
¹³² Opp K.-D. Der 'Rational Choice'-Ansatz und die Soziologie sozialer Bewegungen // Neue Soziale Bewegungen. 1994. Iss. 2. pp. 11-27.

предложили теорию «общественного выбора»¹³³, предполагающую идею «широкого утилитаризма» или идею «широкой модели» субъективной рациональности (куда мы должны отнести и рациональность протестного активизма). Эта модель, по мнению разработчиков, объясняла сами по себе необъяснимые связи между макро-факторами: функционированием той или иной политической системы, определенной социальной структуры и структуры типовых интеракций (условия) и кристаллизацией протестной макро-системы (следствие).

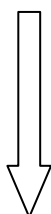
Классическая схема Вебера-Коулмана, призванная визуализировать макро-зависимости путем обращения к микро-уровню действий и переживаний индивидов, может быть представлена в виде следующей модели.

Макро-уровень

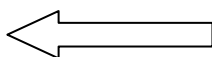
*Решения политической системы;
Институциональные (организационные) нормы, правила; структуры интеракций*

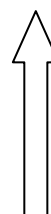
*Новые социальные движения;
Формы коллективного действия*

*Индивидуальные ирритации;
Личные переживания*

Индивидуальные политические действия

Микро-уровень

Первый макро-фактор фиксирует (1) активности политической системы, принимающей особые («судьбоносные») решения ради своего

¹³³ Подробнее см.: Buchanan J.M., Tullock G. The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. 1962.

сохранения и воспроизводства (о том, как толковать «два срока подряд», «о рокировке тандема», об отмене региональных выборов, о наказаниях за неуважение к власти и т.д.); институциональные правила (например, правила коммуникации в публичной сфере, разного рода права и свободы, но также и правила проведения общественных мероприятий, запреты и разрешения протестных акций, цензура СМИ, правовой режим НКО и т.д.); традиционные структуры интеракции (т.е. типичные типы коммуникация в рамках традиционных сообществ (церкви, профессиональных и иных сообществах), участие в которых делает возможным организационно-оформленные прерогативы их членов, но также и те удовлетворение и gratification, которые индивид обнаруживает в интерактивном общении с членами этих сообществ).

Предполагалось, что вся эта совокупность *макро-факторов* каузально определяет психическую реакцию (переживание) и индивидуальное восприятие «мягких стимулов» (в этом и проявлялась редукция макро-системных реалий к мотивационной системе психики индивида). Затем, такого рода «психические состояния» каузально определяют индивидуальные «политически-ориентированные» действия, которые в свою очередь, принимая массовый характер, приводят к кристаллизации «новых социальных движений» и соответствующему коллективному протестному действию на макро-уровне.

С нашей точки зрения, эта схема – вопреки ее наглядности, прозрачности и известной эвристичности – все-таки не решает главную проблему протеста¹³⁴: как индивидуальные политические акции и индивидуальные решения (на третьем шаге-узле означенной каузальной цепи), могут быть согласованы и коллективно осуществлены.

Сегодня, сталкиваясь с социально-сетевым протестом, мы понимаем, что в данной, более зрелой форме такого рода решения и их коллективные согласования *как бы предоставляется самой сети*, алгоритмизируются независимо от действий индивидуальной психики! Механизмы таких сетевых коллективных «алгоритмических решений» реконструируются в разного рода моделях их нейродинамической симуляции по образцу функционирования искусственных нейронных сетей.

¹³⁴ Которая будет разрешена в ходе интернет-сетевой мобилизации протестного активизма

Что можно взять из теории мягких стимулов?

Как нам представляется, из теории малых стимулов мы, в первую очередь, можем позаимствовать идею «структурных сопряжений» протестной и политической систем как двух рационально-калькулирующих агентов.

Остановимся подробнее на причинных связях макросистем (политической системы коммуникаций и протестной системы коммуникаций), непрозрачных и необъяснимы самих из себя, но получающих объяснение через редукцию к микро-уровню. Политики, как и любые другие рациональные акторы, согласно этому подходу, наблюдая протест, в свою очередь, калькулируют шансы на успех переизбрания (или, по крайней мере, вопросы рейтинга как отечественного эквивалента политического успеха).

Уже в досетевое время протестная активность могла негативно воздействовать на электоральные позиции политиков. Ведь и претендующий на властную позицию актор, в свою очередь, старается максимизировать собственную прибыль (выраженную в шансах на переизбрание) путем калькуляции своей части прибыли в той общей прибыли, которую получают представители тех или иных групп и сообществ в результате его решения, (например, об увеличении финансирования университетов и академий), и соответствующим образом проголосуют.

«Прибыль» оказывается той структурно-сопрягающей референцией, равно занимающих обе коммуникативные системы, пусть для политики она исчисляется в максимизации власти, а для протеста – в максимизации страхов, алармизма и сострадания к чужому страданию.

Однако в досетевое время это «структурное сопряжение» между политикой и протестом не имело характера «прямого действия», поскольку протестующие (прежде всего, молодежь и студенчество) не имело возможности «прямого обращения» к обывателям. Ведь рядового избирателя мало волновали и в сущности даже не были известны те самые «слабые стимулы», мотивирующие студентов (плохие инфраструктурные условия университетской жизни, чувство социальной несправедливости, невостребованности, алармизма и т.д.).

Конечно, студенческий протест (в том, что касается возможности влиять на изменения электоральных предпочтений обывателей) мог апеллировать к другим сообществам (профсоюзам, религиозным, спортивным и иным), в которых они зачастую состояли и

с представителями которых они вступали в коммуникацию, а также через семью и друзей. Но все-таки такие косвенные воздействия не всегда достигали порога восприятия политики, которая в своей калькуляции потенциальных издержек и прибыли могла игнорировать студенческий протест как малозначимую электоральную переменную.

Положение дел существенно меняется в сетевое время. Социально-сетевая организация протеста позволяет не только активнее мобилизовывать иные сообщества (религиозные, спортивные, научные, этно-национальные и т.д.), но и напрямую обращаться к обывателю. Так, молодежные студенческие организации («инициативная групп МГУ» и другие), через сетевые структуры и сообщества, привлекая внимание к ряду судебных разбирательств (студента Азата Митфахова, «Пензенское дело», дело «Нового величия») напрямую апеллирует к обывателю, и генерирует интерактивные сообщества («марши материнского гнева»).

Сетевое протестное движение в этом смысле в значительной степени перестает нуждаться в поддержке тех или сообществ. Оно достигает других акторов напрямую, указывая им на пренебрежение их статусными правами и групповыми прерогативами. (Так, «мягкие стимулы» отечественного движения протеста 2012 года, уже в значительной степени формирующиеся и тематизирующиеся в социальных сетях, сделали возможным «обобществление» студенческого протеста, студенческий (и преподавательские) группы МГУ, ВШЭ, РГГУ согласовывали свои намерения по участию в протестных митингах).

Второе достижение теории «слабых стимулов» состоит в ее способности теоретически объяснить странное (безусловно, не полное, но очевидное) ослабление «репрессивного эффекта», которое обычно вызывают силовые реакции на протестные акции. Протестное движение с его главным слабым стимулом «состраданием за другого» собственно разрешило – ранее морально неодобряемую – коммуникацию страха (прежде всего, «страха за другого»¹³⁵).

Именно поэтому всякая репрессия в направлении участника движения, конечно, может поражать этого участника и нейтрализовывать его собственную волю к протесту, но – словно в качестве компенсации этого обстоятельства – репрессия не поражает *само* движение, но лишь усиливает и радикализируют его основную мотивацию: «страх за других», в том числе и в особенности, за «репрессированных участников».

¹³⁵ Luhmann N. Systemtheorie und Protestbewegungen // Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen. 1994. С. 61.

Репрессия тем самым утрачивает негативно-санкционирующую и увеличивает провокативную силу. (В скобках заметим, что сетевые формы протеста многократно усиливают означенный эффект, создавая сетевые сообщества, специализированные на генерации моральных обязательств сопереживания «репрессированным» участникам (Сетевое сообщество «Росузник»¹³⁶ только один из многочисленных примеров).

Все это не могло не потребовать теоретического обновления понятийного аппарата, описывающего протестную коммуникацию. В том числе и реагируя на означенные выше теоретические трудности (прежде всего, на трудности объяснения генезиса коллективного действия в условиях горизонтальных и ризоматических, субординационно независимых сообществ и индивидов) ряд теоретиков попробовали модернизировать теорию мягких стимулов путем привлечения социально-конструктивистских идей¹³⁷.

Конструктивистская модернизация теории «мягких стимулов»

Уже «досетевая теория» попыталась обойти означенную выше трудность в объяснении того, как же огромные массивы действий могут согласовываться друг с другом и выливаться в единое коллективное действие (митинг, протестную акцию). Для этого привлекалась конструктивистская (системно-коммуникативная) парадигма. Конструктивистский подход исходит из *первичности семантических изменений* (т.е. изменений значений и смыслов ключевых понятий, в которые облекаются протестные темы), *перед* изменениями социальной структуры»!

Другими словами, всякого рода социальным изменениям должна предпосылаться некая новообразованная семантика «травмы», «страдания», облекаемая в визуально-доступные формы (например, в виде роликов в сетях, петиций, открытых писем и т.д.) и прилагаемая к реалиям, ранее представляющимся естественным и привычным (мужская оппрессия, страдание животных, требования политкорректности и др.). Ведь теперь страдания, наконец-то, стало возможным *увидеть* во всей их неприглядной и вызывающей сострадание фактуре, что (*как следствие!*) и генерирует

¹³⁶ <http://rosuznik.org/>

¹³⁷ Эмпирическое обоснование см.: Opp K.-D., Gern C. Die volkseigene Revolution. Stuttgart. 1993.; философскую и научно-теоретическую рефлексию идеи радикального конструктивизма см.: *Лекторский В.А. и др.* Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке. Вопросы философии. 2008. № 3. С. 3-37

новые сообщества сострадающих (= протестующих). «Видеоряд» делает сострадание «реальным», а социальные сети позволяют этому «чувству» (а на самом деле – социальному ожиданию как фактору генерирования социальной структуры) длиться, воспроизводиться и коммуницироваться снова и снова.

«Видеоряд» и сетевое обсуждение делают страдание более реальным (в наблюдении сострадающего) и более интенсивным в сравнении с классическими «текстуальными» презентациями («Хижина дяди Тома» или «Дети подземелья»).

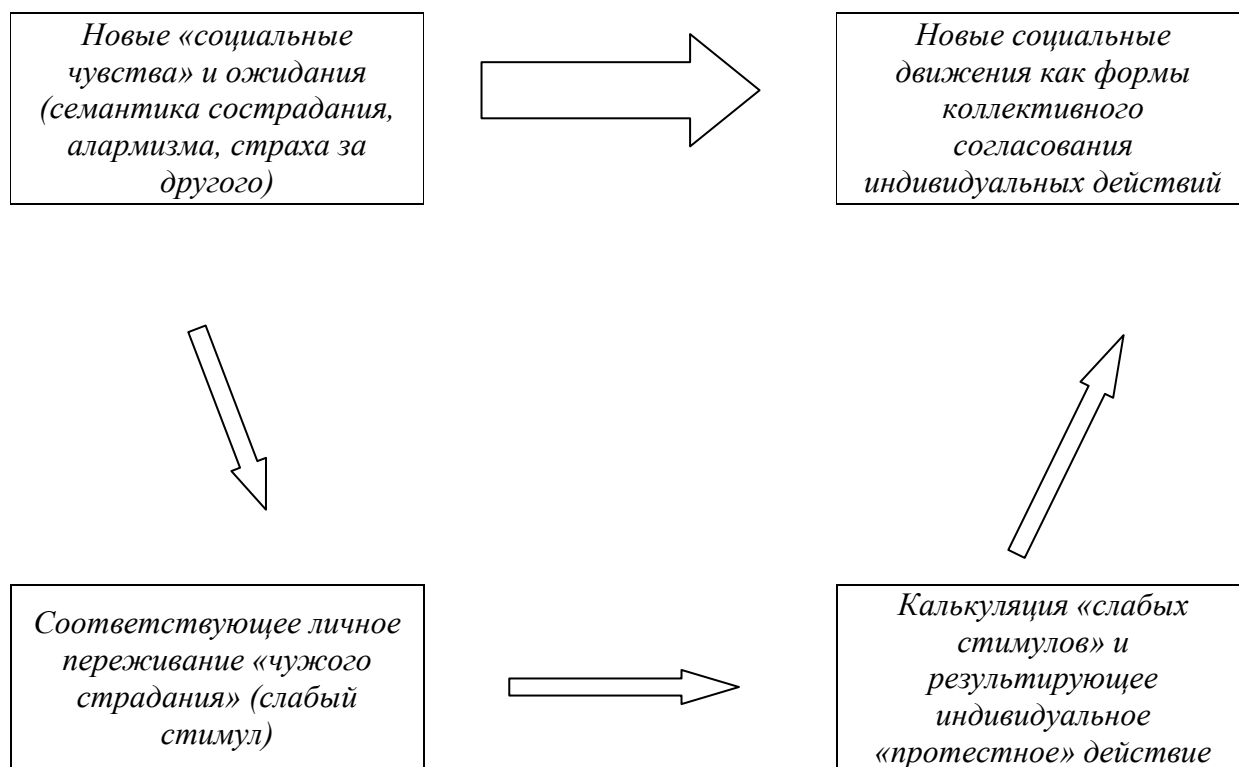
В конечном итоге, когда новые семантические конструкции начинают определять характер наблюдения больших масс людей, меняются и *социальные ожидания* того, как должна была бы выглядеть – удовлетворительная с точки зрения этого наблюдателя – социальная структура. Неожиданно выясняется, что в обществе, которое еще недавно полагалась устроенным достаточно справедливо, наличествуют структурные проблемы, требующие политической и протестной реакции по восстановлению «утраченной» справедливости.

Эти новые наблюдения, объединенные новой оптикой (видения «новой» несправедливости в «старых реалиях») собственно и определяют «микро-процессы» на нижнем «микро-этаже», как важный фактор формирования социальных ожиданий на верхнем макро-этаже «лодки Коулмана». Именно эти новые наблюдения выступают "раздражителями" и "триггерами", которые приходится учитывать «рациональному актору» в процессе калькуляции прибыли или издержек.

Это должно было решить проблему (объяснения) координации согласования действий больших групп или коллективного действия. Конечно, эта модернизация объяснительной схемы каузальных макро-трансформаций через редукцию к индивидуальному микро-уровню выглядит ad-hoc-объяснением. И эта схема утрачивает аналогичность прежней классической схеме веберо-коулмановского объяснения причинного объяснения рождения современного капитализма, перед которой вообще не стояло требования объяснить согласованное коллективное действие.

Схема 2: Рациональный выбор и конструктивистский подход¹³⁸

Каузации на макроуровне

Каузации на микро-уровне

От теории к эмпирике: видимость и влияние, символика захвата – «верни себе город»

Показав слабость и силу теории слабых символов в объяснении классической протестной коммуникации, обратимся теперь к своеобразию нового – сетевого – протеста, а в заключение, основываясь не этой актуальной эмпирической фактуре попробуем сформулировать также и некоторые теоретические следствия.

Канадский "активистский" журнал *Adbusters* в июле 2011 г. провозгласил лозунг "Захвати Уолл-стрит". Идея состояла в том, чтобы использовать тактику Египетского восстания (захвата площади Тахрир) и

¹³⁸ Мы существенно модернизировали первоначальную оригинальную схему, представленную здесь: Opp K.-D. Der 'Rational Choice'-Ansatz und die Soziologie sozialer Bewegungen // Neue Soziale Bewegungen. 1994. Iss. 2. P. 24.

испанских *acampadas*. Сетевые сообщения на эту тему получают хэштег «оссиру Wall-Street». Тогда и возникает знаменитый символ этого протеста – балерина на спине атакующего быка.

В Европе, особенно в Испании (тактика «*acampados*») и Германии, этому предшествовали символические захваты площадей и университетов. Один из авторов этой главы в 2010 г. и сам работал в «оккупированном университете» г. Тюбингена. Университет продолжал работу, как ни в чем не бывало, хотя повсюду были развешаны лозунги «*Besezt*», а в холлах располагались «оккупационные комитеты». (В отечественный практике протеста это, как известно, воплотилось в более информативном лозунге «верни себе город»).

В виде такого «символического захвата» осуществлялось вполне «легальное действие», получавшее особую семантическую нагрузку – возвращения обществу публичных мест как неких символов утраченной публичности или гласности. Второй – дополнительный, но более провокативный смысл, состоял в том, чтобы путем *законного* действия (ведь никто не запрещает гулять по бульварам и посещать университеты)

вынудить власть действовать *незаконно*. В целом, это характеризует общую тактику современного протеста – символической и провоцирующей подмены, презентации протестной акции вполне легальным действием. Так, протест против плохой уборки снега выставляется как протест против всей административной системы. И именно так этот протест – вполне адекватно замыслу протестующего – понимается властью, провоцируемой таким образом на нелегальный силовой ответ с непредсказуемыми последствиями.

Благодаря этому, во-первых, некое незначительное *локальное* протестное действие в рамках *конкретной* протестной темы получает символическую форму *универсального* протеста, и, провоцируя ответную нелегальную силовую реакцию, в свою очередь, провоцирует и глобальный протестный ответ со стороны, в том числе и не-протестных сообществ; и, во-вторых, таким способом протест отчасти справляется со своей ключевой проблемой – раздробленностью движения и гетерогенностью протестных тем.

Инфо-брокеры – функция связи протестующих сообществ

Но возможная интеграция тематически-раздробленных сообществ (как условие глобального протестного ответа на неправомерную реакцию силовиков), не является чем-то само собой разумеющимся. Диффузия протестной информации циркулирует в локальных сетевых группах и тем или иным образом должна «заполнить собой» сетевое пространство. При этом «сетевая проводимость сетевой ткани»¹³⁹, очевидно, не является однородной и равномерной, но оказывает «сетевое сопротивление» канализированию и диффузии протестной информации.

Должны были появиться особые акторы (или стилизованные под него группы), так называемые *инфо-брокеры*, специализирующиеся на «организации мостов» между слабо связанными (в том числе друг с другом) протестными сетевыми сообществами и сообществами непротестными¹⁴⁰. Такие инфо-брокеры либо одновременно «входят» в несколько сообществ, и благодаря этому их сообщения достигают адресатов данного множества групп. Либо они занимают некоторую

¹³⁹ О понятии «сетевой ткани», «сетевых разрывов» и «сетевой проводимости» см.: Easley D., Kleinberg J. Networks, Crowds, and Markets: Reasoning About a Highly Connected World. New York: Cambridge University Press, 2010.

¹⁴⁰ Понятие *инфо-брокеров* наиболее последовательно концептуализируется здесь: [González-Bailón, Wang 2016]

выделенную позицию одновременно и в сетевой, и в несетевой реальностях, так что локальные протестные сообщества могут получать через них необходимую координирующую информацию. Речь может идти о влиятельных блоггерах, ряде масс-медиа, оппозиционно-настроенных деятелях культуры, науки или искусства, религиозных деятелях, публичных интеллектуалах.

При этом эту сетевую позицию дефинитивно не может занимать действующий представитель власти, поскольку вынужден либо остерегаться персонально-диффамирующей информации, либо выстраивать защиту от нее и фильтровать комментарии, что существенно ограничивает интерактивные возможности инфо-брокера от власти.

Возможно, самое существенное значение в «раздувании протеста» (см. ниже) играет возникающая *рекурсивность*: активация протестных ожиданий заставляет инфо-брокеров активизировать свою он-лайн активность. Это и понятно, ведь он-лайн популярность (т.е. видимость для других сетевых акторов) содействует усилению вне-сетевого влияния и видимости инфо-брокера. Инфо-брокер, как *несетевое* публичное лицо (ученый, артист, литератор, оппозиционер) в традиционной публично-массмедийной сфере известен своими высказываниями, *не-приватными* (чаще всего, стилизованными, постановочными) образами (интервью, роли и т.д.). Между тем, сетевое пространство позволяет *визуализировать некоторые сферы приватной жизни*, пусть и в его собственной «ретушированной» редакции: фото, посещаемые места, друзья. Причем последние, в свою очередь, должны быть публичными лицами, что удостоверяет его собственное влияние.

Рекурсивность сказывается и в том, что *сетевая* узнаваемость и видимость усиливает *внесетевое* влияние публичного лица, подогревая интерес к его персоне, как со стороны его коллег, так и со стороны традиционных массмедиа. И одновременно, *внесетевое* влияние инфо-брокера (его позиция в организационных иерархиях или как независимого публичного лица) почти с необходимостью мотивируют его окружение (студентов, подчиненных, коллег, почитателей или фанатов) отправлять ему запросы на контакт и включать его в свои «сетевые друзья».

Очевидно, что присутствие в «сетевых друзьях» влиятельного лица подчеркивает (= создает ее иллюзию) собственную значимость, так как по умолчанию полагается, что влиятельное (= видимое) лицо накладывает определенный фильтр на все поступающие к нему запросы на контакт, допуская лишь наиболее «достойных». (На самом деле, этот фильтр,

как и другие фильтры, давно не действует, так как сеть практически не знает ограничений, а на комментарии достаточно поставить лайк, или набрать группу "ответственных за ответы на комментарии").

Инфляция протеста

Очевидно, что такого рода рекурсивность (т.е. взаимная обусловленность сетевой и не-сетевой публичности) приводит к рекурсивному «раздуванию протеста». Это, прежде всего, проявляется в том, что активация инфо-брокеров «раздувает» сам протест, а усиление протестной активности (в соответствии с механизмами положительной обратной связи) активизирует инфо-брокеров. В этом смысле мы можем говорить об "инфляции (или раздувании) протеста".

Это генерализированное понятие инфляции, разработанное в рамках системно-коммуникативной теории, оказывается плодотворным не только для анализа экономики, политики и науки¹⁴¹ (инфляция денег, «инфляция истины» как «раздувания» позитивных ожиданий от возможностей науки; «инфляция власти» как раздувание позитивных ожиданий от конкретного лидера, партии, политической конфигурации). Во всех означенных сферах коммуникации инфляцию сменяет дефляция (как результат кризиса и разочарования в своих завышенных ожиданиях от политических партий, лидеров, общественном и экономическом значении науки и т.д).

В этом смысле и инфляция протеста, вызываемая к жизни, не в последнюю, означенными выше рекурсивными взаимозависимостями (активности инфо-брокера и протестного активизма; сетевой и несетевой активности), достигнув некоторой критической точки экстремума, рано или поздно (согласно модели отрицательной обратной связи) входит в стадию дефляции. Рано или поздно сетевое напряжение спадает, ресурсы (внимания, свободного времени, интереса, психического сострадания) конечных пользователей оказываются несоразмерными объемам протестных сообщений. Здесь протестная система коммуникаций обнаруживает границы, словно совпадающие с границами инфо-брокеров в перекрывании структурных разрывов между сообществами.

¹⁴¹ О понятии инфляции применительно к коммуникативным системам см.: Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 158-171; Бараиш Р.Э. Истина и власть как категории социальной философии // Мониторинг общественного мнения. 2017. Том 141. № 5. С. 105-119.

К их сообщениям утрачивают интерес, а инфо-брокеры (рекурсивность!) утрачивают интерес к протестной тематике¹⁴².

Назад к аналоговому!

Визуализация памяти и персонификация и как оружие протеста:

Удивительно, что сетевой протест, основанный и обязанный своим происхождением, главным образом, цифровой реальности, в качестве своего главного оружия в конкуренции с другими коммуникативными системами (прежде всего, с административной и хозяйственной) задействует свои способности к *аналоговой презентации своей памяти и истории*: прежде всего, средствами видео- и фотофиксации собственной истории «страдания другого» (= «злоупотребления других систем»)

Визуализация памяти предстает в настоящий момент в виде «тактики персонификации» неперсонифицированных участников других коммуникативных систем (коррупцированных политиков, злоупотребляющих властью силовиков и т.д.). Говоря абстрактным языком, это оружие задействуется против безличных коммуникативных механизмов (как *modus vivendi*) макросистем. Ведь системы сильны своей механистичностью, алгоритмичностью коммуникации и вытекающей отсюда *безличностью* конечного решения. Как правило, наблюдателям не удастся реконструировать (распределенное на многие инстанции) авторство действий и коммуникаций и тем самым определить вытекающую из этого авторства ответственность за поражающее в правах решение или силовой ответ на протестную акцию.

Участник административной системы – полицейский, чиновник, судья, парламентарий, с полным на то основанием, будет утверждать, что исполняет некий алгоритм, который не был создан им самим;

¹⁴² Здесь приходится различать информационных брокеров (связывающих разные сообщества сообщениями, объединенными общей протестной темой) и структурно-информационных брокеров, которые и сами способны генерировать протестно-релевантную информацию. Перспективным в этой связи было бы исследование, которое бы показало, как массивы сообщений инфо-брокеров и число ответов или ретвитов увеличивается на этапе инфляции ("общественного интереса" к протестной теме), перекрывая тем самым структурные разрывы между он-лайн сообществами и не-сетевыми коммуникациями. Увеличение этого числа не может быть бесконечным. Еще на этапе инфляции, очевидно, постепенно уменьшается доля ответных комментариев и ретвитов (по отношению к каждому инфо-брокеру и относительно каждого первичного сообщения), что демотивирует инфо-брокера. В этом смысле последним, ограничивающим или тормозящим протест ресурсом, оказывается *объем внимания, интереса и «чувствительности» конечного пользователя*, не способного поддерживать «сетевое напряжение» в канализации и диффузии протестной информации.

что он следует системным программам и медиа (выше принятым распоряжениям, законам, необходимости поддерживать порядок). В этом смысле, ему нельзя вменить в вину ничего, помимо отклонения от такого рода «заданных» программ поведения и коммуникации. Но даже и такое отклонение, как правило, истолковывается как «эксцесс исполнителя». В любом случае система сохраняет априорную правоту, независимо от (неправомерного) поведения ее конкретного участника.

Напротив, коммуникативная система протеста заявляет о себе как о *формально-неорганизованной* системе, как системе, не основанной на иерархиях и лидерстве. А если лидеры и появляются, то они всегда указывают на свое формальное неучастие в акциях. По возможности они дистанцируются от формального участия в организации протестной акции, но поддерживают их своей сетевой активностью и личным присутствием и выступлениями. *Они призывают, не призывая*, тем самым провоцируя политическую систему на ответные нелегитимные действия, согласно излюбленной тактике «легитимной провокации».

Политическая система вынуждена отвечать на это некой «искусственной персонализацией». Лидеры протеста словно «назначаются» силовиками, им вменяют организацию нелегальных акций и подвергают репрессиям. Очевидно, что эта искусственная «персонификация» представляет собой в данных условиях неизбежный, но бессмысленный и контр-продуктивный ход. Санкции в отношении *участников* протестной коммуникации лишь усиливают общее возмущение («несправедливым страданием другого»), а значит – и само движение. Политика лишь тешит себя, поскольку – лишь в ее собственной наблюдательной оптике (посредством различения *власти/безвластия*) – она продолжает свои рутинные самореференциальные операции по «отклонению отклоняющихся коммуникаций». Но в оптике остальных наблюдателей, использующих наблюдательные дистинкции иного рода (например, морализирующие различия *справедливого/несправедливого*) никакого «отклонения девиантного» в ходе разгона протестных акций как раз и не происходит.

Но более значимо и любопытно, что и протестная коммуникационная система научилась задействовать аналогичную *тактику персонализации безличной коммуникации*. Теперь за действиями власть-имущих, чиновников и полиции «следят» и фиксируют. (Одним из многочисленных примеров конструирования такой квази-памяти представляет сайт «beware

of them»¹⁴³, где создаются специальные базы, хранилища и досье с тщательно отсортированной информацией по главному протестному критерию – причинения «страданий другому» как главной теме протестной коммуникации.)

Новация состоит в том, как распределяется и приписывается авторство (и ответственность). Ответственность и санкции за определенные действия теперь как бы отсрочиваются до «лучших времен», но обе стороны, в особенности, участники политической системы, вынуждены считаться с высокой вероятностью будущих политических изменений и негативных последствий, и поэтому заранее продумывают свое «алиби».

Возможно, именно с этим связаны утвердившиеся формы *мягкого* авторитаризма, практикуемые нынешней властью и в том, что касается разрешения протестных митингов (пусть и в редуцированной форме), терпимого отношения к политическим противникам (ФБК и т.д.) и некоторым оппозиционным СМИ (Эхо Москвы, Новая Газета). Политика теперь не может просто сослаться на закон и распоряжения (*предметное* основание решения) или на свою легитимность как результат волеизъявления большинства (*социальное* основание решения) в отношении протестующих. Поскольку теперь все «записывается», регистрируется и аккумулируется *в памяти протестной системы*, вероятность *будущих* санкций со стороны будущих акторов в условиях будущих политических изменений уменьшает относительную значимость *предметного* и *социального* измерения коммуникации в пользу измерения *временнОго*. Это существенно смягчает репрессивность политической машины, которая вынужденно реализовать механизмы устрашения внутренних противников через репрессии, направленные на некоего *внешнего* врага («иностранные агенты», «тоталитарные религиозные секты» и т.д.)

Возникла прежде невиданная ситуация. Память политической системы оказывается в руках *еще* одной системы. Если раньше она находилась в руках (исторической) науки, на которую до известной степени (по крайней мере, в новейшей истории) можно было оказывать и политическое влияние, то теперь эта память переходит в руки менее щепетильной (в отношении ее методологии отбора запомненных событий)

¹⁴³ <https://bewareofthem.org/dossierru/securru/rosqvardeytsi/?fbclid=IwAR1jndyuhflQqH5ZqigjHwDy-RKA34eJ-B8LCqVd7uA17-sGnYQCIE5ADrs>

системы протеста. Безусловно, эта память гораздо более избирательна и протестно-ангажирована.

В условиях современной медиа-техники силовикам и чиновникам приходится учитывать, что все его действия фиксируются дважды – и хранятся в двух памятях – памяти прошлого и памяти будущего, памяти самой политической системы (в тех съемках, которую ведут агенты), и в памяти протестующих. Можно сказать, что внутри протестной системы отдифференцируются рефлексивные под-системы, специализирующиеся на аккумуляции, сохранении и воспроизводстве системной памяти.

Фактически это может парализовать волю участника политической коммуникации, который попытается калькулировать свои шансы и дальнейшие (карьерные и бытовые) перспективы. Эта калькуляция во временном измерении дополнительно осложняется сохраняющейся интегрированностью России в мировое общество, мировую политическую систему. И протестная система может апеллировать к мировой политической и мировой правовой системе и предоставлять свои ресурсы (память) в ее распоряжение (ЕСПЧ). У политики отсутствуют возможности такого внешнего маневра, и в этом смысле она оказывается в ассиметричном положении, поскольку не может предоставить свою память в распоряжение мировой политической системы, а пользуется – не сильно востребованным – эрзац-процедурой создания открытых баз «экстремистских ресурсов», что, скорее, информирует об экстремистской тематике, нежели элиминирует ее.¹⁴⁴

Одним словом, в распоряжении протеста оказывается сверх-мощное и не до конца адекватно оцененное оружие. Она словно прибегает к шантажу: я знаю лицо политической системы и жду своего часа. Теперь это не безличная машина, а индивиды: конкретные пропагандисты, провокаторы, политтехнологи, силовики, чиновники, судьи и спонсоры.

И у них есть семьи и родственники и близкие (которые не обязательно являются участниками политической системы, но зато почти с необходимостью являются участниками социальных сетей, а значит, в свою очередь видимы, и значит, – уязвимы). *Опасность* этих следствий для социального порядка очень трудно оценить. Ведь сетевая интегрированность родственников делает уязвимыми и их шансы в других макро-системах – хозяйстве, образовании, интимных отношениях. Любой эксцесс, интерпретируемый протестом как произвол, может сказываться

¹⁴⁴ <https://minjust.ru/ru/extremist-materials>

тем или иным способом на судьбах этих людей, которые тоже озабочены планированием своих шансов и будущих карьерных перспектив. Одним из следствий сетевых конфликтов политики и протеста может стать «социально-сетевая» и «страновая» изоляция (запрет на аккаунты в сетях и запрет на выезд за рубеж), что, парадоксальным образом «поражает в правах» и «причиняет страдания» уже участникам политической системы, если только учитывать весь спектр требований публичности, которую проявляют современные работодатели и кредитные организации.

Раздел третий. Новые социальные движения. Опросы, интервью и экспертные заключения

От научного редактора и составителя. Бараш Р.Э. Экспертная анкета.

Мы попросили экспертов и известных в стране социальных теоретиков из МГУ имени М.В.Ломоносова, Российской академии наук, НИУ – Высшей школы Экономики ответить на вопросы экспертной анкеты. Некоторые эксперты дали развернутое интервью по каждому вопросу, другие представили свои соображения в форме собственных экспертных заключений, руководствуясь собственными критериями протестности и радикализма. Одновременно было проведено анкетирование московских студентов. Нам показалось уместным привести наиболее интересные экспертные высказывания, попросив экспертов представить свои соображения в систематизированной и академической форме. Общие итоги экспертных опросов и анкетирования студентов мы приводим в конце раздела. Экспертная анкета и вопросы студентам выглядели следующим образом.

Анкета эксперта

Новые формы общественной коммуникации и радикализм в условиях информационного общества. Системно-коммуникативный анализ.

Одним из этапов комплексного исследования новых социальных движений и новых форм сетевой коммуникации является настоящий экспертный опрос, реализуемый среди ведущих представителей российской науки и образования и проводимый кафедрой социальной философии и философии истории МГУ имени М.В.Ломоносова. Предлагаем Вам принять участие в обсуждении некоторых проблем настоящего исследования и ответить на ряд вопросов, касающихся особенностей влияния новых форм и технологий коммуникации на генезис новых социальных движений.

1. Рассуждая об особенностях распространения протестных, в том числе и радикальных идей, необходимо обратиться в первую очередь к реконструкции портрета носителя протестных настроений. Главным образом – к определению критериев принадлежности активистов к протестному движению. В этой связи мы бы хотели узнать Ваше мнение о ряде актуальных проблем исследования протестного активизма.

1.1. В первую очередь, давайте определимся с тем, что Вы могли бы назвать основным квалифицирующим признаком принадлежности человека к протестному движению: формальное членство, неформальная опосредованная поддержка инициатив тех или иных протестных организаций, «молчаливое» сочувствие критическим идеям или что-то другое? Всегда ли протестные настроения человека выливаются в протестную активность? Можно ли считать сторонником движения тех, кто поддерживает заявленные движением цели, но не разделяет методы достижения целей движения?

1.2. Насколько тесной является связь между гражданским, в том числе политическим активизмом, и распространением среди активистского кластера общества протестных и даже радикальных идей, связанных с критикой актуальной социальной или политической повестки? Можно ли, на Ваш взгляд, говорить о принципиальном психологическом и социальном своеобразии сторонников протестных идей? Можно ли говорить о своеобразном типе «протестующей» личности, существующей в любом обществе, либо совокупность внешних факторов оказывает ключевое влияние на складывание протестных движений?

1.3. Каким Вы видите себе ключевое отличие радикальных движений от иных форм активизма? Как Вам кажется, квалифицирующим признаком радикализма того или иного активистского объединения являются декларируемые цели или скорее практикуемые методы и способы достижения поставленных задач?

- 1.4. А что, на Ваш взгляд, способствует одобрению и принятию личностью радикальных идей? Каким чувством/ аффектом / эмоциями чаще всего движимы участники радикальных движений: страх, гнев, сострадание или что-то другое? Можно ли говорить о том, что предпосылкой присоединения активистов к радикальному движению чаще прочих оказывается их собственное, личное, переживание, травма, ощущение несправедливости или персональное поражения в правах? Или же сторонников радикальных объединений скорее мобилизует сострадание к другим «пораженным в правах» или жертвам?
- 1.5. Как Вы полагаете, содействует ли достижению целей, заявленных протестными объединениями, участие их активистов в тематических акциях, митингах, пикетах? Или такого рода активность способствует в большей степени внутренней консолидации активистского ядра вокруг заявленной проблемы?
- 1.6. Давайте поговорим о современном – информационном контексте – и развития гражданского активизма, и распространения протестных настроений. Как Вы полагаете, можно ли говорить о том, что широкая доступность интернет-коммуникации, социальных сетей и мессенджеров, привела к интенсивному распространению практик гражданской активности. Можно ли говорить о том, что интернет упростил солидарное гражданское взаимодействие и расширил активистскую базу? Считаете ли Вы справедливым тезис о том, что благодаря новым медиа значительно возросли возможности не только общения, но солидарного активизма, в том числе и протестного?
- 1.7. Насколько значимым фактором распространения критических настроений сегодня, на Ваш взгляд, является интернет-коммуникация? Изменила ли интернет-коммуникация специфику гражданского активизма? Считаете ли Вы, что в современных информационных условиях принадлежность к движению определяется самими участниками, а не подчиняется правилам формального членства?

1.8. Считаете ли Вы, что интернет-содействие или интернет-поддержка целям радикальных движений может приравниваться к фактическому участию в активности движения? Считаете ли Вы, что интернет является средством коммуникации, действующим как аналог «вирусного распространения» целей движения?

1.9. Как Вы полагаете, расширяющаяся включенность многих носителей «активистского габитуса», в том числе и протестного, в информационную повестку тематического объединения или регулярное взаимодействие с другими его сторонниками в формате, например, активного обсуждения актуальных проблем в «тематических группах», способствует скорее реальной консолидации активистов, служит залогом их дальнейшей предметной деятельности, к встречам в офф-лайн-пространстве и дальнейшей координации деятельности в реальном пространстве? Или интернет-общение напротив, наоборот, приводит скорее к «выпуску пара» в он-лайн пространстве?

2. А теперь давайте попробуем определить факторы, способствующие распространению популярности идей протестной консолидации в современном обществе.

Оцените, пожалуйста, по 5-балльной шкале (от «1» – «не важно» до «5» – «очень важно»), насколько важными и значимыми сегодня для распространения идей протестной активности являются следующие факторы... (Дайте один ответ по каждой строке)

	1 – не важно	2	3	4	5 – очень важно
2.1. Социально-экономические факторы: бедность, отсутствие социальных лифтов, ограниченные возможности для получения образования, профессиональная невостребованность, трудности при трудоустройстве, недовольство системой социальной поддержки, невозможность получения квалифицированной медицинской помощи	1	2	3	4	5

2.2. Культурные, религиозные, этно-национальные факторы: непризнание культурного, религиозного или этнического своеобразия сообщества, с которым ассоциируют себя недовольные	1	2	3	4	5
2.3. Коммуникативные факторы: специфическая среда общения протестующих и активистов, сужение многими недовольными круга своей коммуникации к сообществу своих идейных соратников и сподвижников, эксклудированность многих сторонников протестной коммуникации из традиционных кругов общения (в ВУЗах, на работе, в семье)	1	2	3	4	5
2.4. Когнитивные факторы: плохое или, наоборот, хорошее образование, сопричастность к особой суб-культуре, специфическая экзальтированная восприимчивость к несправедливости и страданию других	1	2	3	4	5
2.5. Психо-эмоциональные факторы: индивидуальная агрессивность, чрезмерная эмоциональность, другие особенности психотипа участников движений, делающих активистов несогласными с типичными и традиционными социальными установками и стереотипным поведением в обществе (слабохарактерность, подверженность чужому влиянию, или наоборот, чрезмерные лидерские амбиции или честолюбие)	1	2	3	4	5
2.6. Факторы сетевого рекрутирования: вирусное распространение информации в сети, провоцирующие «активистские» ответы.	1	2	3	4	5

3. Учитывая выделенную роль интернет-коммуникации в распространении протестных настроений, мы бы хотели узнать Ваше мнение об особенностях сетевого поведения гражданских активистов. Как Вы считаете, какие сетевые события более других мотивируют равнодушных граждан участвовать в активистской деятельности, в том числе и в протестных акциях?

Оцените, пожалуйста, по 3-балльной шкале (где «1» – «не значимо», «2» - «малозначимо», «3» – «существенно значимо»), консолидационную значимость сетевых событий, их потенциал и вес

в качестве факторов, способных вывести активистов «на улицу», мотивировать их к реальным действиям... (Дайте один ответ по каждой строке)

	<i>1 – не знач имо</i>	<i>2 - мало знач имо</i>	<i>3 – Суще стве нно знач имо</i>
3.1. Создание сетевым другом в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале тематического сообщения или ивента, посвященного активизму как общественному явлению	1	2	3
3.2. Создание и распространение сетевыми друзьями в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале актуальной новости или информации о том или ином событии из жизни протестного сообщества	1	2	3
3.3. Создание и распространение сетевыми друзьями в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале сообщения о «возмутительных» событиях, преступлениях, правонарушениях, совершенных в том числе и представителями власти или иными	1	2	3
3.4. Активная реакция сетевых друзей (в формате «лайков» или комментариев) на ту или иную информацию, представленную в сети интернет	1	2	3
3.5. Активная реакция всего сетевого сообщества – не только сетевых друзей (в формате «лайков» или комментариев) на ту или иную информацию, представленную в сети интернет	1	2	3
3.6. Публикация в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале сетевым другом новости об актуальном общественном событии	1	2	3
3.7. Публикация новости об актуальном событии в традиционных СМИ	1	2	3
3.8. Публикация в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале фото, видеозаписи, музыкальное произведение, посвященное активизму	1	2	3
3.9. Создание в социальной сети, мессенджере тематической группы (тематического телеграмм-канала), посвященной активистской тематике, вхождение в такую группу, приглашение группу сетевых друзей	1	2	3

3.10. Прямой призыв в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-каналах активным несетевым – то есть реальным – действиям со стороны сетевых друзей	1	2	3
--	---	---	---

Глава седьмая. Момджян К.Х. Цивилизационные ориентиры современной России.

Вестернизация как вызов для социального протеста

Практически каждое движение протеста, независимо от его протестной темы, именно в вестернизации (как форме глобализации и глобализма) усматривает чуть ли основной источник бед и страданий людей, которое оно призвано устранить. При этом пораженными глобализацией оказывается, прежде всего, население стран третьего мира, или стран, еще не достигших уровня развития экономики, сопоставимого с уровнем США, Европы и других развитых стран. Насколько оправданы такие инвективы со стороны протестующих в отношении вестернизации и глобализации? Связаны ли глобальные проблемы человечества и глобализм как мировой тренд развития экономических и политических систем? Мне представляется, что ответы на эти вопросы зависят от теоретического понимания этого явления, а также от конкретной ситуации каждой отдельной страны, в той или иной степени вовлеченной в глобальные экономические и политические процессы и соответственно реагирующей на всепроникающий характер современного мирового общества. Попробуем на конкретном примере России рассмотреть проблему вестернизации и глобализации, что могло бы стать отправной точкой для оправдания, или, напротив, отрицания тех обвинений, которые сторонники новых социальных движений протеста выдвигают против глобализма и других эффектов мирового общества.

Уже не первый век российские обществоведы ведут горячую полемику о социокультурной специфике своей страны, ее месте в мировой истории и цивилизационных ориентирах развития. Впрочем, лет тридцать тому назад многим, включая и меня, показалось, что в этот спор властно вмешалась сама история, давшая ответ на многие дискуссионные вопросы и определившая перспективы России весьма недвусмысленным способом.

Этот вывод основывался на двух обстоятельствах, первым из которых стали обоснованные сомнения в возможности социалистического пути развития. Говоря о социалистической перспективе, я понимаю под социализмом не способ распределения жизненных благ, практикуемый в некоторых капиталистических по типу обществах, а альтернативный капитализму способ организации общества, основанный на общенародной собственности на средства производства. Выяснилось, что на современном уровне развития производительных сил их обобществление

технологически невозможно, а их огосударствление приводит не к социализму, а к политаризму, сохраняющему непарцеллярные формы частной собственности, социальное неравенство, эксплуатацию человека и прочие прелести классового общества.

Вторым обстоятельством стало беспрецедентное развитие капитализма в его западной, и восточной разновидностях. История опровергла прогноз классиков марксизма о неминуемой и скорейшей гибели этого строя. Оказался ошибочным вывод Маркса о том, что класс капиталистов, сохранив свой экономический статус собственника средств производства, утратил свою социальную роль организатора производственного процесса и превратился в класс-паразит в умирающем обществе, где, согласно Манифесту Коммунистической партии, «тот, кто трудится, ничего не приобретает, а тот, кто приобретает, не трудится».

На самом деле «экономика рантье», убедившая Маркса в закате капитализма, оказалась лишь краткосрочной исторической тенденцией. Изменившийся характер управленческого труда, связанный с ростом творческой, инновационной компоненты в нем, переломил эту тенденцию и привел к замене капиталистов-рантье бизнесменами типа Генри Форда, Стива Джобса или Илона Маска, понимающими, что личное участие в производстве, способность инициировать его развитие и принимать на себя его риски, являются неременным условием предпринимательского успеха.

Исторический прогноз Маркса оказался неточным не только в отношении буржуазии, но и в отношении ее антагониста, на которого возлагалась задача революционного переустройства общества. Конечно, класс наемных работников, продающих свою рабочую силу собственникам средств производства, никуда не исчез из современной истории. Однако его качественный состав изменился самым существенным образом, что связано с двумя фундаментальными причинами. Первой из них является автоматизация (роботизация) материального производства, приведшая к существенному сокращению промышленных рабочих. Второй причиной является **дисперсия производственно-экономических отношений**, вырвавшихся за пределы материального производства (где они первоначально возникли) и утвердившихся в социальной, организационной и духовной сферах общественной жизни, отвечающих за создание «непосредственной человеческой жизни», «форм общения людей», а также опредмеченной информации, где экономическая диспозиция «капиталист – наемный работник» ранее отсутствовала.

В настоящий момент наемные работники в сфере образования, науки, медицины, искусства и пр. продают свою рабочую силу собственникам средств производств и вполне соответствуют экономическим признакам «рабочего класса». Их интересы нередко противоречат интересам работодателей (о чем свидетельствуют забастовки преподавателей, профессиональных спортсменов и даже голливудских сценаристов).

Ясно, однако, что образ жизни подобных работников (характер их труда, уровень их доходов, тип ментальности и пр.) существенно отличается от образа жизни Марксова пролетариата. История разомкнула связь между наемным трудом и неизбежной бедностью, в существовании которой был уверен Маркс, предсказывавший абсолютное обнищание рабочего класса, толкающее его на социалистическое переустройство общества. В результате вместо **антагонистического противодействия** классов, в неотвратимости которого был убежден К. Маркс, утвердилось их конфликтное **взаимодействие**, основанное на взаимоположенности партнеров, конфликты между которыми не исключают необходимости сотрудничества в силу невозможности обойтись друг без друга.

Итак, социалистическая перспектива оказалась неосуществимой на современном этапе общественного развития, а капитализм доказал свою жизнеспособность. В этих условиях многие философы, политики, публицисты, рассуждающие о будущем России пришли к убеждению, что пора перестать изобретать велосипед и признать, что оптимальным путем развития нашей страны является рецепция технологической экономической, социальной и политической организации капиталистического общества, перестройка российского социума по западным лекалам.

Вскоре, однако, выяснилось, что подобная вестернизация России сталкивается с колоссальными препятствиями, имеющими самый различный характер.

Прежде всего стало ясно, что что формационная перестройка политаризма в цивилизованный капитализм не может осуществляться в режиме автаркии – ее эффективность предполагает цивилизационное взаимодействие, историческую корреляцию между «странами-реципиентами» и «странами-донорами», о которой писал в свое время историк Михаил Барг. Иными словами, вестернизация — это улица с двусторонним движением, где стремление России стать частью западного не должно, как минимум, встречать противодействия со стороны последнего. Увы, в настоящий момент Запад не только не способствует

модернизации России, но и старается затормозить этот процесс, воспринимая нашу страну как противника и даже врага западного мира.

Каждая из конфликтующих сторон предлагает свои объяснения этой конфронтации. Запад ссылается на нецивилизованное поведение России, нарушающей правила мирного сосуществования с окружающим миром. Россия ссылается на политику глобализма (не путать с глобализацией), проводимую США и другими западными странами, использующими свою экономическую, политическую и военную мощь для утверждения статуса единственного центра силы в однополярном мире. Распад Советского Союза, считают в России, убедил западных лидеров в их геополитическом всемогуществе, способности диктовать свою волю всему остальному человечеству, навязывая ему свои ценностные приоритеты, действовать по принципу «квод лицит Йови, нон лицит бови». Западным странам можно изменять государственные границы, соглашаться с аннексией Северного Кипра, отделением Косово от Сербии, Голанских высот от Сирии, а когда что-то подобное делает Россия это расценивается как беспрецедентное нарушение международного права.

Я полагаю, что ответственность за возникшую конфронтацию ситуацию несут обе стороны, хотя большая часть вины, по-моему, лежит на Западе, который, как признают многие авторитетные западные политики, мог бы вести себя дальновиднее с ослабевшей Россией, не провоцируя ренессанс автократизма в ней путем расширения НАТО на восток, поддержкой антироссийских сил в т.н. «ближнем зарубежье» и др.

Справедливости ради скажу, что я далек от мысли, что западная политика всегда преследует своекорыстные экономические и политические цели. Нередко западными политиками движет благое намерение «улучшить мир», применив свой собственный опыт для трансформации стран и народов с иным историческим бэкграундом.

Далеко не всегда эта политика срабатывает, поскольку западные стратеги, как правило, не понимают, что благие цели, соответствующие базовым потребностям людей (экономическое благосостояние, безопасность, гражданские свободы и прочее) могут быть достигнуты лишь с помощью адекватных средств, учитывающих фундаментальные социокультурные различия между народами, которые исключают механическое копирование опыта, сработавшего в иных исторических условиях.

Конечно, современная глобализация способствует определенной унификации некогда противоположных образов жизни. Значительное большинство современных людей используют созданные на Западе информационные технологии, носят джинсы, пьют кока-колу, слушают западных исполнителей, смотрят голливудские фильмы и т.д. Однако степень такой унификации не следует преувеличивать, она касается, как правило, индивидуального самовоспроизводства людей в сфере быта и не затрагивает институциональных основ образа жизни и связанных с ними глубинных стереотипов мышления, чувствования и практического поведения.

Игнорируя эти глубинные различия, многие западные политики проводят высокомерную внешнюю политику, трактуя незападное человечество в качестве «недоразвитых» европейцев, которые не могут не мечтать о «естественном для любого и каждого человека» западном образе жизни (эта глобалистская установка парадоксальным образом сочетается с доктриной мультикультурализма во внутренней политике многих западных стран, о которой я скажу отдельно).

Как бы то ни было, западные страны предприняли некоторые усилия, чтобы помочь России выйти из постсоветской ямы - была предложена гуманитарная помощь, оказана символическая поддержка в виде включения России в клуб J8, была развернута программа сотрудничества с МВФ, которая оказалась не слишком удачной в силу непонимания российскими реформаторами и их западными кураторами того фундаментального обстоятельства, что модернизация политарной страны, находящейся в условиях тяжелейшего кризиса, не может начинаться с обвальная либерализации. Свобода – в отличие от джинсов или кока-колы – является не предметом экспорта, а продуктом длительной исторической эволюции, доступным лишь тем странам, население которых не страдает от депривации жизнеобеспечивающих нужд. Стремление ввести свободу декретом, навязать исторически сложившиеся стандарты западной либеральной культуры стране, не знавшей гражданского самоуправления и находящейся в состоянии тяжкого экономического кризиса, закончились ростом нищеты, социального неравенства, коллапсом государственного управления, криминализацией общественной жизни и другими последствиями, которых не ожидали авторы перестройки и поощрявший их западный истеблишмент.

Однако, вскоре выяснилось, что готовность Запада помогать России обусловлена требованием отказаться от «избыточных амбиций»,

не подобающих стране, потерпевшей поражение в холодной войне с западным миром. От России потребовали «знать свое место», смириться со статусом «региональной державы», которая действует под контролем западных стран и международных институтов.

Кто-то из наших соотечественников считал и считает западные требования обоснованными и приемлемыми. Как заявила одна известная в либеральном сообществе дама, важно, чтобы в России установились западные стандарты жизни, и ее не беспокоит, что ценой такого благополучия станет сокращение страны вплоть до ее европейской части минус национальные автономии.

Ясно, что такие люди составляют подавляющее меньшинство российского социума. Их мнение противоречит исторически сложившемуся убеждению россиян, в том, что самая большая и самая богатая по ресурсам страна мира может существовать только как сильное независимое государство или не существовать вовсе. Важно подчеркнуть, что носителями такого менталитета являются не только власть предержащие, но и широкие народные массы. И нам не должен казаться парадоксом тот факт, что эти массы готовы терпеть любую внутреннюю опрессию, ноне приемлют подчиненность России инациональным силам, рассматривают такую подчиненность как национальное унижение. Речь идет о форме компенсаторного поведения, хорошо известного в науке психологии.

Другой причиной, тормозящей вестернизацию России, стало то, что благополучный во всех отношениях Запад неожиданно впал в серьезный экзистенциальный кризис, связанный с изменением ценностных представлений о смысле человеческой жизни, о нормах отношений между людьми, отношений между человеком и обществом и т.д.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что к этому кризису привели не экономические коллапсы, а напротив, колоссальный рост благосостояния, случившийся в послевоенные десятилетия. В ситуации гарантированного выживания, когда экономическое благополучие и безопасность стали рассматриваться как естественное состояние человека, мотивационные приоритеты многих людей сместились с дефициентных жизнеобеспечивающих потребностей на бытийные потребности, связанные с поддержанием качества жизни, а не ее факта.

Как пишет Р. Инглхарт, «исторически беспрецедентная степень экономической безопасности, какую узнало послевоенное поколение

в индустриальных обществах, вела к постепенному сдвигу приоритета от "материалистических" ценностей (когда упор делается прежде всего на экономической и физической безопасности) к ценностям "постматериальным" (когда на первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни)¹⁴⁵. «В значительной части мира, - продолжает автор, - нормы индустриального общества, с их нацеленностью на дисциплину, самоотвержение и достижения, уступают место все более широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения»¹⁴⁶. «Акцент смещается от коллектива и дисциплины к свободе личности, от групповой нормы к индивидуальному многообразию, от власти государства к личной независимости, порождая синдром, который мы определили как ценности самовыражения»¹⁴⁷.

Конечно, в менталитете, акцентирующем свободу личностного выбора нет ничего априори плохого, если учесть, что его альтернативой является социоцентристская идеология, исходящая из убеждения в том, что человек существует для общества, а не общество для человека. Крайней формой такого социоцентризма является позиция жесткого «методологического коллективизма» (терминология К. Поппера), которая рассматривает человеческие индивиды в качестве «клеточной основы» интегративного коллективного субъекта, в роли которого выступает общество и созданные им социальные институты. Рассуждая о месте человека в обществе, сторонники такой идеологии исходят из того, что клетки существуют только в целом и ради целого, возникновение у них собственных, не санкционированных организмом поведенческих программ, означает раковое перерождение, требующее немедленного устранения. Отсюда следует, что отдельно взятый человек безраздельно принадлежит обществу и не имеет никаких индивидуальных прав, включая право на собственную жизнь, которое также принадлежит коллективу (следствием такой установки являются известные из отечественной истории законы, согласно которым попадание в плен рассматривалось как воинское преступление).

Излишне говорить, насколько опасной является такая социоцентристская идеология, субстанциализирующая общество в целях тоталитарного подавления любых и всяких индивидуальных свобод.

¹⁴⁵Инглхарт Р. Постмодерн: Меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. Полис, 1997, №4 С. 7-8

¹⁴⁶Там же. С.10

¹⁴⁷Рональд Инглхарт, Кристиан Вельцель. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: 2011. С. 12-13

Отторжение подобного социоцентризма современным западным либерализмом можно было бы считать совершенно оправданным, если бы последний не впадал в другую крайность - субстанциализацию индивида и отрицание реальной значимости надындивидуальных реалий общественной жизни.

Дело в том, что альтернатива «методологического коллективизма», которую К. Поппер именует «методологическим индивидуализмом», бывает двух разных видов. Умеренный «индивидуализм» полагает, что субъектными свойствами обладают только отдельные люди и отрицает субъектность общества, наличие у него собственных потребностей, интересов и целей, которые отсутствуют у образующих общество людей. При этом сторонники данного направления не отрицают существование общества как онтологической реальности, обладающей интегральными свойствами, которые не сводятся к свойствам составляющих общество индивидов.

Иными словами, общество рассматривается не как **субъект**, а как социальный **институт**, в основе которого лежат организационные связи между действующими индивидами, порождающие устойчивые матрицы социального взаимодействия и связанные с ними статусно-ролевые характеристики, предписанные субъектам социальной интеракции независимо от их воли.

Это значит, что сторонники умеренного «методологического коллективизма» признают существование не только индивидуальных, но и **общественных** интересов, под которыми понимаются не интересы общества, а **схожие** интересы индивидов, образующих общество, которые (интересы) становятся **общими**, когда вызывают совместную скоординированную деятельность людей. Признается тот факт, что реализация общих (общественных) интересов является условием успешного осуществления индивидуальных интересов человека и ограничивает всевластие последних.

Существует, однако, и радикальная разновидность «методологического индивидуализма», которая не ограничивается отрицанием субъектных свойств общества, а отрицает сам факт существования последнего в качестве онтологической реальности. Сторонники такого социально-философского номинализма исходят из убеждения, что общество — это лишь термин, обозначающие некоторое множество действующих и взаимодействующих индивидов. Общество трактуется как «множественное число от слова человек», ровно также как

армия трактуется как «множественное число от слова солдат». Согласно такой номиналистической презумпции никаких общественных интересов, отличных от индивидуальных интересов людей и не сводимых к последним, нет и не может быть.

Я полагаю, что именно такая номиналистическая трактовка общество вдохновляет (осознанно или неосознанно) современный ультралиберальный менталитет, претендующий на господство во многих западных странах. Речь идет об идеологии гипериндивидуализма, фанатически верящей в абсолютный приоритет частного над общим, в неограниченную свободу индивидуального самовыражения, вплоть до права человека не пользоваться дезодорантом несмотря на протесты коллег по работе.

Конечно, абсолютный приоритет индивидуальной свободы не означает отказ от взаимодействия с другими людьми, воспринимаемого как средство достижения главной цели – свободы индивидуального самовыражения. Однако и в отношении человеческих интеракций действует все тот же принцип примата частного над общим, который проявляется в данном случае как признание приоритета интересов меньшинства над интересами большинства людей. Я имею в виду доктрину т.н. «исправляющей дискриминации», принятую во многих западных странах. Речь идет об административных и прочих преимуществах, которые ультралиберальное государство и созданные им социальные институты предоставляют представителям расовых, национальных, гендерных, сексуальных и прочих групп, ранее пораженных в своих правах.

Нельзя отрицать, что в основе «исправляющей дискриминации», лежит благая, нравственно фундированная цель защиты некогда угнетенных или до сих пор угнетаемых людей. Однако это достойное намерение дискредитируется двумя обстоятельствами. Одним из них является гипертрофия интересов меньшинства, выходящая за рамки всякой разумной достаточности. Трудно понять, почему защита прав гомосексуалистов, являющихся, несомненно, полноценными гражданами современного общества, должна предполагать право на проведение голых маршей, нарушающих всякие (а не только «гомофобские») представления о приличиях. Трудно понять, почему защита права женщин должна предполагать административное преследование за любую попытку невинного флирта. Столь же чрезмерные формы принимает государственная защита детей, предполагающая репрессии против

родителей, ограничивающих право ребенка объедаться шоколадом. Совершенно абсурдный вид такая защита меньшинств приобрела в Германии, где полиция пыталась замять насильственные преступления против женщин, осуществленные прибывшими в страну мигрантами – мы видели, как ультралиберальное государство, помешанное на идеях мультикультурализма, не стесняется ставить под сомнение фундаментальный принцип равенства людей перед законом, размышляя, казалось бы, очевидные критерии наказуемых деяний.

Нельзя не замечать, как благая цель толерантности и защиты угнетенных принимает в ультралиберальном менталитете форму «тирании меньшинств», санкционирующей фактический террор в отношении инакомыслящих представителей большинства, лишаемых не только прав, но и возможности высказываться в пользу их соблюдения. В частности, известны многие случаи фактической расправы над учеными, которые осмеливаются заявить свое мнение, идущее вразрез с убеждениями адептов современной политкорректности (примером может служить истерическая реакция на социологические труды, посвященные анализу однополых семей, в которых, по мнению ряда ученых, дети сталкиваются с существенно большими психологическими проблемами, чем дети, рожденные в разнополых семьях).

Еще одной жертвой номиналистических подвижек в западном менталитете стала идея национальной идентичности и связанная с ней идея патриотизма. Это касается прежде всего объединенной Европы, где либеральная элита на протяжении многих лет топчет эту идею, рассматривая патриотизм как явление социальной деструкции, «убежище негодяев» и прочее. Достаточно вспомнить доклад члена Госсовета Франции Тьерри Тюо, заказанный экс-президентом Франсуа Олландом, в котором заявлялось, что величие Франции состоит в жертвенной самоликвидации страны, ее растворении в тигле мультикультурализма. Впрочем, нужно сказать, что протесты национально озабоченных граждан, рост популярности «евроскептиков» заставляют ультралибералов отступать от подобных крайностей (о чем свидетельствует, в частности, недавний призыв Эммануэля Макрона восстановить доктрину патриотизма, пусть и в паллиативной «инклюзивной» форме).

Оценивая идеологию ультралиберализма, я вспоминаю известную мысль Фридриха Энгельса, который утверждал, что Идея всегда посрамляла себя, когда отрывалась от практического Интереса. Я полагаю, что доктрина ультралиберализма, претендующая на господство

в современном западном менталитете, представляет собой редкий случай временной победы отвлеченных идеологических постулатов над реальными интересами людей, не осознающими ее разрушительные последствия. Ошибкой этой доктрины является ее избыточный исторический оптимизм – убеждение в том, что проблемы экономического дефицита, негарантированной безопасности и выживания остались в историческом прошлом, и сознание человека, свободное от диктата необходимости, может сконцентрироваться не на модусе сущего, а на произвольном конструировании представлений о должном. Я убежден в том, что любое ухудшение исторической конъюнктуры властно напомнит людям об объективных границах индивидуальной свободы. Эта идеология разрушится как карточный домик, однако успеет существенно навредить задачам практической адаптации человечества, вступающего в новую эпоху негарантированных исходов.

Кроме того, эта идеология является одним из важнейших обстоятельств, осложняющих цивилизационный диалог между Россией и Западом. Очевидно, что примат индивидуального над общественным противоречит российской ментальности, которая делает акцент на ценностях коллективизма, поощряя формы поведения, связанные с заботой о других, и осуждая гипертрофированный индивидуализм. Впрочем, это утверждение нуждается в некоторых оговорках.

Бесспорно, что россияне способны демонстрировать не типичный для европейцев способ солидаристского взаимодействия, доходящего до отношений альтруизма, готовности делиться «последней рубашкой», «умирать, но товарища выручать» и другое. Беда лишь в том, что чаще всего мы имеем коллективизм «узкого действия», который распространяется по преимуществу на микроколлективы, основанные на личных связях. Такой коллективизм, к сожалению, вполне сочетается с недопустимо низкой профессиональной, гражданской и другими формами солидарности, которые актуализируются, как правило, лишь в годы национальных потрясений. Поэтому я убежден, что присущая россиянам эмоциональная открытость и отзывчивость к близким должна быть дополнена рассудочной солидарностью, основанной не на эмпатии, а на целерациональной презумпции – помогая другому, я помогаю себе. Работая в этом направлении, мы должны развивать в России культуру национального и гражданского компромисса: способность договариваться с соотечественниками, а не противостоять им по схеме "умру, но не поступлюсь принципами».

Столь же неприемлема для российского менталитета ультралиберальное отношение к идее патриотизма. В современной России, конечно же, не хватает реального патриотизма, патриотизма дел, основанного на готовности пожертвовать чем-то ради соотечественников (эта идеология актуализируется, как правило, лишь в военное лихолетье). Однако в российском менталитете огромную роль играет психологический патриотизм или патриотизм чувств, который выступает для многих россиян как способ удовлетворения экзистенциальной потребности в признании, самоуважении и самоутверждении, которое осуществляется путем отождествления себя с большой и сильной социальной группой, которую уважают или, как минимум боятся другие.

Разрыв между патриотизмом дел и патриотизмом чувств, конечно, же должен быть преодолен, но не путем отказа от самой идеи патриотизма, которая представляет собой естественное проявление базовой потребности в принадлежности, вынуждающей человека искать комфортную среду общения, маркируемую местоимением «мы». Нет ничего плохого в том, что многие люди не ограничивают это «мы» семьей, компанией друзей или политических единомышленников и распространяют ее на свой народ, воспринимая его успехи и неудачи как события личной жизни. Важно лишь, чтобы идея патриотизма основывалась на любви к собственному народу, а не на ненависти к иностранцам и включала бы в себя способность трезвой оценки проблем, с которыми сталкивается любимая Родина.

Подводя итог сказанному, я полагаю, что **страна должна идти в направлении западноевропейского типа социальности**, главным преимуществом которого является устойчивая и в то же время динамичная система общественного производства, способная к существенной самокоррекции в условиях возникающих кризисов.

Прежде всего речь идет о модернизации материального производства, в важнейшей роли которого сомневаются некоторые сторонники национальной самобытности России. Нужно понимать, что роль эта не самоцельна, она служебна и состоит в том, что материальное производство создает не только продукты первой необходимости, но и предметные средства для любого из видов деятельности. Поэтому при отсутствии развитого материального производства у нас не будет не только хорошей еды и одежды, но и современных больниц, университетов, концертных залов и кинотеатров. Наконец, у нас не будет современного вооружения,

без которого существование страны в нашем не бесконфликтном мире попросту невозможно.

Столь же необходимым является постепенное усвоение нашей страной реальных, а не декларируемых норм представительной демократии, реального, а не декларируемого верховенства права, реальной, а не симулируемой гражданской активности и пр. Тот факт, что многие из этих принципов, возникших в западном мире, ставятся под сомнение идеологией и практикой современного ультралиберализма не должен нас останавливать.

Но означает ли это, что в нагрузку к технологической и организационной эффективности Запада мы обречены получить проблемные черты современного западного менталитета? Думаю, что опыт современного Китая, Японии, Кореи доказывает, что рецепция технологических, экономических и организационных структур западного типа не означает автоматического воспроизводства типа ментальности, который сложилась в исторически определенных условиях западноевропейской цивилизации. Конечно, структуры общественного сознания связаны со структурами общественного бытия, но не настолько, чтобы мы не могли позволить себе избирательное отношение к вестернизации – усвоение тех сторон западного образа жизни, которые способствуют усилению нашей страны и отказ от того, что препятствует нашему развитию, не соответствует ключевым кодам культурной идентичности России.

Глава восьмая. Ефремов О.В. Вынужденная покорность как специфика отечественной протестности

1. Рассуждая об особенностях распространения протестных, в том числе и радикальных идей, необходимо обратиться в первую очередь к реконструкции портрета носителя протестных настроений. Главным образом – к определению критериев принадлежности активистов к протестному движению. В этой связи мы бы хотели узнать Ваше мнение о ряде актуальных проблем исследования протестного активизма.

3.11. В первую очередь, давайте определимся с тем, что Вы могли бы назвать основным квалифицирующим признаком принадлежности человека к протестному движению: формальное членство, неформальная опосредованная поддержка инициатив тех или иных протестных организаций, «молчаливое» сочувствие критическим идеям или что-то другое? Всегда ли протестные настроения человека выливаются в протестную активность? Можно ли считать сторонником движения тех, кто поддерживает заявленные движением цели, но не разделяет методы достижения целей движения?

Полагаю, что следует различить протестность вообще (в западном контексте я бы назвал это оппозиционностью) и различные ее формы. Критерием различия форм вполне может быть проявления протестности, от простого недовольства до активного членства в протестных организациях. Соответственно, можно классифицировать и «протестантов» по степени вовлеченности человека в ту или иную форму протестности. Следует помнить и о том, что вероятно как «восходящее», так и «нисходящее» движение протестанта по формам протестности. Вчерашний радикализм может превратиться в обычное недовольство, а недовольство может перерасти в более интенсивные формы протеста. Однако радикальные (точнее, экстремистские) формы – удел очень немногих. Даже в квазиреволюционных ситуациях (например, защита Белого Дома в 1991 или в 1993) активно участие принимает ничтожно малый процент населения, да и среди них многие – просто любители драйва. Остальным достаточно телевизионного (теперь пассивно-сетевого) участия.

Вообще, создается впечатление, что история российской протестности нуждается в тщательном изучении и осмыслении применительно к задачам

сегодняшнего дня. Так, необходимо выявить инвариантные характеристики отечественной протестности и стадийные ее особенности. Чрезвычайно интересным представляется исследование межпоколенческих связей в истории отечественной протестности, а также сосуществование и переплетение различных форм протестности. Так, сейчас активизируется изучение взаимосвязи религиозной протестности (староверия) и революционного движения¹⁴⁸. Или соотношение интеллигентской протестности (народничества) и народной протестности, направленной не против царя, а против чиновников и помещиков. Именно поэтому, возможно, «ходоков в народ» хватили и сдавали полиции – их протест был чужд не менее протестно настроенному народу. Следует также осознать, что протестность, в принципе, может быть созидательным фактором. Что достаточно ярко проявляется, например, в западной оппозиционности. Отечественный же вариант протестности всегда был разрушительным. Превращение разрушительной протестности в созидательную или, другими словами, протестности в оппозиционность – одна из важнейших задач российской политической модернизации. Существенное значение имеет конфигурация политической системы, ее способность встроить в себя протестность (точнее, оппозиционность) как один из функциональных компонентов. Так, например, марксизм как это не парадоксально, в условиях западных демократических режимов сыграл созидательно-стабилизирующую роль в отношении тамошнего капитализма. В России он превратился в разрушительную силу относительно системы, в рамках которой возник, а в качестве идеологии правящего режима сам стал объектом протестности.

Но многое зависит и от социокультурных традиций, специфичных для разных групп. Даже при возникновении формально удачной конфигурации политической системы, негативные традиции протестности мешают ее встраиванию в данную систему. Подобная ситуация может сводить на нет все усилия архитекторов системы.

3.12. Насколько тесной является связь между гражданским, в том числе политическим активизмом, и распространением среди активистского кластера общества протестных и даже радикальных

¹⁴⁸ См., например: Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года.- М.: Концептуал, 2016.

идей, связанных с критикой актуальной социальной или политической повестки? Можно ли, на Ваш взгляд, говорить о принципиальном психологическом и социальном своеобразии сторонников протестных идей? Можно ли говорить о своеобразном типе «протестующей» личности, существующей в любом обществе, либо совокупность внешних факторов оказывает ключевое влияние на складывание протестных движений?

Постановка вопросов в данной анкете замыкает нас преимущественно в текущем состоянии протестности, связанным прежде всего с появлением интернет технологий. Разумеется, это важный ракурс. Он выводит нас также на сравнение современной российской протестности с протестными движениями в других странах. Здесь напрашивается сопоставление с «цветными революциями»¹⁴⁹, но не менее интересным может быть и включенность (невключенность) России в интернациональные протестные движения (например, экологические и антиглобалистские). Существенно, конечно, связать характер протестных движений с типом общества.

Но нам хотелось бы обратить внимание на иной план проблемы. А именно рассмотреть протестность как необходимый компонент отечественной социокультурной среды.

Протестность одна из характеристик российского менталитета. Рассматривать ее нужно в связи со свойственным отечественной культуре отношением к власти. Причем отношение это мало зависимо от исторических изменений, оно сохранялось с незначительными вариациями и в дореволюционный период, и в советскую эпоху, и продолжает существовать в постсоветской России. Возможно, это связано и с тем, что сущность и механизмы осуществления власти также менялись не столь значительно.

Суть отечественной протестности – в особом отношении к власти, совмещающем вынужденную (по крайней мере, по видимости) покорность и, одновременно, недоверие (неприязнь) к власти. Протестность направлена против власти, однако точнее ее считать не особенностью политической, а социокультурной, транслируемой из поколения в поколение и определяющую отношение не к какой-либо конкретной форме власти, а к власти как таковой. Протестность может различаться от

¹⁴⁹ Наше мнение по данному поводу: Ефремов О.А. «Цветной» сценарий в условиях «театральной демократии»: велики ли шансы на успех? // Экономика и право. XXI век. 2013. №1. С.20-31.

группы к группе, по степени интенсивности, по формам выражения, но всегда сохраняется в отечественной социокультурной среде.

Можно сказать, что российское общество существует в ситуации перманентной Гражданской войны, войны между властью и народом, последствия которой оказываются чрезвычайно печальными. Данный конфликт антагонистичен. Любая, даже добрая, инициатива власти воспринимается как зло для народа; любая активность народа властью воспринимается как угроза. Сотрудничество существенно затруднено, если не вообще исключается, попытки наладить диалог власти и общества напоминают враждующие стороны за столом переговоров в условиях временного перемирия.

Протестность основана на восприятии власти как чуждой народу (в самом широком смысле этого слова), паразитирующей за его счет и преследующей исключительно свои групповые властно-элитарные интересы. Покорность власти (раболепие перед ней) можно рассматривать как компонент протестности, ибо сознание необходимости подчиняться чуждой репрессивной силе служит оправданием ее неприятия. Подобное отношение задает матрицу отношения к любому властному действию, даже если оно антидеспотично по своей направленности или очевидно идет на пользу обществу – подобное воспринимается как особенно хитрая уловка, в результате которой народ все равно останется в дураках: «Из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин.1:46). С этим связано и отношение к праву – в нем видят только еще одну форму антинародного обмана: «Закон, что дышло». Вот почему наибольшие симпатии вызывает откровенно деспотическая власть - Иоанн Грозный, Петр I, Сталин – тут уж все без обмана, как власти и пристало.

В отечественном сознании формулировка «чиновник – слуга народа» звучит как сарказм или даже издевательство, а вот «чиновник – враг народа» - вполне естественно.

При этом присутствует твердая убежденность, что власть народу «должна». Любое робкое упоминание о том, что народ тоже может о себе позаботиться, а не полагаться исключительно на власть, вызывает возмущенный протест, усиливающий общую «протестность». Наиболее свежие примеры – реакции на слова екатеринбургской чиновницы Ольги Глацких и руководителя администрации Чувашии Юрия Васильева.

Подобная протестность как компонент отношения к власти существенно отличается как от свойственного некоторым восточным культурам покорного доверия к государству, так и от европейской

оппозиционности. С первым мы сталкиваемся, например, в корейской и китайской культуре. По мнению известного корееведа А.Н.Ланькова, это стало существенным фактором успеха так называемых «диктатур развития».¹⁵⁰ Европейская оппозиционность реализуется как форма взаимодействия с властью. В результате обе формы по-своему созидательны и функциональны. Отечественная протестность в лучшем случае бесполезна, в худшем – разрушительна, ибо выступает как способ тихого (или не очень) саботажа любых властных начинаний.

Бесполезность отечественной протестности выражена также в отсутствии у протестующих всякой позитивной программы. Постоянно воспроизводится ситуация Портоса, который «дерется, потому что дерется». В данном случае протест – перманентное состояние, вызванное отношением к власти вообще, а не какими-то конкретными ее действиями. Потому и неясно, во имя чего протестуют, а чего, собственно, хотят. Чистая оппозиция без всякой позиции. Цели формулируются весьма абстрактно. Например: против коррупции. Но коррупция – системная проблема, которую отдельными шагами и даже сменой конкретных лиц не одолеть. Обличители коррупции, инкорпорировавшись во властные институты, зачастую сами включаются в процесс. Или активно в нем участвовали, находясь во власти. Недаром один из лидеров «Болотных гуляний» был известен стране под кличкой «два процента».

Протестность может быть «фоновой» и активной. Фоновая преимущественно латентна и проявляется в подозрительном отношении к любой властной инициативе и желании держаться от власти подальше (минимально с ней контактировать). Такая форма распространена чрезвычайно широко и может быть свойственна даже самим представителям властных органов, особенно, низового звена. Активная выражается в конкретных действиях – посещении митингов, участии в оппозиционной организации, отдельных протестных акциях. В подобную форму, по крайней мере, сознательно, всегда (в том числе и сегодня) вовлечено относительно небольшое количество людей.

Разумеется, протестность имеет специфику выражения у разных социальных групп. В среде интеллигенции она тотальна. Человек, симпатизирующий власти или хотя бы не проявляющий к ней пусть не ярко, но определенно выраженной антипатии, не может называться

¹⁵⁰ См.: Ланьков А.Н. Взлет и падение «диктатуры развития» в Южной Корее // Отечественные записки. 2013. №6 (57) <http://www.strana-oz.ru/2013/6/vzlet-i-padenie-diktatury-razvitiya-v-yuzhnoy-koree>

настоящим русским интеллигентом. Причем, это вопрос не социально-политический, а моральный. Лояльно относиться к власти для интеллигента – аморально. Антивластная настроенность интеллигенции может влиять и на отношение к различным теориям и идеологическим конструкциями. Они вызывают одобрение или становятся объектами протестности в зависимости от позиции власти относительно данных теорий и конструкций.

Так, либерализм положительно (в различной степени) воспринимался интеллигенцией в условиях тоталитарной власти, но когда превратился в компонент государственной идеологии, был ассоциирован с властью, значительно потерял в привлекательности для интеллигенции. Равно как и национально-патриотические идеи – стоит им зазвучать из уст власти, сразу вспоминается, что «Патриотизм – последнее прибежище негодяя». Разумеется, антилиберальные и антинационалистические настроения отечественной интеллигенции имеют давние традиции и множество источников, так что роль указанного фактора нуждается в дополнительном анализе. Но определенная обратная зависимость смены идейных предпочтений основной массы интеллигенции в зависимости от идеологии власти несомненна.

Тотальность интеллигентской протестности проявляется и в том, что она не только включает в себя высшую властную персону, но и зачастую фокусирует протест именно на ней. Террористы стремились убить царя, сегодня в сетевых комментариях к любой новости во всем обвиняют лично Путина, даже если он к происшедшему никакого отношения не имеет.

Представляется, что степень протестности можно рассматривать как критерий демаркации классической русской интеллигенции от просто «людей умственного труда». У последних протестность латентна, можно сказать, рудиментарна – она вроде и есть, но существенной роли в их мировосприятии и общественной жизни не играет. Подобный тип выписан Н.Г.Гариным-Михайловским в образе инженеров-путейцев из его знаменитой тетралогии. Поскольку эти люди прежде всего заняты реальным делом, они понимают, что сотрудничество с властью необходимо, и что не на всех ее представителях «каинова печать», а есть среди них вполне приличные люди, делающие доброе и нужное дело.

Отношение к власти у народа несколько иное. Власть, конечно же, всегда содержит в себе некоторое антихристово начало, но надо различать царя-батюшку - помазанника Божиего, несущего власть как тяжелый крест, и подлецов-чиновников, думающих только о собственном благе – что-то

вроде татарских грабителей. Собственно, власть чиновничества ничем не отличается в глазах народа от татаро-монгольского ига, и представителя чиновничества не рассматривают как своего соплеменника или единоверца. В отличие, повторимся, от царя-батюшки. Протест направлен против чиновников, а царь рассматривается отчасти в качестве такой же их жертвы, как и народ. Разумеется, народный монархизм может переживать кризисы, а также трансформироваться в зависимости от исторических обстоятельств.

Одним из подобных был кризис, вызванный расстрелом демонстрации в январе 1905 года, аукнувшийся февралем 1917. В дальнейшем монархизм восстановился, но в очень своеобразной форме «культа личности» вождя. Репрессии, поскольку они были направлены против партийно-государственного аппарата, пользовались даже вполне определенной народной поддержкой, ибо жертвой их были чиновники, а «царь» Сталин только укреплял свой авторитет в глазах народа, не давая спуска «кровопийцам». 1937 год – ужасен только в изображении интеллигенции или бывших представителей партсоаппарата, а не в народном сознании. Недаром так популярны сегодня различные версии реанимации сталинизма. А среди них особенно – православно-монархические¹⁵¹. В рамках подобных версий сталинизм изображается как процесс создания «симфонической» православной монархии на социалистической основе, которому помешали представители мирового антирусского заговора (участниками которого часто считают чиновников). Современное выражение народного монархизма мы видим в «вере в Путина», являющейся одной из основ лояльности народа правящему политическому режиму. Чиновник для народа по-прежнему – вор, мздоимец и враг. Но Путина от чиновников отделяют. Знаменитые «прямые линии» с Путиным одновременно - и выражение традиционного народного монархизма, и его подкрепление. Ни одна из этих «линий» не обходилась без показательной порки отдельных чиновников и моментального решения частных проблем, вплоть до воплощения сказочных детских мечтаний. От Путина ждут репрессий, аналогичных сталинским. Вспомним весьма популярную песенку: «Дядя Вова, где посадки?» «Посадки», кстати, словечко из путинского лексикона.

¹⁵¹ См.: Ефремов О.А. Восстановление монархии в России: возвращение к традициям или бюрократическая революция? // Традиционализм в эпоху революций: культурная политика и цивилизационный выбор. М., 2017. С.276-298.

Особого рассмотрения заслуживает игровой аспект современной российской протестности. В ряде работ мы определяли режим, существующий сейчас в России как «театральную демократию»¹⁵². В условиях театральной демократии формируется не только официальная сцена, но и многочисленные балаганчики, которые допускаются и почти не контролируются, по крайней мере, до поры до времени. В рамках театральной демократии протестные движения наши тоже носят театрально-игровой характер, «выступая» либо на официальной сцене, либо в балаганчиках. Критерием различия системной и несистемной оппозицией как раз и может служить степень режиссируемости и включенности в официальный спектакль. Системная оппозиция включена в режиссируемую часть театральной демократии с четко определенной ролью. А вот несистемная формируется в балаганной среде, в условиях отсутствия ярко выраженной режиссуры. Ее терпят, пока не сочтут опасной. А опасной она становится тогда, когда всерьез начинает претендовать на «оккупацию» официальной сцены. Причем, на своих условиях.

3.13. Каким Вы видите себе ключевое отличие радикальных движений от иных форм активизма? Как Вам кажется, квалифицирующим признаком радикализма того или иного активистского объединения являются декларируемые цели или скорее практикуемые методы и способы достижения поставленных задач?

На наш взгляд, радикализм вообще не имеет отношение к методам, исключительно – к целям. Для обозначения насильственных методов применяется иной термин – «экстремизм». Экстремизм может быть понят как крайняя, переходящая границы легальности, форма активизма. А вот радикализм и активизм не связаны линейно. Можно быть «диванным» радикалом. Радикализм при подобном понимании – характеристика отношения к существующему строю – полное, безоговорочное его неприятие.

При этом, разумеется, радикализм (цель) вполне может быть связан с экстремизмом (методы). Таким образом, здесь вопрос различия и сочетания целей и средств. Радикализм – характеристика целей. Активизм (и его крайняя форма – экстремизм) – методов.

¹⁵² Ефремов О.А. Спорт и театр или еще раз о пути России к демократии // Экономика и право. XXI век. 2012. №4. С.25-29.

3.14. А что, на Ваш взгляд, способствует одобрению и принятию личностью радикальных идей? Каким чувством/ аффектом / эмоциями чаще всего движимы участники радикальных движений: страх, гнев, сострадание или что-то другое? Можно ли говорить о том, что предпосылкой присоединения активистов к радикальному движению чаще прочих оказывается их собственное, личное, переживание, травма, ощущение несправедливости или персональное поражения в правах? Или же сторонников радикальных объединений скорее мобилизует сострадание к другим «пораженным в правах» или жертвам?

Протестность – состояние, соединяющее в себе эмоциональные и интеллектуальные компоненты. Исходя из сказанного в ответе на вопрос 1.2., протестность – психологически комфортное состояние если не всего общества в целом, то, по крайней мере, многих составляющих его групп. Интеллектуальные цели могут быть даже вторичны – главное, общее состояние недовольства. Спросите конкретно – против чего протестуете. Ответ будет или очень абстрактным, или вообще неопределенным – «достало все».

Разумеется, в формировании протестности, и тем более в ее активизации, часто присутствует момент сугубо личной обиды. Но есть и более общие обстоятельства.

Существенным фактором, влияющим на интенсивность протестности, являются действия самой власти. Здесь важно понимать, что на сам факт существования фоновой протестности воздействовать нельзя – она неустранима, но и сама по себе не представляет никакой опасности для власти. Так что ее не только не надо трогать, но следует еще и оберегать. А вот покушение на нее может вызвать эффект, обратный ожидаемому, – привести к переходу фоновой протестности в активные формы.

Применительно к современному этапу это может выражаться в попытках ограничить интернет-активность протестантов. Да, разумеется, некоторые ее формы могут быть потенциально опасны для власти, но в основе своей возможность ругать власть в сети существенной угрозы не представляет. Более того удовлетворяет «протестный зуд» большинства субъектов протестности (см. вопрос 1.9). А вот введение ограничений и запретов разных видов может запустить процесс «мутации» безопасной фоновой протестности в разрушительную активную.

Ситуация напоминает родинки на коже – пусть растут, пока их не трогают – хоть и вредят эстетике, большинство из них опасности для

здоровья и тем более жизни не представляет. Но вот если их травмировать, тем более делать это регулярно, велика вероятность запуска процесса малигнизации – перерождения доброкачественного образования в злокачественное, способное убить организм за считанные месяцы. Таким травмированием уже выступили не очень разумное применение закона о защите чувств верующих или статьи о публичном оправдании терроризма. По второй был, в частности, осужден известный блогер Алексей Кунгуров. Не будем комментировать решение суда, хотя суть кунгуровской деятельности, на наш взгляд, куда лучше отражала некогда полученная им премия «Геморрой года», нежели содержание приговора. Стоило ли превращать «геморрой» в политзаключенного (признан таковым обществом «Мемориал»)?

Куда большие опасения вызывают недавно принятые законы об ответственности за оскорбление власти и распространение фейковых новостей. Они вполне способны запустить малигнизацию. Не лучше ли тогда поступить радикальнее и вообще «родинки» удалить? Но в этом случае мы получаем конец всякой «театральной демократии» и однозначный тоталитаризм.

Подобный сценарий крайне нежелателен, ибо будет означать срыв модернизационных процессов и возвращение к индустрополитаризму¹⁵³. Но, увы, такое не только возможно, но и характерно для отечественной модернизации. В ряде прежних работ мы рассматривали ее как пролегающую через создание и деструкцию «жестких структур» – особых достаточно устойчивых состояний общества, представляющих собой приостановку модернизационных процессов ради удовлетворения потребностей во внешней безопасности и внутренней стабильности, достигаемого за счет реставрации прежних политарных отношений¹⁵⁴. Протестность может выступать одним из факторов, провоцирующих создание жестких структур. Однако пока речь идет не о реальной протестности, а о ее восприятии властью. Тем не менее, мнимая угроза

¹⁵³ Теория политарного общества была разработана в рамках марксистской парадигмы известным отечественным ученым Ю.И.Семеновым. См., например: Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в XX веке // Российский этнограф. Вып.20. 1993.

¹⁵⁴ Подробнее см.: Ефремов О.А. Есть ли у революции альтернативы? Национальный модернизационный проект как альтернатива революции и полицейскому государству // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 8 (2017). Социальная эволюция и социальные революции. Посвящается 100-летию Русской революции / Под общей редакцией доктора политических наук, профессора Е.Н. Мошелкова; научный редактор доцент А.В. Никандров / МГУ имени М.В. Ломоносова. Философский факультет. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2017. С. 90-129.

может стать действительной, если превентивные меры окажутся слишком решительными.

Вообще, смущает тенденция «защиты оскорбленных». Ранее сочувствие «униженным и оскорбленным» было частью протестности, ее психологической основой. Теперь это взято на вооружение властью, формирующей список обиженных. Возникает аналогия с «парадоксом меньшинств» (позитивной дискриминацией), свойственным развитой западной демократии. Суть этого парадокса – предоставление особых преференций группам, добившихся признания собственной виктимизированности – ущемленности в прошлом (реальной или мнимой). В принципе, это механизм формирования новой элитарности. Только у нас виктимизируются группы, и так принадлежащие к элите (власти) или ассоциированные с ней. Они-де нуждаются в дополнительной защите. От общества. В их число зачислили и «верующих», а по сути – одну единственную религиозную организацию – РПЦ МП. И с этим связан еще один фактор интенсификации протестности.

Существенные опасения в плане повышения интенсивности протестности вызывает явно наметившийся крен в сторону насильственной клерикализации общества властью. Причем, клерикализация носит исключительно православный характер. Компонентами данной клерикализации можно считать статусные преференции Патриарха, по сути сопоставимые с преференциями высших чиновников, закон о защите чувств верующих, очень опасные тенденции в научно-образовательном и культурном пространстве. К последним относится курьезное превращение теологии в научную специальность, кафедры теологии и бюджетные места по данной специальности в светских вузах, всерьез обсуждаемый проект введения преподавания Закона Божиего на всех уровнях образования, с обязательной сертификацией преподавателей церковными организациями. Особенно преуспели на пути клерикализации государственные структуры, отвечающие за науку и образование. Вспоминается недавний инцидент с увольнением (не знаем точно – состоявшимся или нет) технического сотрудника сайта Минобразования, отитуловавшего главу ведомства Ольгу Васильеву «министром просвящения». Можно сказать, получилась «оговорка по Фрейду» (если, конечно, это была оговорка, а не одно из сознательных проявлений протестности). Стоит подчеркнуть, что при формальной декларации поликонфессиональности, фактически клерикализация сегодня - это процесс официозной православизации и государственной поддержки

влияния РПЦ МП. Последнее особенно важно, ибо клерикализация связана с усилением и трансформацией одной, отдельно-взятой религиозной организации, положение иных, даже православных, церквей (РПсЦ, например) меняется мало.

Несмотря на иезуитскую казуистику, в частности, повторяемого как мантра заклинания: «Светское не значит атеистическое», утверждений о том, что Россия, якобы православная страна и прочих, налицо противоречие Конституции РФ и ее законам, прежде всего закону об образовании. Государство в России – светское. Данное положение четко зафиксировано в 14 статье Конституции РФ: «1. Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.»

А статья 28 провозглашает свободу совести и вероисповедания. «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.»

Применительно к образованию принцип светскости зафиксирован в соответствующем законе, провозглашающем «светский характер образования в государственных, муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность» (п.6 ст. 3 «Закона об образовании»).

Действительно, «светское не значит атеистическое», светскость означает нейтральность по отношению к религии, не антирелигиозность, а внерелигиозность, и не «поликонфессиональность», а «внеконфессиональность». Принципиальные же отличия между богословским и научным познанием совершенно очевидны и становятся особенно очевидными сейчас, когда диссертанты православного теологического совета (других, к счастью, пока нет) в числе методологических предпосылок указывают «личный опыт веры», а условием богословской деятельности считают воцерковленность. Видимо, необходимым условием защиты на исламском совете ВАК (если таковой все-таки создадут) станет прохождения обрезания.

Неудивительно, что подобные «прогрессивные» нововведения вызывают резкий протест в научно-образовательной среде (например,

коллективные письма представителей научной и образовательной элиты), а поскольку осуществляются они властью, то повышают общий градус, уровень интенсивности общей протестности в весьма склонной к ней группе.

Не менее тревожные «звоночки» раздаются в сфере культуры и искусства. Своеобразная «реституция», когда РПЦ требует «возвращения» себе зданий, отнюдь не только храмов. Не закончена история с требованием передать РПЦ здание РГГУ на Никольской, в котором некогда была Синодальная типография (Синод – вообще-то государственный орган). При этом РПЦ требует только то, что коммерчески выгодно, даже если культовое значение подобной недвижимости весьма сомнительно, а храмовые сооружения, содержание которых заведомо убыточно, предпочитает оставлять государству. Всеми силами РПЦ добивается себе передачи надзорно-цензурных полномочий в области искусства, опираясь на тот же пресловутый закон о защите чувств верующих. Так, например, на этом основании РПЦ требует распространить «на театральные постановки, произведения изобразительного и киноискусства, выставки и музеи статью Уголовного кодекса РФ о действиях, выражающих явное неуважение к обществу и совершенное в целях оскорбления религиозных чувств.»¹⁵⁵ Истерика по поводу «Матильды» ясно показывает, к чему это может привести, если учесть, что подобные акты будет поддерживать Уголовный кодекс. Если власть снова поддержит подобные инициативы, протестность деятелей искусства, культуры и вообще всех людей, культурные потребности которых несколько превышают просмотр футбольных матчей и мыльных опер, сильно возрастет.

Вообще, власти дабы не множить протестность, пора определиться с политикой в области культуры и искусства. С одной стороны, вручаются премии (с участием государства) за нарисованный на разводном мосту мужской член, с другой – на произведения искусства, распространяемых в сети, даже классических, замазывают фрагменты обнаженной натуры. Даже «Давид» Микеланджело рискует стать «подцензурным». Видимо, стоит избегать крайностей. Применительно к «оскорблению чувств верующих» в том числе.

Недопустимо кощунственные перформансы в храме. Но подобные же пляски на дискотеке вполне возможны. В светском государстве атеизм

¹⁵⁵ <https://radonezh.ru/2019/03/25/igumeniya-kseniya-chernega-proizvedeniya-iskusstva-ne-dolzhen-byt-vyvedeny-iz-pod>

не должен быть поводом для уголовного преследования, даже если «тяжко оскорбляет» нежные чувства отдельных верующих. В конце концов, для эстетически развитых людей бесформенные балахоны и неумытые физиономии отдельных «подвижников веры» тоже могут быть оскорбительны. Не говоря уж о завывании религиозных гимнов в общественных местах. Нам пришлось наблюдать, как в кафе группа паломников решила «помолиться перед едой». Мнение прочих посетителей относительно их нестройного хора богомольцев не интересовало. В качестве контраста. Был у нас студент – очень умный и интеллигентный человек. Успел закончить духовную семинарию, академию, поучиться за границей и служивший в РПЦ. На одном сугубо светском мероприятии мы оказались рядом за столом. «Ну что, молиться будем?» - спросил я его. «А я уже помолился. Про себя» - ответил он с улыбкой. Надо бы поучить «на всю голову православных» вот так «молиться про себя» в публичных местах и не «оскорбляться» тем, что кто-то ходит на дискотеки или носит короткие юбки. Самим можно этого не делать, коли вера не позволяет.

Клерикализация все больше обретает черты формирования единой идеологии при превращении РПЦ в идеологически-надзорное ведомство. Подобная тенденция находит сторонников как во властных структурах, так и в самой РПЦ. Причем в религиозной среде развиваются течения вроде «православного сталинизма», по сути формирующие на псевдоправославной основе идеологию националистического тоталитаризма.

Очевидно, такого рода процессы не могут не вызывать тревоги. Они опасны как для власти, так и для церкви. С точки зрения трансформации власти они становятся компонентом конфигурирования тоталитарного политического режима. Для церкви означают потерю ею автономии и духовной свободы, включение в государственный аппарат на правах идеологически-надзорного ведомства. Причем, будет не мифическая «симфония» светской и духовной властей, а примитивное поглощение церкви государством. Последнее сделает ее, церковь, (помимо прочих бед) и уже делает, объектом протестных настроений большей части общества. И не только мирян, но и священнослужителей, различающих церковь как «департамент» и как «Тело Христово».

Хотелось бы привести слова протоиерея Георгия Эдельштейна, члена Хельсинской группы, штатного клирика РПЦ, настоятеля сельского храма: «Мы веруем не в департамент... Мы веруем во единую святую, соборную

и апостольскую Церковь...Я хотел найти какую-то нишу, куда я могу от этого государства и от его чиновников спрятаться. Но сегодня, к сожалению, я осознаю, что такой ниши нет. У нас не тоталитарное, но авторитарное государство, и наши иерархи – это его чиновники, независимо от того, о ком я говорю, – о епископах Москвы, Калуги, Костромы или других, которые руководят епархиями.»¹⁵⁶.

О.Георгий может считаться радикалом (кстати, его сын – спикер израильского кнессета). Но значительная часть вполне умеренного православного духовенства не с восторгом, а с тревогой наблюдает за государственной политикой клерикализации общества (возможно, уже есть основания о ней говорить), понимая, что это вызовет, с одной стороны, потерю церковью духовной свободы, с другой – сделает ее объектом неприязни, если не ненависти со стороны общества. Многие помнят последствия «прогибания» церкви перед государством в синодальный период, аукнувшегося в революционные годы.

В условиях перманентной Гражданской войны именно РПЦ могла бы сыграть роль своеобразного медиатора. Но тогда ей нужно оставаться независимой, а не ассоциироваться с властью, быть институтом гражданского общества, а не правительственным департаментом.

Мы прекрасно сознаем важность религии, значимость ее функций. Но народная мудрость гласит: «Невольник – не богомольник». Приобщение к религии должно быть исключительно добровольным – обратное неизбежно вызовет протест даже среди актуально или хотя бы потенциально верующих людей.

Наличие мучеников режима - очень важный маркер интенсивности протестных настроений. Необходимо понимать, что в силу перманентности неприязни к власти любой протестант может рассчитывать на сочувствие. Однако степени и формы сочувствия могут сильно различаться. Так вот по данному показателю нынешний режим достаточно крепок – не один из антипутинских протестантов, даже попав в тюрьму, мучеником в глазах широких масс не стал. За рубежом таковых жалеют куда больше, чем в самой России. Здесь, скорее, смесь презрения и насмешки – будь то «пуськи», будь то Навальный. Убиенный Немцов тоже не вызывает особых переживаний – ну здесь понятно, он слишком прочно ассоциирован с далеко не любимым ельцинским лихолетьем.

¹⁵⁶https://s-t-o-l.com/tserkov-i-obshchestvo/povtoryajte-chashhe-pravda-pokayanie-sobornost/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

А многие протестные персонажи иначе чем на роль комиков и сами не тянут – как, например, небезызвестный художник Павловский, готовый возложить на алтарь борьбы с «преступным режимом» не только дверь ФСБ, но и собственные гениталии.

Но тенденция и здесь достаточно неблагоприятна. Мученики появляются в рамках отдельных групп. Да, пока это «местнотимые», а не общенациональные герои. Но процесс идет.

3.15. Как Вы полагаете, содействует ли достижению целей, заявленных протестными объединениями, участие их активистов в тематических акциях, митингах, пикетах? Или такого рода активность способствует в большей степени внутренней консолидации активистского ядра вокруг заявленной проблемы?

Скорее, второе. Что касается участия «в тематических акциях, митингах, пикетах», то на общероссийском уровне это практически бессмысленно и к тому же еще и опасно. А на локальном уровне гораздо эффективнее интернет-активность. В реале активность вызывает опасение властей и пресекается, к тому же митинг в принципе – не созидательная акция, в виртуале протестная активность допускается и может возыметь действие. Правда, последние законодательные инициативы существенно затрудняют этот путь.

Показательная история в системе координат «реал-виртуал» произошла в райцентре Балаково¹⁵⁷. Некая дама, отчаявшись добиться порядка с вывозом мусора, привезла несколько мешков прямо к зданию администрации (протест в реале). Районная власть рассвирепела, и даму подвели под административную статью (расплата за протест в реале). Однако заседание комиссии (действительно достойное театральной сцены) стало предметом возмущенного обсуждения в сети (виртуал). Виртуальный протест доходит до депутата Госдумы, который вмешивается в конфликт на стороне дамы (виртуал перетекает в реал). В результате на районном портале начинается кампания за отставку чиновника, творившего расправу (виртуал и возможная реакция в реале). Таким образом, активный виртуальный протест гораздо действеннее реального и безопаснее для самого протестующего.

¹⁵⁷ https://balakovo24.ru/ne-po-muzhski-i-ne-po-oficerski-balakovskij-chinovnik-pavel-grechuxin-potreboval-maksimalno-zhestko-oshtrafovat-zhenshhinu-kotoraya-proyavila-grazhdanskuyu-aktivnost?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com
<https://balakovo24.ru/poyavilas-peticiya-s-trebovaniem-uvolit-zamestitelya-glavy-balakovskogo-rajona-pavla-grechuxina-za-ego-xamskoe-otnoshenie-k-zhitelyam>

3.16. Давайте поговорим о современном – информационном контексте – и развития гражданского активизма, и распространения протестных настроений. Как Вы полагаете, можно ли говорить о том, что широкая доступность интернет-коммуникации, социальных сетей и мессенджеров, привела к интенсивному распространению практик гражданской активности. Можно ли говорить о том, что интернет упростил солидарное гражданское взаимодействие и расширил активистскую базу? Считаете ли Вы справедливым тезис о том, что благодаря новым медиа значительно возросли возможности не только общения, но солидарного активизма, в том числе и протестного?

«Упростил» - ключевое слово. Выразить протестность можно теперь проще, эффективнее и безопаснее. А вот с солидарностью – сложнее. Следует помнить о различии солидарности виртуальной и реальной. Виртуальная солидарность далеко не всегда перетекает в реальную. Вместе с тем, она может стать первым шагом на пути формирования гражданского общества и в его рамках организованной протестности. Хорошо бы, если эта протестность формировалась как созидательная (оппозиционность). Так, районные сайты объединяют людей по поводу решения местных проблем, в дальнейшем проблемы могут расширяться. Местный уровень выступает школой гражданской активности, а конкретность проблем и реальная возможность их решения «приучают» не к выражению абстрактного недовольства, а к определенности мнения и действия.

3.17. Насколько значимым фактором распространения критических настроений сегодня, на Ваш взгляд, является интернет-коммуникация? Изменила ли интернет-коммуникация специфику гражданского активизма? Считаете ли Вы, что в современных информационных условиях принадлежность к движению определяется самими участниками, а не подчиняется правилам формального членства?

Да, это, безусловно, существенный фактор. Во-первых, облегчается коммуникация между протестантами. Во-вторых, протестантство вписывается в международный контекст. Получение информации извне разными способами стимулирует протестную активность. Так, существенным является ощущение, что «у них лучше, чем у нас». Появляется множество источников информации и вариантов оценки

событий. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и целенаправленное влияние международных организаций, действующих методом так называемой «мягкой силы». Именно это выступило одним из катализаторов «цветных революций». В-третьих, интернет-пространство позволяет включить протестность в самые разные среды. Например, протестностью пропитана игровая среда. Наиболее распространенные фразы среди он-лайн игроков в «стрелялки» и «рубилки», ритуально выкрикиваемые в пространство в процессе игры, - «Все – воры» и «Да здравствует Навальный!». Причем, повторение данных фраз как мантр выступает признаком хорошего вкуса в сообществе. Попытка возразить или проанализировать сказанное воспринимается в штыки.

Возрастание влияния самореферентных групп – одна из тенденций в развитии социальной структуры современного общества. Можно считать это проявлением «освобождения» человека от «репрессивной и дискриминирующей» принудительности включения в какой-либо социальный институт или отнесения к определенной нормативной системе. В интернет-среде подобная тенденция особенно ярко выражена, ибо для нее там идеальные условия – среда конфигурируется по желанию участников. Соответственно, любая протестная группа в сети – открыта и допускает самые разные формы участия по выбору «протестанта». Нельзя исключать, правда, что протестность превращается в вариант он-лайн игры, параллельно с которой можно участвовать и в других играх, даже противоположной направленности. Например, участие в «Крым – наш!» может сопровождаться поддержкой «болотных гуляний».

3.18. Считаете ли Вы, что интернет-содействие или интернет-поддержка целям радикальных движений может приравняться к фактическому участию в активности движения? Считаете ли Вы, что интернет является средством коммуникации, действующим как аналог «вирусного распространения» целей движения?

Приравнивать все-таки не стоит – это разные формы протестности. Можно рассматривать их как стадии. Впрочем, иногда сетевая протестность вполне самодостаточна. Да, она может распространять и пропагандировать цели движения. Но сетевая протестность может и формировать эти цели сама в себе. Возьмем недавнюю историю с увольнением учителя за фото в купальнике. Сначала просто возмущение, потом масштабный флешмоб в поддержку конкретного человека, международная поддержка, а теперь это превращается в кампанию

по борьбе за права учителей. Превратится или нет – трудно сказать, но промежуточный эффект уже достигнут – даме официально предложили вернуться на работу. Кстати, педагогиням так понравилось оголяться, что сама «виновница торжества» попросила остановить акцию, заявляя, что «дети же на нас смотрят». Не исключаем, правда, что ее попросили об этом работодатели на новом, предоставленном ей, более престижном месте работы.

3.19. Как Вы полагаете, расширяющаяся включенность многих носителей «активистского габитуса», в том числе и протестного, в информационную повестку тематического объединения или регулярное взаимодействие с другими его сторонниками в формате, например, активного обсуждения актуальных проблем в «тематических группах», способствует скорее реальной консолидации активистов, служит залогом их дальнейшей предметной деятельности, к встречам в офф-лайн-пространстве и дальнейшей координации деятельности в реальном пространстве? Или интернет-общение напротив, наоборот, приводит скорее к «выпуску пара» в он-лайн пространстве?

Видимо, эффект может быть двояким. Для выражения обычной «фоновой» протестности вполне достаточно интернет-пространства.

Соответственно для основной массы хронически недовольных это становится удовлетворительной, а то и избыточной формой выражения своих протестных настроений (большинству достаточно чтения соответствующей информации с «лайками» и периодическими комментариями). Для наиболее активной части протестантов интернет становится мобилизационным средством и организационным механизмом протеста, перетекающего из виртуального пространства в реальное. Но таких - незначительное меньшинство.

Кроме того, стоит учитывать еще один фактор: сама по себе интернет-активность может иметь вполне материальные следствия (выше мы видели это в ситуации «учителя в купальнике»). Зачастую, например, формой протестности выступает отражение в сети противоправных действий чиновников и должностных лиц. Подобная информация во многих случаях влечет за собой показательную реакцию со стороны официальных органов, в частности, громкие отставки. Причем, речь не всегда идет о прямой противоправности, чаще о попытке «на чем-нибудь поймать» ненавистных представителей власти. Именно так видится

ситуация с упомянутой выше отставкой Глацких или Васильева – никаких проступков они не совершили, просто неосторожно высказались публично. Да и то, фразы вырывались из контекста. Вряд ли данные опрометчивые высказывания сами по себе характеризуют качество профессиональной деятельности подвергаемых травле чиновников. Тем более, что информация, дающая повод для действительно серьезной проверки и чреватая крупными проблемами для властной элиты, как бы «не замечается». Речь идет о реальных коррупционных фактах. Иногда допускаемая или даже поощряемая сетевая протестная активность (видимо, не воспринимая поначалу в качестве опасной) потом блокируется. Так, например, было с кампанией по выявлению плагиата в диссертациях важных особ. Когда «фигурантами» стали представители политической элиты и даже руководители системы образования, данный проект был по сути заморожен, а если и продолжает работать, то относительно второстепенных персон.

Глава девятая. Ивахненко Е.Н. Протестные движения в офлайн- и онлайн-измерениях

Ответы на вопросы анкеты

1. *Рассуждая об особенностях распространения протестных, в том числе и радикальных идей, необходимо обратиться в первую очередь к реконструкции портрета носителя протестных настроений. Главным образом – к определению критериев принадлежности активистов к протестному движению. В этой связи мы бы хотели узнать Ваше мнение о ряде актуальных проблем исследования протестного активизма.*

1.1. В первую очередь, давайте определимся с тем, что Вы могли бы назвать основным квалифицирующим признаком принадлежности человека к протестному движению: формальное членство, неформальная опосредованная поддержка инициатив тех или иных протестных организаций, «молчаливое» сочувствие критическим идеям или что-то другое? Всегда ли протестные настроения человека выливаются в протестную активность? Можно ли считать сторонником движения тех, кто поддерживает заявленные движением цели, но не разделяет методы достижения целей движения?

– неформальная опосредованная поддержка инициатив, участие в тех или иных протестных организациях, сгенерированных в сетевые «группы поддержки»

1.2. Насколько тесной является связь между гражданским, в том числе политическим активизмом, и распространением среди активистского кластера общества протестных и даже радикальных идей, связанных с критикой актуальной социальной или политической повестки? Можно ли, на Ваш взгляд, говорить о принципиальном психологическом и социальном своеобразии сторонников протестных идей? Можно ли говорить о своеобразном типе «протестующей» личности, существующей в любом обществе, либо совокупность внешних факторов оказывает ключевое влияние на складывание протестных движений?

– «когнитивный» политический активизм в большей степени связан с критикой актуальной социальной или политической повестки; протестный активизм «реактивный» – опосредован в основном «стилем жизни» людей, характерами и психологическими особенностями, коммуникативными факторами образования сообществ и т.д. «Реактивный» тип протестности на данном этапе является наиболее многочисленным и не способным осуществлять менеджерскую задачу по отношению как к самому себе, так и к проблемам, по поводу которых протесты манифестируются.

1.3. Каким Вы видите себе ключевое отличие радикальных движений от иных форм активизма? Как Вам кажется, квалифицирующим признаком радикализма того или иного активистского объединения являются декларируемые цели или скорее практикуемые методы и способы достижения поставленных задач?

– Радикализм протестного движения, выбирается в качестве стратегии, когда другие способы быть услышанными нивелируются властью, либо превращаются (ею же) в повод для общественной иронии или насмешки.

1.4. А что, на Ваш взгляд, способствует одобрению и принятию личностью радикальных идей? Каким чувством/ аффектом / эмоциями чаще всего движимы участники радикальных движений: страх, гнев, сострадание или что-то другое? Можно ли говорить о том, что предпосылкой присоединения активистов к радикальному движению чаще прочих оказывается их собственное, личное, переживание, травма, ощущение несправедливости или персональное поражение в правах? Или же сторонников радикальных объединений скорее мобилизует сострадание к другим «пораженным в правах» или жертвам?

– Названные факторы могут служить объяснению как протестности, так и конформизма. В данном вопросе необходимо выстроить движение анализа не от психологии (весьма размытая сущность) к системному обобщению, а, наоборот, от системно-коммуникативных факторов (поддающихся исчислению) к демонстрации типического в психологическом сопровождении

участников протестных движений. Эти системы в рамках общественной протестности – психическая и коммуникативная – хоть и коэволюционируют, тем не менее не являются чем-то единым и неразличимым. Последнее, на мой взгляд, принципиально важно в понимании социальной протестности как таковой.

1.5. Как Вы полагаете, содействует ли достижению целей, заявленных протестными объединениями, участие их активистов в тематических акциях, , пикетах? Или такого рода активность способствует в большей степени внутренней консолидации активистского ядра вокруг заявленной проблемы?

– Ответы на подобные вопросы дают многочисленные социологические исследования. Мнение на этот счет мало что добавляет к ним. Эти ответы чаще всего выстраиваются на эмпирических обобщениях, потому их прогностическая ценность и научная релевантность весьма ограничены. В виду этого же они не заслуживают доверия в сколько-нибудь продолжительной перспективе.

1.6. Давайте поговорим о современном – информационном контексте – и развития гражданского активизма, и распространения протестных настроений. Как Вы полагаете, можно ли говорить о том, что широкая доступность интернет-коммуникации, социальных сетей и мессенджеров, привела к интенсивному распространению практик гражданской активности. Можно ли говорить о том, что интернет упростил солидарное гражданское взаимодействие и расширил активистскую базу? Считаете ли Вы справедливым тезис о том, что благодаря новым медиа значительно возросли возможности не только общения, но солидарного активизма, в том числе и протестного?

– Несомненно, интернет-коммуникация расширила репертуар практик гражданской активности, усложнила их операциональность. усилила их действенность и мобильность. Изменилась и концептуальная модель солидарности. Таковая переместилась в виртуальные сообщества – предельно ангажированные, как правило, элиминирующие ответственность, не обладающие единым

организационным ядром, дрейфующим за счет аутопойезиса протестных настроений.

1.7. Насколько значимым фактором распространения критических настроений сегодня, на Ваш взгляд, является интернет-коммуникация? Изменила ли интернет-коммуникация специфику гражданского активизма? Считаете ли Вы, что в современных информационных условиях принадлежность к движению определяется самими участниками, а не подчиняется правилам формального членства?

– Фактор интернет-коммуникации с очевидностью становится доминирующим и с той же очевидностью остается малоизученным и даже малопонятным для тех, кто официально призван «работать с протестным электоратом»

1.8. Считаете ли Вы, что интернет-содействие или интернет-поддержка целям радикальных движений может приравняться к фактическому участию в активности движения? Считаете ли Вы, что интернет является средством коммуникации, действующим как аналог «вирусного распространения» целей движения?

– На первый вопрос – нет, не считаю. Это примерно так, как считать преступником актера, играющего на сцене злодея, которому начинает симпатизировать публика. На второй вопрос – нет не считаю. У вируса иная задача – встроить свой фрагмент ДНК в ДНК клетки. Здесь же мы имеем дело с системно-коммуникативным взаимодействием с системой власти и другими обособившимися общественными структурами. Протестное движение не может рассчитывать на перенос собственных целей во властный «организм». Даже если представить, что что-то подобное произойдет, то конкретное протестное движение от этого только проиграет, если не разрушится вовсе.

1.9. Как Вы полагаете, расширяющаяся включенность многих носителей «активистского габитуса», в том числе и протестного, в информационную повестку тематического объединения или регулярное взаимодействие с другими его сторонниками в формате, например, активного обсуждения актуальных проблем в «тематических

группах», способствует скорее реальной консолидации активистов, служит залогом их дальнейшей предметной деятельности, к встречам в офф-лайн-пространстве и дальнейшей координации деятельности в реальном пространстве? Или интернет-общение напротив, наоборот, приводит скорее к «выпуску пара» в он-лайн пространстве?

– Координация «активистского габитуса» в офф-лайн-пространстве интернет-коммуникации носит фрагментарный и временный характер, как правило, не доводится до организационного или менеджерского обслуживания координируемой цели. «Выпуск пара» – носит повсеместный и все-временной характер. Это – направленная канализация протестного потенциала, в одном случае – центростремительная, в другом – центробежная. Протестность по мере усложнения общества будет только нарастать, так, что медиум интернет-коммуникации можно также считать, как катализатором необратимого роста протестности, так и его ингибитором: в умелых руках (тех или иных) он становится подарком, который техническая цивилизация преподнесла сама себе.

Теперь позвольте представить развернутые соображения на заданную тему, которые выходят за пределы вопросов, предложенных экспертам.

Социологический репертуар протестного движения разнообразен. Вследствие этого различаются методы, подходы, способы анализа, а вместе с ними оценки, выводы и рекомендации, которые выносятся на суд общественного мнения, СМИ, экспертных сообществ и власти. По сути, *кто* формулирует запрос на исследование протестности и *что* предположительно рассматривается в качестве его результата в каждом конкретном случае может переопределять суть проблемы: от понимания самой протестности до выбора методологии и набора исследовательских практик. Словом, нет исследования протестной активности населения вообще.

В этом ряду вариаций следует выделить наиболее общие направления исследования. Это: *эмпирическая и теоретическая социология*, куда входит концепция «коллективного поведения» с многочисленными ответвлениями, включая изучение *психологии протеста* как ответа на ту или иную разновидность депривации; исследование *социальных условий* и предпосылок протестных настроений,

таких, как, например, доверие к власти, недовольство условиями жизни, классово-сословное неравенство и др. В этом случае протестные движения становятся предметом социологии со стороны ее социально-классового, политологического или конфликтологического анализа. Сам же протест рассматривается как форма политического и электорального поведения, вовлеченности групп населения в борьбу за влияние на политические решения в государстве. За каждым из обозначенных направлений стоит внушительный список имен исследователей, зарубежных и отечественных, чьими трудами социология протеста стала одной из самых затребованных областей современной науки и политики. Разумеется, данным перечнем вовсе не исчерпываются направления исследования протестных движений. Тем не менее большинство из них в наше время уже не занимает места во фронтире социологии протеста. Причина тому, появление новых медиа – интернет-сетей (социальных сетей интернет-пространства), которые по своей непредсказуемости, скорости пространственно-временной «сборки» больших масс людей превосходят все когда-либо известные медиа-коммуникации. Данное обстоятельство не только изменило параметры и формы организации протестности, но и переопределило содержание эмпирического и теоретического их исследования.

Различиями между онлайн- и офлайн-коммуникациями в данном случае маркируются различия между двумя типами сетей: сетями интернет-коммуникаций (онлайн) и широким спектром сетевых взаимодействий, существовавших задолго до рождения интернета (офлайн). Офлайн существует параллельно и исследуется наряду с сетями всемирной паутины. Оба типа создают сложное коммуникативное взаимодействие, но в данном случае нас интересует в первую очередь их различие. Об этом и пойдет речь.

В первом шаге рефлексии дело представляется так, что интернет, став частью повседневной жизни, обычным и вездесущим явлением, органично вошел в социально-психологическую жизнь общества. И мы, как будто, имеем дело с продолжением тех же процессов в обществе, только теперь развернутых в интернет-сообществах. Согласно такому видению, если что-то изменилось, то разве что динамика организации тех же протестных движений, способы их консолидации, тогда как фундаментальные основания не претерпели сколько-нибудь существенных изменений. Принимая данную установку легко сделать вывод, что между онлайн и офлайн-сетями если и есть различие, то это область сбора

данных, которая может в онлайн-сетях быть чрезвычайно массивной¹⁵⁸. Нам представляется, что такая позиция должна быть пересмотрена, так как качественный переход объекта в другое измерение сложности требует адекватных его природе подходов и практик исследования.

Представьте, что Вы лет 10-15 назад впервые оказались свидетелем странного события, когда по улицам Берлина шествуют несколько тысяч молодых людей с оторванным левым рукавом или, когда на несколько минут сотни юношей и девушек на Манежной площади в Москве замерли в одновременном поцелуе. Перед вами событие флешмоба¹⁵⁹, пик популярности которого приходится на первое десятилетие нашего века. Событие «flashmob-илизации» еще не носит протестного смысла, но оно демонстрирует небывалые до того коммуникативные возможности новых медиа. Это событийная сборка «по случаю» – всецело сетевое детище. На первом этапе идеология флешмоба придерживается принципа «флешмоб вне религии, вне политики, вне экономики», то есть флешмоб не может быть использован в чьих-либо целях. Однако родственная ему акция смартомба (англ. *smartmob* – умная толпа) уже не столь абсурдистское мероприятие. С начала двухтысячных его используют антиглобалисты, которые, пожалуй, раньше других общественных движений разобрались в возможностях быстро прогрессирующих коммуникативных технологий. Не трудно заметить, что такого рода вторжение социальной самодеятельности игнорирует всякую преувеличенную серьезность и исключительную важность «больших» социальных тем – политики, требуемого социального поведения, почитания власти и т. д.¹⁶⁰.

Место зарождения флешмоба – социальная сеть, узлами которой являются мобберы, которые разрабатывают, предлагают и обсуждают сценарии планируемых акций. Других каких-то организационных действий для сопровождения мероприятия на городской улице не требуется. Запущенный механизм сетевого автопоэзиса участников акции уже сам

¹⁵⁸Хоган, Берни. Анализ социальных сетей в интернете. URL: <https://postnauka.ru/longreads/20259>

¹⁵⁹Флешмоб (англ. *flashmob* — *flash* — вспышка; миг, мгновение; *mob* — толпа, переводится как «вспышка толпы» или как «мгновенная толпа») — это заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей (мобберы) внезапно появляется в общественном месте, в течение нескольких минут они выполняют заранее оговорённые действия абсурдного содержания (сценарий) и затем одновременно быстро расходятся в разные стороны, как ни в чём не бывало.

¹⁶⁰Лавренчук Е.А. Аутопойезис социальных сетей интернет-коммуникаций // Вестник РГТУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 12, 2009. С. 57.

доводит ее до завершения. Маховик автопоэзиса¹⁶¹ флешмоба за короткое время раскрутился как в сторону пролиферации «мобов» (социо-моб, неспектакльный моб, i-моб, арт-моб, экстрим-моб, l-моб, фан-моб, date-моб, моб-хаус, моб-игра, фаршинг и др.), так и в сторону развития социальных сетей в целом, где нашли свое место и протестные движения. «Летучая социальность», не поддающаяся контролю со стороны власти, оказалась затребованной сплоченными онлайн-коммуникацией сообществами и за короткое время была рекрутирована протестными движениями различного толка.

Но, возможно, на самом деле все обстоит иначе, и смысл происходящего в обратном. Не случилось ли так, что разрастающийся ресурс сетевой коммуникации шаг за шагом начал привлекать в себя («ассимилировать») общественный протест, тем самым технологически задавать скорость формирования и направление эволюции интересов его участников вместе с их целеполагающими установками? Почему бы не допустить, что анонимный техно-социальный объект – социальная сеть интернет-коммуникации, – преодолев определенный порог сложности, обрела свойства автопоэзного объекта, где встроенный в него субъект-актор-наблюдатель (юзер, моббер, блоггер, брокер, трейдер и т.п.) уже не располагает в полной мере управляющим уровнем, или таковой отсутствует вовсе. Если все обстоит так, то мы имеем дело с «объект-центричной социальностью» – понятием, выработанным в постсоциальных исследованиях, когда стало возможным вести речь о технологическом преодолении прежде непоколебимой нормативной привилегии субъекта, «субъект-центричной социальности»¹⁶². В этом, с нашей точки зрения, позволительно усматривать различие онтологического порядка между типами кооперации человеческой активности до и после создания интернет-сетей.

Поскольку речь зашла об управляющем уровне то, очевидно, следует применять это понятие к сетям (системам, объектам) онлайн-коммуникации уже не в том значении, которое подразумевалось творцами первой кибернетики. Объект такого рода уже исключает возможность какой-либо стороны (субъекта, анонимной сети) заполучить *единый* уровень управления им. Есть основания утверждать,

¹⁶¹ Автопойезис (от греч. *αυτος* – сам, *ποιησις* – создаю, произвожу, творю) буквально означает само-строительство, само-производство или воссоздание себя через себя самого.

¹⁶² Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей / Под ред. В. Вахштайна. М.: «Территория будущего», 2006. С. 267–306.

что привилегированная позиция управления интернет-сетью не исчезает вовсе, но перемещается по трудно предсказуемым «броуновским» траекториям. Этот своеобразный режим дрейфа или произвольного переноса влияния на сеть со стороны различных ее центров (узлов), который существенно понижает предсказуемость поведения объекта.

Аналогию с чем-то подобным можно обнаружить в современной динамической (неклассической) теории информации, описывающей поведение точечного объекта в эргодических системах, перемещение которого во времени неустойчиво как в прямом, так и в обратном направлении¹⁶³. Следует также заметить, что интернет-сети не являются каким-то особым исключительным случаем, продуцирующим непредсказуемое усложнение и рост неопределенностей. Нечто подобное усматривается в эволюционном развитии мировых финансов или тем, что представляет сегодня из себя снаряженная компьютерной сетью фондовая биржа. К примеру, К. Кнорр-Цетина в своей совместной с У. Брюггером статье анализирует поведение фондового рынка, как одного из узлов сети мировой торговли валютой. Авторы обращают внимание на то, что вовлеченные в его работу трейдеры никогда не могут «прочитать» рынок полностью. Объекты такого класса принципиально не могут быть просчитаны и прочитаны до конца. Они безостановочно регенерируют, разворачивают свою структуру, «взрываются», «мутируют», надстраивая один за другим «этажи» своей сложности. «С теоретической точки зрения определяющей характеристикой данного типа объекта, — сообщается в статье, — является именно эта недостаточность «объективности» и завершенности существования, нетождественность самому себе»¹⁶⁴. Х.-И. Райнбергер, изучавший влияние экспертизы в обществах знания, назвал подобные объекты «эпистемическими»¹⁶⁵. Этот термин позволил ему провести важное различие эпистемических объектов с объектами/вещами технологическими. Статус технологических объектов (инструментов и товаров), по Райнбергеру, определяется наличием в них фиксированных, стабильных свойств, готовых служить пользователям, будучи отданными в их распоряжение. Другое дело эпистемический объект — это объект, символизирующий неустранимость возмущающего

¹⁶³Чернавский Д.С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации. М.: Наука, 2001. С. 48.

¹⁶⁴Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Социология вещей. С. 307–341.

¹⁶⁵Rheinberger H.-J. Experiment, Difference, and Writing: I. Tracing Protein Synthesis // Studies in the History and Philosophy of Science. 1992. Vol. 23. № 2. P. 305–331.

когнитивного (эпистемического) воздействия на него. Он беспрестанно эволюционирует и, подобно механизму эволюции, не содержит в себе «внутренней записи» или алгоритма, в соответствии с которым можно было бы точно предопределить ее будущие воплощения¹⁶⁶.

Иначе говоря, объекты данного класса эволюционируют в режиме симбиотического автопоэзиса, подпитываемого многосторонним воздействием, где ни одна воздействующая на него сторона не может гарантированно занять позицию привилегированного регулятора и распорядителя. Сама по себе активность пользователей и блогеров являются необходимым условием разрастания коммуникативных возможностей сети, наравне с технологическими усовершенствованиями ее электронной оснастки. Поэтому, подводя промежуточный итог, необходимо подчеркнуть, во-первых, что интернет-коммуникация уже по своей природе несет в себе свойство мультипликатора непредсказуемости, как для организаторов и участников ее сборки, так и для тех, кто стремится извне занять позицию исследователя или наблюдателя сети. Во-вторых, интернет-сети представляют собой объект, который на каждом этапе своего развития переопределяет пределы собственной регуляции и управления. И хотя рекрутинг, маркетинг, троллинг и другие менеджерские приемы и инструменты позволяют решать локальные задачи, системные ограничения все же не позволяют подчинить сеть интересам и целям какой-либо одной из сторон – будь то воздействия со стороны власти или со стороны участников протестного движения.

Иначе говоря, воздействие на сеть интернет-коммуникации возможно и даже необходимо, так как сеть подпитывает себя разносторонним информационным воздействием на нее. Однако на попытки привилегированного управления ею сеть накладывает известные ограничения. Понятно, что научно-исследовательские практики протестных движений призваны облегчить доступ к их регуляции и повысить возможности управления ими. Картина достижения таких целей была бы проще, если бы речь шла об объекте, как инструменте, используемом какой-то одной стороной при отсутствии воздействия на него других сторон. Применительно к сетям, так не бывает. Социальные сети интернет-коммуникации, как было замечено, не являются

¹⁶⁶ См. подробнее: *Ивахненко Е.Н.* Аутопойезис «эпистемических вещей» как новый горизонт построения социальной теории // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2015. № 5. С. 80–92.

инструментальным объектом, а – несут в себе свойства объекта эпистемического. Прогрессирующие знания и технологии перманентно переопределяют сети, динамично меняют конфигурацию, подкрепляя тем самым их эволюционный дрейф.

Обнаружение и исследование объектов с «эпистемическими» признаками повлекло за собой образование водораздела между двумя направлениями социологического анализа протестности – классического офлайна с его традиционными СМИ и постклассического, «постсоциального» онлайн¹⁶⁷, сориентированного на технологический переход к интернет-коммуникации. При исследовании онлайн-коммуникации стала проявляться перспектива перехода от классического субъект-объектного подхода к неклассическим моделям, в которых познающий субъект (исследователь) утрачивает возможность занять привилегированную позицию по отношению к объектам с представленными выше свойствами. В этой связи уместно предположить, что классические социологические подходы к исследованию темы регуляции и управления протестных движений «до-интернетовской» эпохи, в условиях экспоненциального роста интернет-технологий будут перемещаться на периферию исследовательского интереса. В свою очередь сетевые и системно-коммуникативные теории постепенно переместятся в центр исследовательских практик данного направления¹⁶⁸. Так и происходит на самом деле.

В связи со сказанным, уместно выделить два перспективных направления исследования рассматриваемой проблемы, это: 1) социологические, главным образом, эмпирические, исследования в выявлении механизмов сетевой интернет-коммуникации в организации протестных движений; 2) рассмотрение перспектив протестных движений в оптиках акторно-сетевой (Б. Латур) и системно-коммуникативной (Н. Луман) теорий. В оптиках данных направлений психологическая предзаданность «протестующей личности» в ее отношении к характеру социального протеста встраивается в онлайн и в офлайн-сети различным образом.

Наиболее выражено психологический фактор консолидации протеста проявляется в офлайн-коммуникациях. Представления о коммуникативных

¹⁶⁷ Термин «постсоциальный» используется исследователями (К. Кнорр-Цетина, Дж. Ло, У. Пиц и др.) служит обозначением для расширяющегося спектра культурных форм, выходящих за пределы традиционных определений социального порядка.

¹⁶⁸ См. *Ивахненко Е.Н.* Социология встречается со сложностью // Вестник РГГУ. Серия «Философские науки. Религиоведение». № 11, 2013. С. 90-101.

системах и сетевых взаимодействиях были сформированы задолго до возникновения интернета. Им сопутствовали эмпирические исследования в области социальной психологии и антропологии. Так, последовательный приверженец гештальт-психологии Ф. Хайдер отстаивал идею, согласно которой, чтобы понять социальное поведение личности, надо разобраться в ее «житейской психологии». Психологические установки личности формируются в обыденной жизни, благодаря взаимодействию с окружающим миром и другими людьми. В его концептуальном подходе отчетливо просматривается тема перцептивных медиа, то есть стабильные установки психологического восприятия образуют типы межличностных связей и отношений¹⁶⁹. Следуя данному подходу аттитюд личности ставится во главу угла в вопросе о приоритетах выбора ею того или иного сообщества. На этом фоне нельзя сказать, что психологический фактор полностью утратил свое значение в условиях победного шествия интернет-технологий. «Как показывают многочисленные исследования, – пишет Б. Хоган, – большинство близких онлайн-связей человека – это также офлайн-связи»¹⁷⁰. Тем не менее, стало очевидным, что в новых условиях изменилось иерархическое место психологического фактора. Так, сильные связи (ближний круг друзей, родственников, коллег по работе и т.д.), где влияние психологической совместимости традиционно велико, в персонализированных онлайн-сетях перестает играть решающую роль. Онлайн-сообщества в ходе сетевого роста агрегируют преимущественно связи, которые в офлайн обозначались как «слабые связи», где влияние сходства психотипов не столь значимо. Интернет-сообщества объединяют как знакомых, так и лично не знакомых людей – «дальних тайных собеседников», непосредственное сближение с которыми, вполне вероятно, могло бы привести к разрыву прежде устойчивой виртуальной онлайн-коммуникации. Сообщества создаются вокруг определенной тематики или цели в значимых для пользователей областях жизни: работа, учеба, хобби, секс... и, конечно же, отношение к властям, готовность/неготовность выразить свой протест в публичной акции – на митинге, демонстрации, шествии или пикетировании. В этих условиях утрачивает свое значение критически важное для офлайн-коммуникации «пространство встречи». В интернет-пространстве оно девальвируется как смысловая константа сетевой коммуникативной практики. «Слабые связи» обладают сплачивающей силой и в офлайн-сетях,

¹⁶⁹ Heider, F. The Psychology of Interpersonal Relations. New York: John Wiley & Sons. 1958.

¹⁷⁰ Хоган, Берни. Анализ социальных сетей в интернете...

но, прежде всего, со стороны решения каких-либо жизненных задач, взаимопомощи или выстраивания доверительных отношений и т.д., позволяющих усилить потенциал достижений отдельной личности в определенной области ее деятельности¹⁷¹.

В онлайн-сетях девальвации подвержены и такие значимые для офлайн-коммуникации понятия как друг, приятель, собеседник, партнер, борец за справедливость и т.п. Эти термины в коммуникации пользователей интернет-сообществ несут в основном *операциональную* нагрузку. В социальных сетях, которые поддерживаются современным программным обеспечением (Facebook, Twitter, ВКонтакте-VK, Telegram...), пользователь может завести сотни «друзей». Однако эти отношения будут иметь мало общего с тем, что мы считаем дружбой между людьми в нашей повседневной жизни. «Дружба» здесь — это отношения между акторами, которые в сетевом анализе превращаются в «вектор», «ребро» или «связь»¹⁷². Характерные для офлайн *потоки сознания* с их эмоциональными компонентами в онлайн искажаются и в своей превращенной форме уже являют собой операции в *потоках коммуникаций*. Можно даже сказать, что онлайн-коммуникация протекает через потоки сознания, но при этом она не является тем же самым, а представляет собой иное. Следует также признать бесполезной контрверзу между рациональными и иррациональными (эмоциональными) мотивами в качестве исходной точки анализа протеста. Такой вывод был сделан уже на подходе к цифровой эпохе, когда гетерогенность новых социальных движений 70-80—х гг. стала очевидным фактом, который вынес их далеко за пределы протестной модели за лучшее распределение благосостояния¹⁷³.

Таким образом, фактор психологической расположенности личности к протесту или конформизму должен рассматриваться как производный. В данном вопросе необходимо выстроить движение анализа не от психологии протестующих к системному обобщению протестных движений, а, наоборот, от системно-коммуникативных факторов онлайн к их психологическому наполнению со стороны непосредственных участников протеста. Степень влияния социально-сетевых сервисов на

¹⁷¹Грановеттер М. Сила слабых связей / перевод с англ. З.В. Котельниковой// Экономическая социология. Т. 10. № 4. Сентябрь 2009. С. 31–50.

¹⁷²См.: Boyd, D. Friends, friensters and top 8: Writing community into being on social network sites. First Monday, 2006, 11(12).

¹⁷³Douglas, M. and Wildavsky, A. Risk and Culture: An Essay on Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkley/ 1982.

социальные и психологические аспекты участников протестных движений очень высока и будет, по-видимому, возрастать. Данное обстоятельство, на наш взгляд, принципиально важно в понимании природы онлайн-протестности в ее отношении к психологическим особенностям протестующих.

Сети являют собой оборотную сторону современной индивидуализации и в исследовательских социологических практиках составляет все более усиливающуюся конкуренцию традиционным межличностным отношениям. Ветвление и самосборка сети в каждом случае порождает особый «сетевой контекст», позволяющий включенному в него участнику легко переступать границы прежде устойчивых социальных и психологических различий. Артикуляция желания человека, включенного в онлайн-коммуникацию, далеко не всегда осуществляется им самим, хотя он может искренне полагать, что все обстоит именно так. Та или иная возможность репрезентации, проявленная в онлайн-сетях, операционализирует желания пользователя и тем самым восполняет недостаток его завершенности (недо-объективации). Отсюда выстраиваются цепочки репрезентирующих действий, все более сложных и непредсказуемых. Процесс обретает свойство трудно прогнозируемых ветвящихся тредов-желаний, концы которых исчезают в бесконечности человеческого воображения. Срабатывает эффект встречи между недостатком полноты объективации желаний и избытком коммуникативных возможностей интернет-сетей, как развернутых во всем гиперпространстве, так и тех, которые потенциально возможны для реализации в данной сети и для «данного случая». Обозначенная специфика включенности пользователя в онлайн-сеть предоставляет ему возможность встраиваться в такую последовательность сетевых операций, которая вынуждает его шаг за шагом прояснять и актуализировать собственное желание в онлайн-коммуникации, а через нее— самого себя, как «еще одно» восполнение «в отражении себя в зеркале» (Ж. Бодрийяр).

Последовательность (цепочка) таких операций выстраивается и в направлении от онлайн-сети к сетевому взаимодействию офлайн, непосредственно проявляющемуся на улицах и площадях городов. Интернет-сообщества в реальном режиме времени порождают и вбрасывают в офлайн-коммуникацию новые формы и возможности: для ближних и дальних, семьи и друзей, одиноких и обиженных, уверенных в своей правоте и не очень, мстительных и умиротворенных... в том числе и для тех, для кого общение важнее самой причины. Большое значение

в последнем случае приобретает избыточность (редундантность) коммуникации в онлайн-сети, своего рода социальный груминг, поддерживающий общение ради самого общения – по типу ритуального почесывания обезьян. Иными словами, сети устроены так, что практически любой повод для общения может получить реальную возможность стать объективированным в офлайн-коммуникации. Из этого же непрогнозируемого роста модусов свободы в интернет-сетях рождаются и многочисленные прежде не существовавшие социальные риски. Таким образом, онлайн-сети, как эпистемические объекты, представляют собой мультипликаторы знаний, генераторы непрогнозируемого спонтанного роста новых событий и сопутствующих им социальных рисков. Они пролиферируют контингентность событий в социальном мире и существенно затрудняют их предсказуемость.

Именно в этом отношении интернет может превосходить по своему влиянию государственную власть, которая при всех своих возможностях остается локальной системой регуляции и управления по отношению к глобальному сетевому обществу. Как справедливо утверждает М. Кастельс, «глобальное одерживает верх над локальным, пока локальное не становится связанным с глобальным в качестве узла альтернативных глобальных сетей, созданных социальными движениями»¹⁷⁴. По этому принципу Кастельс различает коммуникативные возможности сообществ влиять на власть, сопротивляться власти или же властвовать. Включенные в сеть обладают уже заведомым преимуществом по отношению к исключенным. В свою очередь включенный в сеть пользователь уступает в своих возможностях влияния тем, кто занял/присвоил позицию ее узла. Словом, преимущество получает тот, кто использует возможности перенаправлять и перенастраивать потоки информации в соответствии со своими интересами и целями, тогда как не включенные в сеть пользователи (или же заблокированные ее узлы) исключаются из процесса перенастройки. Это установленное правило *сетевого доминирования*, которое стало в современном мире осознанной целью самых разнообразных сторон и сил, от политических партий и религиозных общин до отдельных государств и военно-политических союзов. В наше время борьба за свои интересы, за власть, за влияние в государстве и в мире в значительной степени – суть борьба за доминирование в социальных сетях в глобальном киберпространстве интернета.

¹⁷⁴ Кастельс М. Власть коммуникации [Текст] / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; под научн. ред. А.И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 43.

В связи со сказанным, уместно подчеркнуть, что интернет-коммуникация представляет собой многомерное техно-социальное образование, в котором многообразие сетей определяет многообразие способов формирования и конституирования ценностей и идеалов. В таких условиях глобальная сеть интернет-коммуникации накладывает свое «сетевое» ограничение на попытки одностороннего глобального доминирования. По причине саморегуляции сетевого воспроизводства интересов и ценностей социальные сети не превращаются в Левиафана на службе какой-либо выделенной его стороны, будь то власть, экономическая структура, общественная или религиозная организация и т.п. По той же причине через сети может распространяться информация, дискредитирующая центры влияния, претендующие на одностороннее над-сетевое доминирование. Здесь работает императив: *включение в онлайн-коммуникацию возможно либо на правах пользователя, либо в качестве узла сети*. В силу данного условия любая структура даже при наличии значительных властных ресурсов и полномочий не обладает возможностью полностью блокировать невыгодную для себя информацию. Примеров тому множество, достаточно вспомнить общественный резонанс, который вызвало размещение в сетях материалов о пытках в ярославских колониях. С этой стороны онлайн-сети являются не только поставщиком непредсказуемых социальных проблем, но и источником информирования широкой общественности, а также потенциальным источником их решения – всего того, было немыслимым в до-цифровую эпоху.

Доминантная роль онлайн-технологий в наше время оценена по достоинству всеми сторонами, так или иначе вовлеченными в протестные движения. Причем, как было отмечено, очередное технологическое достижение, усиливающее информационные возможности сети, не может быть приватизированным какой-либо одной заинтересованной стороной. Бурный рост вычислительной техники позволяет отображать и анализировать одновременно миллиарды узлов Всемирной паутины, связывающих собой несколько сотен социальных сетей с их пользователями, которые насчитывают в наши дни почти половину населения планеты. Этот фактор вкупе с ежегодным (за последние 2-3 года) десятипроцентным увеличением числа пользователей социальными онлайн-сетями¹⁷⁵ способствовал запуску новой

¹⁷⁵По данным, опубликованным Nielsen Online, Международным союзом электросвязи и др. организациями, в сентябре-октябре 2018 г., в мире насчитывалось ок. 4,2 миллиарда пользователей

парадигмы «сетевой науки» (“network science”). Об этом красноречиво свидетельствует количество открытых за последние 10–15 лет печатных и особенно интернет-журналов, в которых просматривается общее направление редакторской политики, сконцентрированной на таких разделах анализа онлайн-сетей как сегментация, моделирование, визуализация, практическое использование в социальных, политических и экономических интересах и т.д.

Современная социология демонстрирует стремление расширить возможности влияния и регулирования потоками информации в онлайн-сетях. Успех в этом вопросе играет принципиальную роль в установлении доминирования тех или иных движений/партий/союзов в офлайн-коммуникации. Чаще всего такой интерес проявляется в использовании ими эмпирической социологии онлайн-протестности в целях блокирования или же «разогрева» протестных движений в соответствии со своими интересами.

Важно не то, что социология интернет-сетей радикально поменяла инструментарий, которым пользовалась социология до-цифровой эпохи, а то, что изменилось сама позиция, с которой осуществляется измерение. Теперь это не наблюдатель, находящийся вне объекта исследования, а исследователь, стремящийся описать проблему изнутри сети, попеременно ставя себя на место того или иного ее узла. И здесь принципиально важно то, какой инструментарий выбирает исследователь: классический или неклассический, исследует ли он онлайн-сети по аналогии с офлайн-коммуникацией или же включает в свой инструментарий подходы «сетевой науки».

Возьмем для примера «Движение возмущенных», зародившееся в Испании. Большинство телезрителей и пользователей YouTube знакомы с этими движениями в их офлайн измерении. Они смотрят телерепортажи и видят картинки, на которых в мае 2011 г. площади испанских городов заполнили десятки тысяч протестующих людей, требующих изменения правительственной политики. Репортажи в октябре того же года показывают, как “Indignados” переносит манифестации протеста в другие страны и на другие континенты. В этом ключе представление о «возмущенных» дает социологическое исследование, проведенное мадридским фондом «Альтернатива»: возраст, образование, социальное

интернета (рост за год на 7%) и около 3,4 миллиарда человек использовали социальные сети (рост за год на 10%). URL: http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404

положение, степень участия и т.д. На этом основании делаются выводы о характере, направленности и перспективах “Indignados”¹⁷⁶.

В «сетевой науке» протестные движения освещаются иначе, как, например, это делают С. Гонсалес-Бэйлон и Н. Ванг в статье «Сетевое недовольство: анатомия акций протеста в социальных сетях»¹⁷⁷. Авторы представляют кейс-стади движений «Захватите Уолл-стрит» (“Occupy”) и тех же «Возмущенных» (“Indignados”), путем переноса исследовательской позиции на перекрестки путей (узлов сети) распространения информации. Они выделяют две альтернативные истории теоретического описания протестных движений. Одна история открывается со стороны исследования офлайн «сетевых социальных движений»¹⁷⁸, другая – со стороны онлайн «новой логики коннективных действий»¹⁷⁹. Авторы отказываются от претензий на универсализм какой-либо макро-теории, применительно к описанию офлайн-онлайн-взаимодействий протестных движений, предлагая взамен начать с обсуждения кейсов вышеназванных новых форм протестных движений. Первостепенное значение в таком исследовании приобретает структура и динамика онлайн-сетей, так как это позволяет высветить и адекватно представить связи и детерминации многочисленных эмпирически фиксируемых свойств социальных протестов, проявляющихся в режиме офлайн.

В современном общественном протесте сети присутствуют всегда, как в случае успеха, так и в случае неудачи. Исследование же должно предоставлять возможность ответа не на вопрос, поставленный по типу «какова природа онлайн сетей?», а на вопрос «при каких условиях сети более всего способствуют успеху?». То есть исследование проблемы становится исследованием успешности той или иной контингентной «сборки», осуществленной в конкретных условиях с многосторонним участием–организаторов протеста, ангажированных и нейтральных пользователей, инфо-брокеров и структурных брокеров ... в их симбиотическом единстве с прогрессирующими техническими возможностями интернет-сетей. Границы регуляции и управляемости

¹⁷⁶ См.: Хенкин С. «Движение возмущенных» в Испании: новая форма социального протеста // Портал «Перспективы». URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=112395>

¹⁷⁷ Gonzalez-Bailon, S., Wang, N. Networked discontent: The anatomy of protest campaigns in social media // Social Networks. 2016. №44. P. 95–104. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S03788773315000659>

¹⁷⁸ Кастельс М. Власть коммуникации...

¹⁷⁹ Bennett, W.L., Segerberg, A., The Logic of Connective Action. Digital Media and the Personalization of Contentious Politics., Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

конкретного протестного движения (кейса) определяются спецификой конкретной сборки онлайн-связей и отношений, которые в свою очередь усиливают (или ослабляют) те же брокеры, осуществляющие перенаправление информационных потоков, выступая в данном случае в роли функциональных аналогов узлов сети.

Почему предпочтительно изучать кейсы? Ответ лежит на поверхности. Онтология объекта онлайн-сети не дана заранее в порядке вещей, а – воспроизводится во множестве техно-социальных коммуникативных практик. Именно анализ конкретных кейсов ясно показывает, что онлайн-сети не являются синонимом горизонтальной организации социальных протестных движений. В них можно выделить три уровня консолидации онлайн-протеста. Первый уровень создают коммуникативные потоки (обмены информацией о событии), которые замыкаются внутри сообществ и не выходят за их пределы. Здесь важен показатель информационной плотности, который определяется количеством сообщений на одного пользователя. На втором уровне первенствующее значение приобретают информационные брокеры, которые могут быть одновременно офлайн-лидерами. Инфо-брокеры увеличивают/уменьшают сгущение (плотность) протестной информации путем сертификации, перенаправления или же частичной ее блокировки посредством повышения/понижения ее статуса внутри сообщества. В большем масштабе онлайн-сети – третий уровень – первостепенное значение приобретает идея промежуточности, «структурного сопряжения» (Луман) между «краями» или «ребрами» конкретных интернет-сообществ. Данная идея позволяет лучше понять то, как в большем масштабе идентифицируются и перекрываются структурные разрывы между отдельными сетями, последствием чего возникает взрывная диффузия протестной офлайн-активности.

Комментируя третий уровень, следует подчеркнуть, что разветвленная структура сети является необходимым, но не является достаточным условием мобилизации и сопровождения протестного движения. Достаточным оно становится, когда в дело вступают брокеры, руководствуясь своими целями и ценностями. И только с этого момента запускается симбиотический механизм автопоэзиса, порождающий новые структуры возможностей для всех сторон и участников протеста, а вместе с тем – офлайн-неопределенности и риски.

Анализируя подход М. Кастельса, мы можем добавить еще один фактор, связанный с борьбой за предпочтения пользователей и, в конечном

итоге, за попытками установить доминирование в сети. Сеть только на первый взгляд предоставляет равные возможности для всех, кто ею пользуется, независимо от их роли и интенсивности участия. На самом деле она открывает в себе возможность гегемонии, которая строго не закрепляется за какой-либо силой или стороной ее воспроизводства. Кастельс справедливо утверждает, что власть осуществляется не исключением из сетей, а введением *правил включения*, приписывая инициативу в создании таковых «программистам». Речь в данном случае идет не об инженерах, которые пишут программы по заданию, а о менеджерах крупных социальных сетей уровня М. Цукерберга (Facebook), П. Дурова (VK, Telegram), Т. Андерсона (MySpace), Л. Пейджа и С. Брина (Yandex, Google) и др., а также о невидимой армии, состоящей их тысяч трендсеттеров и сетевых аналитиков.

И хотя Кастельс не останавливается подробно на этом пункте, тем не менее он заслуживает своего хотя бы краткого освещения, в первую очередь, – со стороны безостановочного порождения новых тем протеста в офлайн-коммуникации. Уже сама по себе гетерогенность новых социальных движений, по определению Лумана, «гарантирует, в принципе, неисчерпаемый резервуар для изобретения тем», а сама по себе «инновативная способность протестных движений заключается в спецификации того, против чего высказывается протест»¹⁸⁰. Масс-медиа (телевидение, газеты, радио) абсорбируют новые протестные темы в соответствии с правилами игры, продиктованными политическим дискурсом власти. В свою очередь в офлайн режиме «протестные движения живут напряжением между темой (абсорбированной властью, – *ЕИ*) и протестом – и прекращается из-за этого напряжения»¹⁸¹. Чем может подкрепить свои аргументы в борьбе за гегемонию протестное движение, оставаясь в границах офлайна? – созданием альтернативных СМИ, массовостью уличных демонстраций, пикетированием ... Онлайн-коммуникация располагает, как известно, иным набором инструментов, позволяющих сгустить, перенаправить и канализировать протест. В этой связи интересно было бы проверить гипотезу, согласно которой онлайн-коммуникация располагают не меньшими возможностями порождения контингентных (непредсказуемых) тем протеста, чем офлайн-коммуникация. Эта гипотеза подкрепляется высокой степенью

¹⁸⁰ Луман Н. Гл. XV. Протестные движения. В кн. 4: Дифференциация // Общество общества / пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов. М.: Изд-во «Логос». 2011. С. 278.

¹⁸¹ Там же.

избыточности (редундантности) интернет-коммуникации, в которой коннективный механизм смыслообразования (сообщение-информация-понимание) работает в условиях высоких скоростей и еще большей непрозрачности¹⁸². Все это ускоряет пролиферацию тем протеста последовательно в трех сферах – в коммуникации онлайн-сетей, в языке офлайн-общения и в сознании (психике) конкретной «протестующей личности». Этот процесс безостановочного протестного тематического творчества замыкается в рекурсивную петлю: *сообщение* из онлайн-сети о теме недовольства становится определенной (не необходимой, а контингентной) *информацией* в офлайн-общении, тогда как различие сообщения и информации становится понятным (*пониманием*), когда оно возвращается к брокерам, функционально занимающим позиции либо инфо-узлов, либо структурных узлов сети. Брокеры же запускают в офлайн-коммуникацию новое сообщение с учетом уже своего понимания – состоявшегося различия сообщения и информации. Так, используя язык механизма коннекции и рекурсии, можно переписать то, что значилось под словосочетанием «перенаправляют потоки информации». Однако уместно поставить вопрос: придает ли дополнительные возможности по сравнению с эмпирическими исследованиями (кейс-стади и т. п.) анализ социального протеста на языке неклассической социологии – системной теории Н. Лумана, акторно-сетевой теории Б. Латура или же множественности объективации Дж. Ло, А. Мол и др.? Вопрос остается открытым.

Второй аспект осуществления «сетевой власти», о котором упомянул Кастельс, применительно к протестному движению также порождает гипотезу, нуждающуюся в проверке. Кастельс утверждает, что ядро сетевых социальных движений составляют «правила включения» в сеть. Эти правила создают менеджеры, трендсеттеры и аналитики сетей, то есть те, кто с опережением совершает очередной этап их развития. Интересно на этот счет сопоставить позицию Кастельса с позицией Э. Лаклау. Лаклау опирается на понятие «гегемонного дискурса», а не на коммуникацию и сеть. Тем не менее он говорит о схожих вещах, когда утверждает, что политическую гегемонию на время обретает та сторона, которой удалось последней внести «правила игры» для других. Из этого история социальных движений не соответствует никакому априорно единому

¹⁸² См.: Антоновский А.Ю. Смысл как коннективный механизм в языке, сознании и коммуникации. URL: <https://refdb.ru/look/1072493.html>

социальному объекту. Эта история есть «прерывистая последовательность гегемонистских блоков, которая не определяется ни одной рационально постижимой логикой». В основе ее лежат гегемонистские операции, порядок которых определяется витгенштейновским примером, определяющим последовательность числового ряда: каждый последующий участник «игры», формулируя новое правило, устанавливает свою гегемонию над теми, кто установил правила предшествующего ряда. «Очень часто, – пишет Лаклау, следуя за Витгенштейном, – новые правила принимают не потому, что так хочется, а потому, что это *правило*, потому, что оно привносит в кажущийся хаос принцип последовательности и ясности»¹⁸³. Всякий контекст неизбежно уязвим. Контекст любого протеста не является исключением. Впрочем, и эта гипотеза нуждается в проверке.

¹⁸³ Лаклау Э. Сообщество и его парадоксы: «либеральная утопия» Ричарда Рорти. Пер. с англ. А. Смирнова// Логос. 2004. № 6 (45). С. 111.

Глава десятая. Кржевов В.С. Моральные императивы в политике и протесте. Методологические соображения

Вопрос о специфике современных протестных движений, и, прежде всего, о тех изменениях, которые были обусловлены новейшими средствами хранения и передачи информации и технологиями их использования, несомненно заслуживает внимательного рассмотрения. Однако явственно обозначившаяся в последнее время тенденция делать далеко идущие выводы, отталкиваясь главным образом от тех хорошо различимых на поверхности изменений в повседневном существовании людей, что обусловлены перманентной технологической революцией, на мой взгляд, требует критического осмысления. В частности, вряд ли правомерным будет утверждение, что наблюдаемые в самых разных регионах массовые протесты возникают главным образом потому, что теперь существует возможность мобилизовать участников посредством скоротечной коммуникации. При всей важности вопроса о роли здесь техники передачи информации, более существенной представляется проблема выяснения глубинной подосновы протестов. Но для ее разрешения нужно перестать торопиться с утверждениями о совершившейся благодаря цифровизации радикальной трансформации общества, о возникновении в нем принципиально новых, никогда ранее невиданных отношений и форм взаимодействия людей. Спора нет, изменения, претерпеваемые ныне глобальным сообществом, беспрецедентны, но эта беспрецедентность не дает оснований утверждать, что социальные процессы совершенно изменили свою природу, а фундаментальные законы социальной организации перестали работать. Отсюда следует, что стремление досконально разобраться в природе новых явлений предполагает обращение к вопросам общего свойства.

Представляется, что среди этих последних одним из наиболее существенных является вопрос о действиях носителей общественной власти, их мотивах и их ответственности. При том, что множество происходящих в наши дни разнообразных конфликтов имеют объективные истоки и основания, невозможно отрицать ту колоссальную роль, которую играют в формировании и разрешении многообразных социокультурных коллизий действия субъектов, наделенных властными полномочиями.

В свете сказанного не лишне также заметить, что проблема «моральных императивов в политике» никак не может претендовать

на новизну, но вместе с тем перманентное ее переосмысление по вполне понятным причинам обречено оставаться постоянно актуальным. Однако для большей ясности следует, пожалуй, уточнить, что в данном контексте речь пойдёт о требованиях к субъектам политической деятельности, диктуемых сформировавшимися в самое последнее время условиями и характеристиками протекания социальных процессов. При этом следует иметь в виду, что субъекты эти образуют две численно несоизмеримых группы: во-первых, это те, кого М.Вебер именовал собственно «политиками» - будь то «по призванию» или «по профессии». Во-вторых – множество людей, так или иначе участвующих во всевозможных политических акциях и мероприятиях – от периодически повторяющихся голосований на выборах до всякого рода публичных выступлений и даже военных действий. («Война есть продолжение политики...»). И хотя невозможно отрицать, что в наши дни «политический процесс» – это процесс, как никогда прежде вовлекающий широчайшие людские массы, обсуждение заявленной темы лучше начать, сосредоточившись на первой группе. Причина такого ограничения в основном методологического свойства – для выяснения существа вопроса следует рассматривать не отдельные локальные события, а их большие совокупности – точнее – тренды, что наблюдаются в течение длительного времени, заполненного повседневной жизнью человеческих сообществ. При этом реальные мотивы основной массы участников политических процессов могут быть чрезвычайно разнообразны и ориентированы в значительно отличных друг от друга культурных традициях. Тем самым попытки сформулировать на сей счёт некоторые суждения, претендующие наобщую применимость, перекрывающую специфические особенности явлений, требуют величайшей осмотрительности, поскольку в ином случае результатом окажутся мало содержательные спекуляции. Кроме того, подобного рода задачи по самой своей природе предполагают работу с большими массивами данных, прошедших обработку исследователями-специалистами: историками культуры, социологами и социальными психологами. На долю философа здесь выпадает рассмотрение проблем иного порядка – изучение влияния, которое оказывают на мотивы политических действий присущие разным культурам представления и оценочные стереотипы (эталонные шкалы), выводит на вопрос о специфике того, что, собственно, мы относим к сфере политики – каковы ей, и только ей присущие существенные черты и особенности, проступающие за многообразием эмпирического материала. В этом случае

вывод исследования на общий уровень позволит установить наличие специфической логики, которой *должны во всех случаях* руководствоваться субъекты политической власти. (Сказанное не означает, что в реальной жизни они ею действительно всегда руководствуются. Однако выявление существенных черт этой логики дает исследователям критерий оценки деятельности любого политика). Выполнение этих начальных условий как раз и позволит подойти к поиску ответа на ключевые вопросы – существует ли в принципе возможность соотнесения политических решений и действий с той этической установкой, существо которой выражено в императиве И.Канта: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству в своем лице, и в лице всякого другого и так же, как к цели и никогда не относился к нему только как к средству».

Или же, наоборот, принимая во внимание множество фактов, следует согласиться с тем, что по своей природе политическая деятельность требует от своих субъектов руководствоваться мыслью Ф. Ницше: «Человечество является скорее средством, а не целью. Человечество является просто подопытным материалом».

Само собой разумеется, что вопросы такого рода не могут быть сколько-нибудь полно рассмотрены в пределах небольшой статьи, и поэтому неизбежным является вынесенный в заглавие традиционный подзаголовок: «к постановке проблемы».

Рассмотрение вопроса о моральных основах политики значительно осложняется тем, что сохранившиеся в анналах истории человечества, а равно и в современных хрониках достоверные свидетельства о деятельности обладателей публичной власти практически не позволяют судить о вдохновлявших их императивах с сугубо этической точки зрения. Разумеется, деклараций о благороднейших намерениях, о действиях, исполненных бескорыстного стремления ко всеобщему благу, громогласных заявлений о приверженности самым высоким принципам и идеалам – этого всего в избытке. Хорошо известно, что и сами политики, и их апологеты более чем охотно рассуждают о морали, проявляя виртуозную изобретательность в оправдании своих усилий, более всего преуспевая в этом многотрудном деле задним числом. Но поскольку «декларации о намерениях» не дают оснований для серьезного исследования, обсуждение проблемы о моральных императивах политических деятелей нередко заходит в тупик, оборачиваясь равно бесплодными оправданиями или обличениями.

И все же вопрос – может ли политик действительно руководствоваться моральными соображениями – на мой взгляд, должен быть обязательно поставлен, хотя его разрешение требует весьма непростого анализа. Непростого не только в силу самой сложности проблемы, но ещё и потому, что продуктивным такой анализ может быть при обязательном условии – исследователь должен стремиться к максимально возможной объективности и фактической достоверности своих суждений. И хотя уже давно общим местом стало утверждение, что условие это практически невыполнимо, тем не менее, не соблюдая его, нечего и надеяться на получение сколько-нибудь достоверных результатов, имеющих значение в перспективе дальнейших исследований. Заметим ещё, что требование «свободы от оценки», как это не парадоксально, становится наиболее весомым как раз в тех случаях, когда предвзятость, так сказать, бескорыстна, и выражает искренние убеждения исследователя.

Очевидно, что для содержательного обсуждения обозначенного в названии статьи вопроса необходимо прежде всего сформулировать чёткое определение понятия «политика». Хорошо известно, что в течение долгого времени такое определение чаще всего выводили, опираясь на сочинение Никколо Макьявелли «Государь». Лежащая в его основе концепция политического исходила из того, что главенствующим мотивом успешного политика является стремление к высшей власти – власти государственной. Иными словами, обретение власти и всяческое оберегание от посягательств на неё – вот главный смысл усилий всех участников политической деятельности. Успех политика – достижение власти, её потеря – его однозначный проигрыш. Всё это издавна считается настолько очевидным, что понятие «политика» автоматически считается синонимичным выражению «политическая борьба» (она же «борьба за власть»)¹⁸⁴.

С середины XIX века не менее распространенной становится концепция, не то чтобы полностью опровергающая идеи Макьявелли, но существенно их корректирующая. Политика по-прежнему рассматривается как борьба за власть в государстве, но в корне меняется само понимание государства и его назначения. Эти изменения связаны с именем К.Маркса, а впоследствии – с трудами В.И. Ленина и, в еще

¹⁸⁴Вот, например, лаконичное резюме этой позиции, принадлежащее одному из авторитетнейших политологов XX в., Г. Моргентау: «... политики думают и действуют, опираясь на понятие интереса, определенного в терминах власти, и исторические примеры это подтверждают». Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений. Хрестоматия. М.: «Гардарики», 2002. С. 72-88.

большей степени – с его практически-политической деятельностью. Суть этой позиции – государство есть орган публичной власти, возникающий вследствие борьбы антагонистических классов и призванный обеспечить интересы экономически господствующего класса, удерживая в повиновении широкие массы эксплуатируемых трудящихся. Отсюда основным содержанием политики, определяющим в последнем счете мотивы политических деятелей, признавалась непримиримая борьба классов.

Точно также при обсуждении нашей проблемы мы должны ответить и на другой корневой вопрос – что такое мораль, каковы ее истоки, как и почему формируются моральные оценки и таковые же требования, являются ли они всегда и при всех обстоятельствах общезначимыми или же здесь, как и во многом другом, существует варибельность. При всей кажущейся очевидности ответа вряд ли случайно, что в истории мысли этот вопрос обсуждался множество раз, однако для наших целей достаточно коротко охарактеризовать логику двух основных подходов.

Приверженцы первого, с конца XVIII в. соотносимого с именем И. Канта, полагают, что моральный закон имеет сверх природное происхождение, един для всего человечества, его требования всегда неизменны и подлежат неукоснительному исполнению. Расходясь в вопросе о наказаниях и наградах за исполнение/неисполнение этих требований, мыслители этой школы солидарны в признании тезиса о единстве их содержания.

Сторонники второго направления принимают тезис о непреодолимо-релятивном характере морали и предъявляемых ею требований. Далее с этой общей позиции различия между моральными императивами могут объясняться несхожим образом – влиянием меняющихся исторических условий, особенностями культуры, религиозной принадлежностью, и, наконец, фактором социальной стратификации. В последнем случае решающее значение придается конфликту классовых интересов. Сторонники такого подхода утверждают, что с тех пор, как общество разделилось на классы, каждому из них присущи свои моральные установки, существенно отличные от таковых же установок другой группы. Наиболее ярко и точно суть этой позиции выражена в словах В.И. Ленина: «Наша нравственность подчинена вполне интересам

классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата».¹⁸⁵

Этот краткий экскурс был необходим для обозначения разных способов постановки проблемы о соотношении морали и политики. На первый взгляд, коль скоро главной задачей политиков и их основной целью является борьба за власть и/или осуществление принуждения больших общественных групп к соблюдению навязанного против их воли порядка, говорить о морали в ее Кантовском понимании вообще не приходится. В самом деле, если «нравственный закон» признается единым для всех времен и народов, мораль и политика разводятся по разным горизонтам, никогда не пересекаясь друг с другом. Так, например, этика, фундированная заповедью – «Не убий!», при последовательном соблюдении очевидным образом блокирует активное участие в политике – поскольку природа самой политики такова, что без насилия – в том числе в самых крайних его формах – политика осуществляться не может.¹⁸⁶ (В этой связи стоит уточнить, что декларации о приверженности ненасилию в духе Махатмы Ганди и реальная политическая практика – далеко не одно и то же).

Правда, здесь намечается еще один разворот проблемы. В развитие только что описанной позиции утверждалось, что трезвый анализ политических событий возможен лишь на основе признания жесткой установки – мораль и политика существуют в разных, никогда, нигде и никак не пересекающихся пространствах. Вместе с тем многими авторами(в том числе и упомянутым великим итальянцем)настойчиво выражалась мысль, что политик – главным образом имелась в виду носители высшей власти – буквально-таки обязан представлять в глазах «обычных людей» человеком высокоморальным. Такой образ не без оснований считался одним из граничных условий достижения политического успеха. Тем самым рекомендуемый политику в силу специфики профессии имморализм оттенялся циничным высокомерием – подвластные люди по умолчанию считались неразумным стадом, быдлом; тем не менее, их представления о справедливости все же следовало принимать во внимание. Правда, наряду с этим, – и уже не для широкой аудитории – тут же подчёркивалось, что если в своей практической

¹⁸⁵ Ленин В.И. ПСС, т. 41, с. 309.

¹⁸⁶ См. весьма обстоятельный разбор этой проблемы в эссе Б.Г. Капустина «К понятию политического насилия» и «Ненасилие в политике: теоретические парадоксы и их практическое разрешение». // Капустин Б.Г. «Критика политической философии». М., «Территория будущего», 2010.

деятельности политик попытался бы всерьёз руководствоваться требованиями общепринятой морали, то любые его усилия заведомо оказались бы обречёнными на неудачу. Замечу в скобках, что вопреки всем декларациям о несовместимости политики и морали именно апелляция к неизбежности для политического деятеля «двойных стандартов» служила ни чему-нибудь, а именно моральному самооправданию носителей политической власти.

С учетом сказанного следует вернуться к вопросу о природе государства и сущности политического. Учитывая, что в последнее время вновь развернулась дискуссия по этому вопросу, я полагаю, что все же наиболее последовательным и отвечающим богатому разнообразию фактических данных является определение, согласно которому политика – это действительно деятельность субъектов, так или иначе связанная с функционированием государства как института публичной общественной власти.¹⁸⁷ Однако при этом нужно пересмотреть принятое в марксизме понимание государства. Хотя верно, что это последнее возникает и функционирует в условиях классовой дифференциации общества, его цели и задачи не те (или, точнее, не только те), о которых говорит классическая концепция. Именно потому, что при определенных условиях с необходимостью возникает и перманентно возобновляется конфликт интересов общественных групп (классов и государственно организованных наций), важнейшей функцией государства становится поддержание единства общества и создание условий для поддержания возможно большей стабильности его развития.

Таким образом, по общему типу политика принадлежит области социального управления, а её основная направленность внутри общества определяется необходимостью обеспечения его целостности посредством нахождения баланса интересов образующих его социальных групп. В отношениях с другими сообществами первейшей целью политики является эффективное обеспечение безопасности государства посредством нейтрализации возможных угроз. Наряду с этим внешняя политика призвана так же обеспечить налаживание долгосрочных связей во имя поддержания стабильности международных отношений и максимизации эффектов взаимовыгодного межгосударственного сотрудничества. Поскольку названные цели являются постоянными, стремление к их

¹⁸⁷ По поводу этой дискуссии см. Шмитт К. «Понятие политического» (СПб, «Наука», 2016) и ряд работ, разбирающих и комментирующих эту концепцию – А.Ф. Филиппова, Г. Г. Капустина, О.В. Кильдюшова и др.

реализации определяет на «дереве политических целей» все прочие, промежуточные, достижение которых всякий раз играет лишь «инструментальную роль».¹⁸⁸ К этому важному соображению мы еще вернемся при обсуждении вопроса о ближайших и стратегических интересах, направляющих политическую деятельность.

При таком понимании назначения государства и целей политической деятельности утверждения о принципиальной несовместимости морали и политики представляются односторонними и упрощенными. Другую возможностьоткрывает сформулированное в новейшее время М. Вебером положение, согласно которому есть два типа этики: этика убеждений и этика ответственности. Такой подход сообразуется свесьма важным соображением: если борьба за власть и её удержание являются основным смыслом политической деятельности, если, попросту говоря, власть самоцельна и самоценна, то какова её роль, её назначение в обществе? Неужели, став обладателем власти, человек озабочен только тем, как её удержать? И никакие другие проблемы перед ним не встают, никакие другие заботы его не обременяют? То самое обращение ко многим историческим примерам, учитывать которые требовал Г. Моргентау, позволяет увидеть, что дело обстоит далеко не так просто.

А вот если следовать в русле подхода М.Вебера, и развести две системы этических координат, очень многое встанет на свои места. Ориентируясь на принципы этики ответственности, мы получаем совершенно другой ответ на вопрос о соотношении морали и политики. Вместо безоговорочного приятия некоторого отвлечённого «категорического императива» - как всегда и при всех условиях неизменного эталона должного поведения, этика ответственности требует от своих приверженцев руководствоваться соображениями прямо противоположного свойства. Теперь во всех ситуациях определения политической цели, разработки программы её реализации и выбора соответствующего образа действий человеку в качестве высшего морального долга вменяется в обязанность принимать во внимание характер выдвигаемых целей и те последствия, которые могут наступить в результате их реализации. Соблюдениеэтих требований становится важнейшим критерием, играющим существенную роль в ориентации и программировании политических решений и действий. Как нетрудно

¹⁸⁸ Такая трактовка очевидным образом противоречит концепции К. Шмитта, видевшего в политике и «политическом» сферу отношений «друга и врага». В рамках данной статьи нет возможности дискутировать по этому сложному вопросу, поэтому я ограничиваюсь констатацией различий.

видеть, по сути своей эта установка абсолютно противоположна Кантовскому пониманию природы морали. Одно из наиболее существенных отличий заключается в том, что моральная оценка действий теперь связана не только и не столько с мотивами и намерениями действующего субъекта (хотя они также принимаются во внимание), но прежде всего с конкретными результатами его поступков – разумеется, в той мере, в какой поддаются установлению соответствующие причинно-следственные зависимости.

Однако таким образом проблема еще не получает исчерпывающего решения – пока сделан только первый шаг. Может даже показаться, что мы, в сущности, возвратились к тому, что утверждал Макьявелли – только теперь успех в достижении «последних целей» политической деятельности получает еще и моральную санкцию. Позиция также далеко не новая – в истории она выражалась неоднократно – начиная с девиза Ордена Иисуса «*Ad maiorem Dei gloriam!*», и заканчивая утверждениями типа приведенных выше высказываний В.И. Ленина – нравственным следует считать все то, что удовлетворяет «интересам класса» – или «нации» – или «государства».¹⁸⁹ При этом сразу идет на ум очевидное – несть числа злодеяниям, которые и вдохновлялись, и оправдывались этой формулой.

Как нетрудно видеть, в истоке всех проблем лежит вопрос о «конечных целях деятельности» – но уже не одной только политической, но деятельности вообще.

В предельно абстрактном виде этот вопрос обсуждается как минимум со времён Платона – это всё тот же вопрос о «всеобщем благе». Но бесконечные, можно сказать, попытки содержательно определить – в чём же оно, это «всеобщее благо» всё-таки состоит, – эти попытки, как известно, неизменно оборачивались бесконечными же спорами и препирательствами. Сама по себе это отдельная большая проблема, но, говоря очень кратко, можно охарактеризовать две основные когнитивные стратегии поиска её решения. Нетрудно будет увидеть, что их ключевые характеристики возвращают нас к началу нашего обсуждения.

Суть первой в том, что эквивалентом всеобщего блага выступает некоторый абстрактный принцип, заведомо признаваемый безоговорочно истинным в самом себе. Долг человека – при любых обстоятельствах неукоснительно следовать велениям этого принципа, тем самым

¹⁸⁹ Совершенно сходным образом высказывался и А. Гитлер: «Со спокойной совестью (sic!) мы можем встать на грань бесчеловечности, если мы при этом обеспечим счастье немецкого народа». Цит. по: Деларю Ж. «История гестапо», М. «Центрполиграф», 2004. С. 23.

способствуя реализации общего блага. Истинность такого высшего принципа, равно как и утверждение о его тождестве всеобщему благу принципиально недоказуемы – и то, и другое принимается исключительно на веру. Соответственно, какие бы то ни было содержательные обсуждения здесь исключаются как заведомо некорректные и не способные привести ни к какому строго обоснованному заключению. Самый же акт выбора знаменует собой суверенную свободу ничем извне не стесняемого человеческого духа. И хотя логика такого подхода вроде бы исключает самую возможность обращения к историческим реалиям, можно достаточно определённо утверждать, что именно слепая уверенность в правильности избранных целей и путей их достижения стоила человечеству многих и многих жертв.

Другая стратегия исходит из рассмотрения человека как деятельного субъекта, в организованном взаимодействии с себе подобными воспроизводящего свою жизнь. Ее важнейшим аспектом становится признание возможности получения истинного знания об окружающей человека природной среде, а равно и о действительных условиях и обстоятельствах протекания процессов человеческой деятельности. Это знание добывается и проверяется по ходу специальных исследований и затем полагается в основу разработки программ, направляющих действия людей, прежде всего тех, кто отвечает за выработку и осуществление стратегий социального управления. Тогда моральная ответственность политиков, принимающих и реализующих управленческие решения, оказывается теснейшим образом связана с достоверностью информации, которой они руководствуются.

На мой взгляд, такой подход позволяет перевести обсуждение в русло проблематики этики ответственности. Здесь наиболее существенным оказывается, то, что оценивая решения и действия политиков на предмет соответствия моральным требованиям, мы должны прежде всего удостовериться в наличии у действующих лиц достаточного понимания условий, в которых принимаются и реализуются решения, чреватые потерями и жертвами. Только при таком условии можно говорить не только об оправдании, но, если угодно, даже и о «прославлении тягостного бремени», которое возлагают на себя политические лидеры. Другими словами, политику необходимо глубокое понимание того, каковы условия его действий, каких решений требует создавшаяся ситуация, и какие процессы должны быть задействованы для того, чтобы эти решения были реализованы. В данном случае никак нельзя сказать,

что позволительно ограничиться одними только «декларациями о намерениях», речь идет именно о тех решающих качествах, что отличают дееспособного и ответственного лидера от тех, кто этими данными, увы, не обладает. Думается, именно здесь коренится то основное, что позволяет всерьёз говорить о действительно моральных императивах в политике.

И вот теперь мы можем возвратиться к вопросу об истоках современных протестных движений. Представляется, что, как и раньше, главным фактором, их порождающим, является социальное неравенство. Отсюда вопрос – в какой мере современное государство может и должно руководствоваться требованиями социальной справедливости? Для начала вновь обратимся к классике. Со времен Аристотеля известно, что понятие справедливости – это понятие неоднозначное. Уже в античной философии вполне оформилось представление о двух родах справедливости – уравнительной, и той которую принято именовать «пропорциональной».

Скажем сразу, что в свете современных знаний буквальное воплощение требований уравнительной справедливости в обществах со сложными, многократно разветвлёнными структурными связями невозможно – это утопия. Несмотря на широчайшую поддержку этих представлений и в прошлом, и в настоящем, можно уверенно говорить, что они были и остаются не более, чем эмоционально привлекательными иллюзиями, так что трезвому аналитику здесь обсуждать нечего. А вот концепция пропорциональной справедливости выводит нас на законы экономики, на главенствующий в человеческой деятельности и неоспоримый закон конечного соответствия меры труда и меры потребления. Закон, который справедлив – не в этическом, конечно, а в научном смысле – для абсолютно всех ситуаций социального взаимодействия. При этом наиболее важно, что с определённого момента в обществе развивается не только разделение труда, а вместе с ним и интенсивный обмен его результатами. Для верного понимания истоков социального неравенства, в том числе и неравенства имущественного, следует принимать во внимание, что специализированный труд становится существенно разнокачественным. Именно в силу этого обстоятельства применение простых арифметических равенств при организации обмена продуктами труда разного уровня сложности становится невозможным – требуется вводить поправочные коэффициенты, позволяющие учесть качественные отличия обмениваемых стоимостей. Исходя из этого, мы можем сказать, что правильно ориентированная социальная политика государства должна обеспечивать эту самую пропорциональную

справедливость, то есть стремится к тому, чтобы люди как субъекты специализированного производства имели стабильный доступ к необходимым средствам поддержания их повседневной жизни. При этом предоставляемая государством т.н. «подушка безопасности», на мой взгляд, – не самое важное в его социальной политике. Это момент безусловно присутствует, но он не является определяющим. Здесь ведь наиважнейшими вопросами всегда остаются вопросы о том, как конкретно пополняются фонды, необходимые для осуществления социальных трансфертов, и насколько эффективно работают механизмы перераспределения благ. Основной критерий – способность стимулировать людей к активному участию в производительном труде сообразно имеющейся квалификации в избранной сфере.

Вместе с тем, хорошо известно, что решение проблемы неравенства доходов не достигается, если у людей, которые считаются богатыми или сверхбогатыми просто забирают «излишнее» чтобы отдать тем, кому «не хватает». Известна английская поговорка: не надо кормить голодных людей, надо дать им удочку, чтобы они ловили рыбу – это, как мне представляется, тоже моральный императив и важный ориентир в разработке политических стратегий будущего. Вопрос справедливого распределения благ не решается в пределах одного лишь потребления, поскольку суть проблемы – в стабильном воспроизводстве самого богатства.

Я полагаю, что у государства всеобщего благосостояния есть будущее, но при том неременном условии, что в политической сфере будут действовать люди, которые владеют самым главным в искусстве социального управления, а именно пониманием объективной обусловленности интересов – как индивидуальных, так и групповых. Это еще одна тема, которую я хотел бы затронуть, потому что в политике, как известно, очень часто звучит мотив обеспечения интересов, защиты интересов – национальных или классовых. В этой связи хотелось бы отметить, что так называемый «национальный интерес» – вещь далеко не всегда самоочевидная. Равно как и интерес классовый. Сейчас, например, понятно, что установившийся после октября 1917 г. в России общественный и государственный строй вовсе не отвечал объективным интересам ни рабочего класса, ни тем более крестьянства. Наглядным свидетельством этому было многократно возросшее изъятие у непосредственных производителей прибавочной стоимости, покрывавшей сверхбременительные для общества проекты государства,

ставшего верховным собственником и распорядителем всех ресурсов общества. Это соображение вновь возвращает нас к теме этики ответственности – умение понять, в чем конкретно заключаются общественные интересы в наличных обстоятельствах межгруппового взаимодействия, умение обеспечить не только текущие нужды, но и просчитать стратегическую перспективу их долгосрочного удовлетворения – это та самая моральная директива, которая обязательно должна присутствовать в мотивах современных политиков.

Все дело в том, что сегодня совершенно реально, повседневно и ежечасно сказывается старая истина: «Не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе». В современном мире, построенном на всеобщей, тотальной взаимозависимости, невозможно причинить зла другому, не нанеся ущерба самому себе. В наши дни эта максима стала высшим выражением принципа этики ответственности.

Глава одиннадцатая. Сидорина Т.Ю. «Помоги себе сам» – старый лозунг в новые мехи?¹⁹⁰

В контексте заданной темы «Новые социальные движения и власть» я бы хотела немного порассуждать о роли новых социальных движений в условиях сокращения социального государства и распространения неолиберальной социальной политики.

Социальное государство теряет свои позиции, и в этих условиях гражданское общество может выступить в роли преемника «заботливого государства» в решении ряда проблем тех слоев населения, которые еще не готовы включиться в новые трудовые практики информационной эпохи, не готовы принять формат «прекарности» как новой социальной реальности.

Один из ракурсов рассмотрения назревших социальных проблем: насколько развит социальный активизм в местных сообществах? В какой степени практика малых дел и местных проектов достигает своей цели? В центре внимания научных дискуссий – перспективы социального активизма, самоорганизации граждан и их актуальность в условиях современного социума. Ракурс нашего рассмотрения – позиции социальных исследователей в отношении перспектив и возможностей нового социального активизма в условиях сокращения социального государства и роста социальной и экономической неопределенности.

Проблема сокращения социальных расходов государства активно обсуждается с 1990-х годов в странах, проводивших политику благосостояния – так называемых WelfareState, государствах всеобщего благосостояния, переживших за время своего существования как периоды расцвета, так и тяжелые годы упадка.

Кризис государства всеобщего благосостояния обусловил необходимость пересмотра основных положений концепции и учета критических замечаний, высказывавшихся в ее адрес. Теория государства всеобщего благосостояния получила дальнейшее развитие, обратившись к исследованию деятельности организаций третьего сектора как дополнительного измерения модели государства благосостояния.

Институты самоорганизации в помощь государству. В условиях сокращения социальных обязательств государства переосмысливается роль

¹⁹⁰Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ №17-06-00671 А «Социальный активизм и самоорганизация в локальных общественно значимых проектах в сельской местности в современной России: социальные контексты, ценностные установки и реальные практики (междисциплинарный анализ)» (реализация в НИУ «Высшая школа экономики»).

ключевых агентов социальной политики, в том числе возрастает интерес к деятельности институтов самоорганизации граждан, которые выступают в роли партнеров государства в формировании и осуществлении социальной политики и программ социального обеспечения¹⁹¹.

В 1980 – начале 1990-х годов активизируется интерес к вопросам гражданского общества, серьезное внимание привлекают работы его исследователей, например, американского исследователя Л. Саламона. «Возрастание интереса к частным некоммерческим организациям появилось прежде всего благодаря ощутимому кризису современного “социального государства”. – пишет Саламон. – Укрепилось мнение, что система защиты пожилых людей и безработных, создаваемая в большинстве западных стран с 1950-х годов, уже не действует. По меньшей мере это были четыре важных момента развития, опровергавшие идею социального государства: (1) нефтяной шок, который замедлил экономический рост, тем самым привлек внимание к тому, что расходы на социальное обеспечение необыкновенно выросли, (2) убежденность в том, что правительство перегружено и неспособно выполнять задачи, входящие в его сферу его компетенции, (3) политика социального государства постепенно создавала такое давление на постоянно повышающиеся цены за услуги, что превысило порог терпимости людей и те отказывались за них платить, (4) все чаще появлялись утверждения, что социальное государство вместо того, чтобы улучшать экономическую мощь (посредством защиты отдельных лиц от опасного риска), ослабляет инициативу, лишает людей личной ответственности и поддерживает их зависимость»¹⁹².

Социальное государство проявило свои негативные стороны и стало в какой-то мере само себе неприятелем. Улучшая жизненные условия, оно поддерживало в людях чувство ожиданий и растущее недовольство низким уровнем услуг, которые способно было им предоставить.

Дискредитация правительственных программ, сокращение бюджетов на социальные нужды привело к активизации других способов решения

¹⁹¹Значительную роль в понимании происходивших трансформаций сыграли работы американского политолога П. Пирсона. Какой бы устойчивостью, согласно П. Пирсону, не отличалось государство всеобщего благосостояния, кризисные трансформации последней трети XX столетия не прошли бесследно для этой модели общественного устройства, и в частности обусловили повышение интереса к деятельности институтов самоорганизации граждан, включая деятельность благотворительных организаций, фондов и частных благотворителей. (*Pierson P. Dismantling the Welfare State? Reagan, Thatcher and the Politics of Retrenchment. Cambridge: University Press, 1994; «The New Politics of the Welfare State» (1996).*)

¹⁹² Саламон Л. Глобальная революция в процессе объединения // Хрестоматия для некоммерческих организаций. Братислава, 2003. С. 39.

социальных проблем. Некоммерческие организации, негосударственные объединения выступили в качестве альтернативы государству как ведущему актору социальной политики, оказались способными предложить и обеспечить «самоопределение, ответственность за самого себя, свободу выбора, солидарность и участие в каждодневной жизни»¹⁹³.

НКО как медиатор в системе «семья-государство-рынок». Известный британский социальный исследователь Николас Роуз в 1996 г. опубликовал статью «Смерть социального? Пересмотр сферы управления» (“The death of the social? Re-figuring the territory of government”), в которой он обращается к вопросу об альтернативах государству всеобщего благосостояния в условиях кризиса самой модели Welfare State. Альтернативой государству благосостояния (и социальному государству в том понимании, которое придавалось этому понятию в XIX–XX вв.) Роузу видится феномен управляющего сообщества: «Сообщество стало новой формой управления: неоднородного, многочисленного, связывающего отдельные личности, семьи и всех остальных в соревнующееся культурное сообщество, состоящее из отдельных личностей и граждан»¹⁹⁴.

Прежде всего Роуз отмечает, что почти во всех развитых промышленных странах, от Швеции до Новой Зеландии, старая вера в «государство всеобщего благосостояния» (несмотря на свою устойчивость) подвергается критике, и в настоящее время концепции социального государства претерпевают изменения. Социальные перемены последних десятилетий предполагают приватизацию общественных благ и функций благосостояния, перевод медицинского обслуживания на частную основу, социальное страхование и пенсионное обеспечение, образовательные реформы, которые приводят к конкуренции между школами и колледжами, внедрение новых методов управления даже на уровне государства, новых договорных отношений между компаниями и их поставщиками и между специалистами и заказчиками, акцент на личной ответственности индивидов, их семей и объединений для их же собственного благополучия в будущем и принятии активных мер для его обеспечения.

¹⁹³Flora P. Introduction // Growth to Limits: The Western European Welfare States since World War II. Vol. 1 / Ed. Peter Flora. Berlin: Walter de-Gruyter, pp. x-xxix, 1986. Цит. по: СаламонЛ. Указ. соч. С. 39.

¹⁹⁴Rose N. The Death of the Social? Re-figuring the Territory of Government // Economy and Society. 1996. Vol. 25. № 3. P. 327. См.: Институты самоорганизации и качество жизни населения: Отчет о НИР / Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. Москва: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2009. С. 15–16.

Происходящие изменения влияют на то, что общество как объект в том значении, которое стали придавать ему в XIX в. (система обязательств и отношений между индивидами, система экономических, этических, политических событий внутри более или менее ограниченных территорий, регулируемых их собственными законами), претерпевает изменения¹⁹⁵.

Государство всеобщего благосостояния было воплощением идеи социального. Кризис государства благосостояния предполагает пересмотр его основных атрибутов: социальное государство, социальное страхование, социальное обслуживание, социальные выплаты, социальная защита и др., бывших в течение длительного времени основами социального.

В условиях сокращения социальных обязательств государства значительно вырос интерес к деятельности институтов самоорганизации граждан. Для создания более полной системы благосостояния предлагается перейти от политики *WelfareState* к политике *Welfaremix*, в которой общественные организации задействованы наряду с государством, рынком и неформальной экономикой домашнего хозяйства. С этой точки зрения, третий сектор выступает как один из аспектов публичного пространства в гражданском обществе.

В последние годы высказываются требования о необходимости замены «государства всеобщего благосостояния» так называемым «обществом всеобщего благосостояния», которое предусматривает значительное расширение сети добровольных общественных и коммунальных институтов, призванных заниматься реализацией социальных услуг. Сторонники общества всеобщего благосостояния исходят из принципа «помоги себе сам», особое внимание они акцентируют на личной ответственности гражданина за свою собственную жизнь.

Модели поведения/выживания в условиях социальной и экономической неопределенности. Безусловный доход. В условиях сокращения социальных расходов государства, роста неопределенности, кризиса разных сфер жизни общества – значительная часть человечества находится перед перспективой потерять рабочее место, остаться без средств к существованию.

В недавнем прошлом исследователей волновал вопрос, что будет делать человечество, если не нужно будет работать. Сокращение

¹⁹⁵Ibid.

потребности в рабочих руках представители философии техники связывали с успехами технического развития. Об этом в середине XX столетия писал французский персоналист Э. Мунье¹⁹⁶, к сокращению рабочего времени призывал антитехницист-революционер Ж. Эллюль¹⁹⁷. Подобные перспективы рисовали писатели фантасты.

Однако в современных условиях этот вопрос, не утратив своей актуальности, обретает более тревожный характер. Что будет с той частью человечества, чей труд не будет востребован?

Французский социолог и экономист А. Горц предлагал введение пособия на существование. В его понимании оно должно не только помочь справиться с разнообразными паузами в трудовой занятости, но также дать людям формы самодетельности, социальное и культурное значение которых не измеряется в экономических категориях¹⁹⁸.

Возможным решением растущего уровня безработицы или одним из подходов к решению проблемы незанятости, угрожающей распространению бедности во всем мире, может стать введение безусловного дохода, гарантирующего необходимую для выживания сумму денег каждому гражданину, вне зависимости от его занятости.

Причины, по которым введение безусловного дохода активно обсуждается в политических кругах последние 20 лет, крайне различны.

Считается, что такие меры помогут решить проблему бедности, технологической безработицы и экономического неравенства. Гарантированный безусловный доход приведет к снижению затрат на администрирование социальных программ ввиду отсутствия необходимости в проверках пригодности и позволит людям заниматься любимым делом, игнорируя требования рынка.

В то же время отмечается, что введение безусловного дохода крайне труднореализуемо из-за политической ситуации и требует огромных расходов. Кроме того, желание обладать безусловным доходом может открыть новую волну миграции (о чем предупреждают представители консервативной Швейцарской народной партии).

¹⁹⁶ «До сих пор человечество жило в эпоху труда. Труд, даже если он вынужденный, является для большинства людей исключительно крепкой опорой, так что во время досуга они окажутся выбитыми из колеи, опустошенными. Вероятно, и мы уже это ощущаем, машина сможет положить конец эпохе труда: рано или поздно – какая разница – нам придется платить долги. Каждый, пусть даже в безотчетной тревоге, спрашивает себя: “Что мы будем делать, когда нам нечего будет делать?”» (Мунье Э. Обвинение машины // Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 433).

¹⁹⁷ Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 147–148.

¹⁹⁸ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: НИУ ВШЭ, 2010. С. 38.

Отметим, что это всего лишь ряд мер и возможных сценариев преодоления неопределенности и нестабильности в сфере занятости. Даже если учесть плюсы такой помощи в профессиональной переориентации, приобретении знаний и навыков, необходимых для трудоустройства в новых условиях, все-таки чаще всего это, скорее, меры пассивного участия. И, как показывает опыт истории, следствием подобных практик становится социальное иждивенчество (случай Спинхемленда (1795), патернализм социальной политики СССР, WelfareState во второй половине XX в.)¹⁹⁹.

Общественный оплаченный труд – основание нового общественного договора. Что же делать, когда мир стал неудержимо меняться, и прежние стереотипы не работают? Продолжать следовать сложившимся стереотипам или попытаться перестроить свою жизнь, формируя новый образ жизни? Ведутся переговоры о перемещении промышленных производств на места их исходного пребывания. В тоже время идут процессы самоорганизации, распространяются практики солидаризма. В условиях, когда имидж политики заметно падает из-за неспособности государства влиять на экономические проблемы, ослабевают роль политических партий; все шире распространяется движение политически активных граждан.

В европейских странах развиваются новые общественные объединения, основывающиеся на совместном ведении домашнего хозяйства и других видах кооперации. Фактически возрождаются ценности небольших сообществ на фоне развивающегося интернационализма и глобализации. В таких сообществах человек чувствует себя более нужным и значимым, нежели в государстве. Так тенденции к антинеолиберализму могут стать ключевым фактором в решении проблемы бедности и других социальных пороков. Подобные сообщества в идеале стремятся к воссозданию древнегреческого полиса²⁰⁰.

Практики гражданского общества как возможности преодоления последствий перехода к постиндустриальному труду в конце XX в. рассматривает и У. Бек²⁰¹. Социальный теоретик обращает внимание на перспективы общественного оплачиваемого труда как проявление гражданской инициативы.

¹⁹⁹ См.: Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005; Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису. М.: РГГУ, 2013.

²⁰⁰ Montanari A. New forms of solidarity and communalism // Third ISA Forum of Sociology. 2016.

²⁰¹ Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 266.

В этом ключе Бек пишет о необходимости создания системы новых гарантий; укреплении социальных сетей самоснабжения и самоорганизации²⁰².

Что же касается общественного оплачиваемого труда, то согласно У. Беку – это основание нового общественного договора: «Новый общественный договор должен был бы исходить из следующего: наш труд стал таким производительным, что его требуется все меньше, чтобы производить все больше товаров и услуг. Материально-социальная интеграция людей через наемный труд, конечно, как и прежде, имеет значение, но это уже не единственная форма»²⁰³.

Бек предлагает задуматься над тем, нельзя ли повысить престиж того, что проявляется повсюду как «ангажированность гражданского общества в социобиотопах общества – как способность к самоорганизации, как интерес к политическим проектам, выпадающим из поля зрения институтов, – чтобы помимо наемного труда возник второй центр активности и интеграции: *общественная работа, гражданский труд*»²⁰⁴.

Так, Бек ставит вопрос о необходимости самоорганизации гражданского общества, о способности к самоорганизации, которая неизбежно требует проявления социального активизма.

Какую же работу социальный мыслитель рассматривает в качестве гражданского труда и почему этот труд может стать основой нового общественного договора? «Работа по уходу за престарелыми, инвалидами, бездомными, больными СПИДом, работа с неграмотными, с изгоями общества, участие в природоохранных акциях и многое другое, – пишет Бек, – все это осуществлялось до сих пор на общественных началах; надо сделать эту работу “видимой” экономически, т. е. оплачивать (например, в форме гражданского пособия, размеры которого примерно соответствуют социальному пособию). Общественная работа могла бы сделать города обитаемыми, прилагаемую энергию – эффективнее используемой, демократию – живее»²⁰⁵.

«Общественную работу нужно организовать в такой форме, чтобы она не оказывалась простым отстойником для безработных: она должна быть привлекательной для всех <...> Речь идет не о том, чтобы заменить этим наемный труд, но о том, чтобы дополнить его»²⁰⁶.

²⁰² Там же. С. 243–245, 246.

²⁰³ Там же. С. 243.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же. С. 243.

²⁰⁶ Там же. С. 244.

Интересно, что во введении общественных инициатив, гражданского труда Бек видит способ заинтересовать молодежь. Учитывая, что НКО берутся сегодня за самые разные сферы деятельности, обращаются к решению задач, которые по многим причинам недоступны даже городским органам управления, НКО имеют возможность обратиться к решению самых частных задач, привлекают волонтеров, небезразличных к нуждам ближайшего окружения. Одна из проблем современного общества – воспитание молодежи, участие в гражданском труде – один из путей воспитания гражданской ответственности, сострадания, взаимопомощи. «Гражданская работа стала бы, в конце концов, возможно, одной из трех опор – наряду с трудом по найму, служащим основной экономической гарантией, и частной работой, – на которых стоит воспитание и/или самореализация. – пишет Бек. – Гражданская работа не обязательно должна встраиваться в национально-государственные рамки и могла бы поддерживать и обогащать транснациональное гражданское общество, его сети и социальные движения. Такие занятия – как в “Гринписе” или “Эмнести интернешнл” – привлекательны для молодежи»²⁰⁷.

Итак, налицо, – продолжает Бек, – «два принципа – *добровольность*, или *самоорганизация*, а также *общественное финансирование*, – которые могли бы сделать из гражданской работы привлекательную альтернативу»²⁰⁸.

Проблема финансирования общественных работ. Бек ставит вопрос: откуда взять деньги? Гражданский труд не должен и не может решить все финансовые проблемы, компенсировать сложности ресурсного обеспечения, если речь идет о новом общественном договоре. Как и во времена Т. Гоббса, новый общественный договор предполагает участие всего общества в решении острых социальных проблем. Общественный договор не становится договором отверженных – это договор в рамках всего социума.

Так, согласно Беку, нельзя снимать со счетов возможность налоговых льгот, благотворительных союзов, различных немонетарных источников²⁰⁹.

Для всего этого необходимо политическое понимание, способное преодолеть монополию на политику, которой обладает государственная

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же. С. 244–245.

²⁰⁹ Бек У. Указ. соч. С. 245.

система: «Надо найти и правильно уравновесить новое разделение власти и труда, например, между государственной системной политикой и (транс)локальным гражданским обществом. Укреплять гражданские общества, перешагивая границы, не означает взваливать на них с помощью коммунитаристской демагогии все нерешенные побочные проблемы бюрократической волокиты. Укрепление гражданских обществ означает, что за возросшей самоответственностью следует перемещение власти от центра в регионы, в города; одновременно гражданские инициативы благодаря гражданскому пособию делаются самостоятельными в материальном отношении и становятся дееспособными»²¹⁰.

В этом ключе Бек пишет о необходимости создания системы новых гарантий; укреплении социальных сетей самоснабжения и самоорганизации; выдвижении и постоянной актуализации вопросов экономической и социальной справедливости в мировом масштабе в центрах глобального гражданского общества²¹¹.

Итак, серьезные перемены, которые переживает современное общество, требуют кардинальных решений, поиска новых форм организации жизни общества, нового образа жизни. Нестабильность в труде и занятости, в социальной защищенности неизбежно инициирует человека на поиск необходимых решений.

Жизнь диктует свои правила и требует встраиваться в сложившуюся ситуацию, какой бы текучей она ни была. Все более востребованными становятся качества человека как гражданина, понимание необходимости перестройки в рамках сообщества, солидарности, объединения усилий для решения возникающих социальных и экономических проблем.

Надежды на патернализм и заботливость государства не выдерживают вызовов современной ситуации. Вопрос индивидуального/группового участия граждан в решении социальных проблем уже давно на повестке дня.

В этих условиях на передний план выходит вопрос консолидации гражданских сил, проявления социального активизма, лидерства, самоорганизации как новой коммуникативной системы, претендующей на роль и функции традиционной политической системы, ее партнера, а возможно и конкурента.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же. С. 266.

Глава двенадцатая. Сегал А.П. Сетевая манифестация vs несетевая манипуляция.

Традиция написания научного текста предполагает некоторую степень отрешенности, или, говоря словами В.Б. Шкловского, «остранения» - и соответствующую форму выражения: третье лицо единственного числа («автор считает») либо второе – множественного («мы считаем»). Однако сама тема, которой посвящен этот текст, требует большей личной включенности и в значительной мере обращения именно к *личному* опыту автора (что, впрочем, не исключает возможности «остранения», но иными, образными средствами). Поэтому (уже во второй раз за последние два года)²¹² мне приходится обращаться к форме эссе, – более «публицистичной» и образной, но оттого не менее серьезной.

Основная проблема, поставленная в данном исследовании перед экспертным сообществом, была сформулирована достаточно пространно, но суть ее сосредоточена в следующих двух вопросах: «Сохраняет ли протестный активизм в его социально-сетевом проявлении инвариантные черты протеста как обособленной коммуникативной системы, получившей свое начало еще в 60-х годах прошлого века? Или же на наших глазах возникает принципиально новая форма коммуникации...?»

На мой взгляд, существо проблемы можно было бы выразить короче и суше: насколько *форма* коммуникации меняет суть протеста?

Впрочем, попытки отвечать на любой из поставленных вопросов сразу упираются в неопределенность *предмета*. Действительно: что такое «протест»? Можно ли считать протестом пятистопный ямб и голодовку Васисуалия Лоханкина? Очевидно, да. А ребенок, валяющийся по полу в «Детском мире» после отказа родителей купить Беби Бон Русалочку или комплект «Щенячий патруль», – он протестует? Безусловно! Тогда где граница того протеста, который *естьнаш* предмет? Ведь протест обиженного мужа или обделенного ребенка тоже социален...

Конечно, по умолчанию понятно, что имеется в виду публичное массовое выражение недовольства каким-либо общественно значимым явлением, событием, действием. Но тогда какое событие, явление и т.д.

²¹² Первый раз это была чрезвычайно любимая мною большая статья в коллективной монографии «Взгляд из России: Размышления о мужестве лени и безделье. Труд и его судьба». См.: Сегал А. П. Свободное время свободного труда –или новые огораживания? // Взгляд из России: Размышления о мужестве лени и безделье. Труд и его судьба/ Blick aus Russland: Gedanken über den Mut zur Faulheit und zum Nichtstun- Die Arbeit und ihr Schicksal / Подред. А. В. Никандрова. — Издательство Московского университета Москва, 2017. — С. 100–133.

считать «общественно значимым»? И правильно ли говорить о протесте как «обособленной коммуникативной системе», возникшей лишь в 1960-х? А как же тогда движение луддитов начала XIX века или «марши пустых кастрюль» конца XIX?

Короче, как сказал бы управдом Бунша-Корецкий из известной булгаковской пьесы, «меня начинают терзать смутные подозрения»²¹³. Развеять их раз и навсегда можно было бы, имей мы перед собой сложившийся, ставший предмет, «органическое целое», каковое можно было *логически* разъять (анализ) и логически воспроизвести, «собрать» (синтез). Но мы и этого не имеем, ибо то, что собираемся рассмотреть, еще не определено *исторически*: исходя из гипотезы, легшей в основу поставленной проблемы, наш предмет находится в процессе возникновения и становления. (Я придерживаюсь иной точки зрения, но ее нужно доказывать, что я и постараюсь сделать по ходу дальнейших рассуждений). А пока перед нами небогатый выбор исследовательского инструментария: нам остается раскладывать протестные движения на составляющие – и смотреть, какой элемент поменялся, поменялся ли он качественно или количественно, и поменял ли качественно всю систему целиком.

Исторически социальные движения обладают различной степенью «новизны». Так, наряду с действительно новыми движениями: за гендерное равноправие (не путать с суфражистками или социалистическими женскими движениями XX в.), за права меньшинств, антиглобалисты, – в России присутствуют сообщества с весьма давней, еще советской историей: болельщики (в первую очередь спартаковские), националисты, экологическое движение, независимые профсоюзы²¹⁴. Автор прекрасно помнит, как вплоть до середины 80-х ежегодно 20 апреля случались драки между «спартаковцами» и «нациками». Безусловно, за прошедшие десятилетия перечисленные сообщества значительно трансформировались, но называть их «новыми» было бы неправильно.

²¹³ Михаил Булгаков. Иван Васильевич. Собрание сочинений в десяти томах. Том 7. М., "Голос", 1999. Действие третье.

²¹⁴ К примеру, «Соцпроф» и Независимый профсоюз горняков возникли в конце 80-х, в ходе протестных движений последних лет советского периода.

Факторный анализ протеста и радикализма

Факторы, предложенные к обсуждению, неравноценны с точки зрения их значимости для формирования «новых социальных движений». Однако для начала я попытаюсь охарактеризовать их в предложенной последовательности.

1. **Социально-экономические факторы**, безусловно, составляют глубинные основания любого движения, но при этом и *опосредуются* иными факторами, проявляются *через* них.

К примеру, **бедность** проявляется

а. как **отсутствие «социальных лифтов»** (т.е. *возможности* вырваться из бедности),

б. как **профессиональная невостребованность** (не только в силу умирания профессии, но и в силу наличия «резервной армии»²¹⁵ труда)²¹⁶

Оба этих фактора выступают и как *предпосылка* бедности, и как ее *следствие* (низкий уровень образования выходцев из бедных слоев).

Что же касается двух последних из предложенных к рассмотрению факторов: «*необразованности*» и «*трудностей при трудоустройстве*», - то их вряд ли можно признать таковыми. Поясню: и то, и другое есть, скорее, лишь *следствие* уже названных факторов - бедности и «отключенных социальных лифтов».

Впрочем, в любом случае налицо явный *порочный круг*: низкий уровень образования, доступного социальным низам, становится следствием их социального положения (см. выше) и... причиной их профессиональной неустроенности либо вообще безработицы. Однако в контексте единства исторического и логического круг этот оказывается «кажимым» - он разрывается в виток спирали, и мы видим результат продолжительного процесса развития, в ходе которого основание и обоснованное меняются местами, социальное неравенство и бедность как предпосылки наличного социального порядка воспроизводятся и становятся его моментами

Что же касается *протестной активности*, то, как уже давно известно, *прямого* воздействия на ее рост перечисленные факторы не оказывают.

²¹⁵ Маркс К. Капитал. Т1// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23, 643-677

²¹⁶ Мне могут возразить, что, напротив, резервная армия труда формируется *вследствие* профессиональной невостребованности. Но это как раз тот случай, когда исторически первое – основание - и обоснованное в ходе развития общества меняются местами. И сейчас человек, пришедший на рынок рабочей силы, застает *уже* сформировавшуюся резервную армию труда.

Приведенная выше социальная конфигурация описывает, как ни странно, ситуацию *относительного спокойствия*.

Социологи давно отмечают, что при описании протестной динамики практически всегда обнаруживается своего рода плато низкой протестной активности. Оно описывает ситуацию, когда большинство общества занято проблемами выживания, и ему больше ни на что другое не хватает сил и времени. Протесты начинают активизироваться, когда общество подходит к границам этого плато: либо набирает небольшой «подкожный жир», -и тогда заботы о хлебе насущном отчасти уступают место заботам о лучшем будущем; либо же подходит к краю экономической пропасти, - и тогда *пассивно* евыживание становится невозможным.

В сущности, государству, буде оно заинтересовано в «стабильности», понимаемой как отсутствие протестов, достаточно как можно дольше удерживать основную массу населения в ситуации борьбы за выживание. Однако мне уже приходилось отмечать, что человек, занятый по преимуществу вопросами выживания, руководствуется мыслительными схемами *добывающей* экономики. Трудовые усилия рассматривается им не как участие в общественном производстве, а как *добыча*— то ли денег, то ли иных средств к существованию. Человек рассматривает общество как объект, *из которого* можно эту добычу осуществлять, и если есть возможность делать это не трудясь — это делается. Таким образом, ситуация выживания воспроизводит первобытные мыслительные схемы и паразитическое отношение к обществу — причем во всех его частях. А это путь деградации²¹⁷.

2. Культурно-религиозно-этнические факторы, на мой взгляд, исторически инвариантны и не являются специфическими для *современных* протестных движений: религиозные и этнические конфликты сопровождали все «прогрессивные эпохи *экономической общественной формации*»²¹⁸, или, что то же самое, «антагонистические формы общественного процесса производства»²¹⁹ Непризнание культурного, религиозного или этнического своеобразия служило *поводом* для протестов, а в случае их успехов - обоснованием и формой серьезных

²¹⁷ См.: Сегал А. П. Свободное время свободного труда –или новые огораживания? // Взгляд из России: Размышления о мужестве лени и безделье. Труднигосудьба/ Blick aus Russland: Gedanken über den Mut zur Faulheit und zum Nichtstun- Die Arbeit und ihr Schicksal / Подред. А. В. Никандрова. — Издательство Московского университета Москва, 2017. — С. 100–133.

²¹⁸ Маркс К. К критике политической экономии: Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 7.

²¹⁹ Там же.

общественных преобразований и «гонений гонителей». Тут можно вспомнить и «95 тезисов» Мартина Лютера на двери Замковой церкви в 1517 году, и речь Мартина Лютера Кинга “IHaveaDream” со ступеней Линкольновского мемориала в августе 1963 года. С сожалением приходится признать, что нынешние протесты гораздо менее содержательны... Впрочем, об этом несколько позже.

3. Коммуникативные факторы, предложенные экспертам к рассмотрению, как мне кажется, вообще не могут рассматриваться в качестве таковых, поскольку в процессе их вербального определения нарушена причинно-следственная связь. В самом деле, протестующих и активистов формирует не специфическая среда общения, не «эксклудированность» из традиционных кругов общения, не отклонение запросов на контакты в вузах, на работе, в местах скопления людей. Если бы было так, то эти обстоятельства следовало бы отнести к группе психо-эмоциональных факторов: люди, которым отказано в контактах, собираются и громко «дружат против всех». На самом же деле ситуация обратная: юношеский нигилизм «а-ля Базаров», запальчивая категоричность (в любом возрасте), а также воинственная нетерпимость к инакомыслию выталкивают протестантов²²⁰ из коммуникационного процесса. Я это неоднократно наблюдал еще в самом начале 90-х, когда участники различных протестных акций были просто не в состоянии коммуницировать с окружающими именно по названным причинам – и посему их пропаганда не воспринималась.

В связи с этим вспоминается случай, произошедший в начале лета 1991 года. В подземном переходе к станции метро «Перово», что на перекрестке Зеленого проспекта и 2-й Владимирской улицы, стояли в пикете активисты РКРП, вдоль стены был растянут большой транспарант с известным есенинским четверостишием:

Если крикнет рать святая:

«Кинь ты Русь, живи в раю!»

Я скажу: «Не надо рая,

Дайте родину мою».

Надо сказать, что в то время в качестве анекдота ходило ироническое прочтение одной из строк этого стихотворения: «*Я скажу: не надо, Рая...*», - с намеком на Р.М. Горбачеву и ее чрезмерную, по тогдашним представлениям, политическую активность и влияние на мужа. Поскольку

²²⁰ Здесь и далее автор использует этот термин в его исторически исходном, хотя уже и устаревающем смысле: protestans (protestantis) - возражающий, несогласный

чета Горбачевых была постоянным объектом критики со стороны РКРП, я не отказал себе в удовольствии предложить им в порядке политической сатиры обособить слово «рая» запятыми, сделав его обращением. Но в ответ услышал абсолютно серьезное: «О каких запятых можно говорить, когда Родина в опасности!?» Впрочем, в «демократическом» лагере уровень коммуникативности был не выше. Возможно, стоит найти время для специального анализа текстов того периода, предназначенных для коммуникации, но игравших строго противоположную роль.

4. **«Когнитивные факторы»**, предложенные нам к рассмотрению, так же, как и предыдущая группа, мало подходят на роль факторов. Уровень образования и степень приобщённости к культуре, по моему опыту, мало коррелируют с протестной активностью. Мне приходилось наблюдать периоды активности как интеллигенции и студенчества (перестроечное время и начало 90-х), так и шахтеров (1989 – 1996), как пенсионеров, перекрывавших Транссиб в 1996-1997 гг., и грозивших перекрыть Ленинградское шоссе в Химках в 2007 году, так и рабочих завода «Форд» (начало 2000-х). Что уж говорить об участниках событий 1991 и 1993 гг.! В 1993 году мне и по собственным убеждениям, и по работе -как пресс-секретарю Председателя ФНПР -довелось непосредственно участвовать в событиях апреля-октября и наблюдать активность представителей, казалось бы, совершенно несопоставимых институций и групп – от «жириновцев» до «анпиловцев», от «баркашовцев» до анархо-коммунистов... Например, ФНПР и РПЦ тогда выступали посредниками в конфликте ветвей власти, и мне приходилось работать в тесном контакте с пресс-секретарем Отдела внешних церковных сношений МП В.А. Чаплиным...

Что же касается гипостазированной «специфической восприимчивости к страданию, свойственной интеллигентным и образованным людям», то эта гипотеза чрезвычайно далека от реальности. Достаточно вспомнить литературоведа, писателя, публициста и общественного деятеля, исследователя творчества Ф.М. Достоевского Юрия Карякина.

5 октября 1993 года в числе других представителей интеллигенции он подписал печально знаменитое «письмо сорока двух», одобрявшее расстрел парламента и призывавшее к внесудебным преследованиям политических противников – всё «во имя демократии», естественно. А через два месяца, в ночь на 13 декабря, он же встретил тот самый демократический выбор, за который сам же и боролся, «криком

души»: «Россия, одумайся! Ты одурела!». Впрочем, по сравнению с письмом этот крик выглядел уже как милая шутка... (Следует в скобках отметить, что на нынешнем мемориальном сайте Карякина оба эти эпизода скромно обойдены молчанием).

Из менее академичных случаев можно вспомнить «сердобольных», но чрезвычайно агрессивных зоозащитников, нападающих, причем уже давно, на людей, одетых в кожаную и меховую одежду, или «добрых» людей, содержащих десятки собак и кошек в многоквартирных домах. (Я имел печальный опыт соседства с таким персонажем). Можно вспомнить воинствующих «чайлд-фри», самовлюбленных представителей «офисного планктона» и богемы. Ну и, наконец, вспомним политического долгожителя Александра Никонова - одного из ведущих программы «Вежливые люди» на телеканале НТВ, лауреата Беляевской премии, награжденного медалью Пушкина. Этот господин, претендующий на позицию интеллектуала «праволиберальных, трансгуманистических и либертарианских убеждений», призывал к умерщвлению новорожденных с патологией мозга, выступал за легализацию наркотиков и широкое внедрение обсценной лексики. Ну что же, действительно «специфическая восприимчивость к страданию»!

5. Психо-эмоциональные факторы, конечно же, играют яркую роль в деятельности лидеров протестных движений. Здесь можно вспомнить теорию пассионарности Льва Гумилева, а можно - и «Письмо в редакцию... с Канатчиковой дачи» Владимира Высоцкого: «Настоящих буйных мало – вот и нету вожаков!»

Однако, на мой взгляд, эти особенности можно рассматривать лишь в ряду *предпосылок* протестного активизма, причем явно *ни* необходимых *-ни* достаточных. Действительно, «индивидуальная агрессивность, чрезмерная эмоциональность, слабохарактерность, подверженность чужому влиянию, или наоборот, чрезмерные лидерские амбиции или честолюбие» - всё это может выплеснуться в активизм, компенсироваться в нем, -но не с железной необходимостью. Точно так же отсутствие поименованных черт не означает невозможности стать участником протестного движения.

Для того чтобы предпосылки актуализировались, необходимо стечение определенных обстоятельств... «Вот! – скажут авторы предложенной исследовательской парадигмы, - Мы же именно к этому и вели! Нынешнее протестное движение как раз отличается *качественно*

от прежних наличием практически "волшебного средства", по Проппу²²¹, - этакого золотого яблока на серебряном блюде, Интернета и социальных сетей, находящихся и связывающих потенциальных протестантов воедино в мгновение ока!»

6. Действительно, сегодня модно в качестве чуть ли не важнейшего, системообразующего фактора рассматривать **«сетевое рекрутирование, вирусное распространение информации в сети, провоцирующие "активистские" ответы»**.

Действительно, посредством сетевых *инструментов*, в первую очередь, социальных сетей, можно довольно быстро собрать большие группы людей, недовольных чем-либо. Но тут есть **два возражения**:

а. Сетевая система оповещения и организации гораздо *старше Интернета*. Она существовала во многих структурах и корпорациях, в особенности в законспирированных революционных организациях: бланкисты, революционные народники, большевики.

б. Но если бланкисты работали по алгоритму узкой заговорщической иерархической организации, имеющей лишь деструктивную цель – разрушить тогдашнее общество, то уже народники (а затем эсеры) и тем более большевики имели сформулированные позитивные (не только деструктивные, но и конструктивные) программы и **цели и массовую членскую базу**, эти цели принимающую.

Сетевой же рекрутинг, как это ни странно, возвращает протест на уровень стихийности и, что существеннее, *отрицательной определенности* того, против чего он направлен. Другими словами, с упразднением (снятием)*предмета* протеста должен быть упразднен (снят) и его *субъект*. Но этого не происходит, и тогда протестант становится *субъектом беспредметного протеста*, этакой социальной болванкой, «полуфабрикатом протеста», который можно продать под нужные задачи. Это напоминает безликие заготовки для клонирования из фантастического триллера Роджера Споттисвуда «6-й день». В этом фильме главный злодей, Майкл Дракер(исп. Тони Голдуин), будучи смертельно ранен, пытается клонировать себя, но в результате погибает вместе с собственной недоделанной скользкой копией.

Впрочем, в протестном направлении практика повторного использования субъектов с достигнутой (а потому снятой) целью зашла гораздо дальше самой фантастики.

²²¹Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. / Редакция, комментарий, ука-затель И.В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 2003. – С. 42-43

Вот один пример. Как известно (теперь это уже история), 22 ноября 2004 года, после объявления результатов второго тура президентских выборов, на Майдане (киевской Площади Независимости) начали собираться сторонники В. Ющенко. Протестующие установили несколько десятков палаток и начали бессрочный митинг протеста, получивший в дальнейшем имя «Оранжевой революции». Кроме того, участники протестов заняли для проживания несколько этажей в Доме профсоюзов (сгоревшем во время «Евромайдана» в 2014 году). Участники митинга, и в особенности обитатели палаток, получали продуктовое и, по ряду свидетельств, денежное довольствие, медпомощь и горячее питание за счет пожертвований физлиц и различных фондов.

К январю 2005 года целью протеста была достигнута, состоялось переголосование («третий тур»), Ющенко выиграл с перевесом в 8 процентов, принял присягу...- но Майдан не расходился. На газонах горели костры, работали полевые кухни, люди спали вповалку в коридорах Дома профсоюзов, стирались и мылись в его туалетах и редких душевых... Быт, хоть и без особых удобств, был налажен. Куда уезжать? В карпатские сёла? В маленькие городишки Ровенщины и Закарпатья? Без работы и перспектив? Так неожиданно боевой протестный отряд Ющенко стал его проблемой. Но на самом деле ничего неожиданного тут нет: задача протеста решена, но все уже привыкли к самому процессу, почувствовали себя «спецами» в этом вопросе. И протестанты пошли в бизнес.

Мне и киевским коллегам по коммуникационной отрасли приходилось лично наблюдать сформировавшиеся в тот период группы почти профессиональных протестантов – с наработанной методикой и четким разделением труда. Можно было заказать пикет, митинг, палаточный городок и даже эксклюзивную услугу – активистов, бросающихся под колёса автомобилей, выезжающих, например, со стройки на спорной территории. Описаны случаи, когда один и тот же человек участвовал в трех митингах за день, получая за каждый по 50 гривен (по тогдашнему курсу – примерно по 10 долларов). К тому времени относится интересное «ноу-хау»: в качестве флагштоков профессиональные протестанты начали использовать складные карбоновые удилица – прочные и, главное, лёгкие. Сменил полотнище – и на следующий митинг!

Выводы

Итак, что такое «новые социальные движения», и каков портрет их сторонника?

Заметим, что сопоставление протестных и радикальных движений столь же некорректно, как сравнение тёплого и зеленого: это сравнение по двум разным основаниям. Кстати, «гражданский активизм» – это характеристика уже по третьему основанию.

Насколько я понимаю, гражданский активизм – это не только и не столько протестное движение, сколько борьба за права. Он имеет позитивную цель, -но при этом может быть, а может и не быть радикальным. Радикализм – это форма и метод.

Вот, собственно, суть различия между гражданским активизмом и радикализмом

Критерии принадлежности движению, как мне кажется, - тоже надуманная проблематика.

Ибо спор о том, кого считать реальным участником движения, тоже базируется на определенном логическом передергивании.

Если говорить о *движении*, то принадлежность к нему чаще всего ситуативна, поскольку движение, в особенности протестное, строится вокруг *одного* вопроса (группы однородных вопросов), связанных с *отрицанием* явления, института, порядка и/или их совокупности.

Если же определена *система* целей и определена последовательность их достижения, то можно вести речь о более серьезной организации, вплоть до партии. И тогда членство в этой организации может определяться по более строгим критериям. Классическим и подходами в этом случае остаются подходы В.И. Ленина и Ю.О. Мартова, озвученные в 1903 году на Псьезде РСДРП и расколовшие ее на фракции большевиков и меньшевиков. Напомню, что Ленин выдвинул три критерия членства:

1. признание программы и устава,
2. уплата членских взносов,
3. работа в одной из партийных организаций.

Мартов ограничился первыми двумя требованиями.

Безусловно, чем сложнее и глубже система целей, тем строже критерии принадлежности к организации.

И если для широкого протестного движения т.н. «интернет-причастность» может быть достаточным критерием участия, то для реальной политической организации интернет – всего лишь *один из каналов* коммуникации между членами и структурами организации.

Участие в акциях протестных или радикальных движений, безусловно, содействует достижению целей этих движений. Но, повторим,

по достижении этих целей лидеры радикальных движений, как правило, не спешат их сворачивать и часто начинают «торговать» их услугами.

И теперь о самом неприятном.

С глубоким сожалением констатирую, что на сегодня наиболее перспективны и жизнеспособны праворадикальные движения. Они не отягощены сложным целеполаганием, обращаются к обыденному сознанию и, опираясь на очевидное для последнего, непосредственно данное, предлагают простую картину мира с персонализированными врагами.

В свете этого тезиса следует рассмотреть возможности формирования и формулирования альтернативных позиций. Но об этом – в следующий раз.

Глава тринадцатая. Родин А.В. О формах и уровнях участия в протесте

1. *Рассуждая об особенностях распространения протестных, в том числе и радикальных идей, необходимо обратиться в первую очередь к реконструкции портрета носителя протестных настроений. Главным образом – к определению критериев принадлежности активистов к протестному движению. В этой связи мы бы хотели узнать Ваше мнение о ряде актуальных проблем исследования протестного активизма.*

1.1. В первую очередь, давайте определимся с тем, что Вы могли бы назвать основным квалифицирующим признаком принадлежности человека к протестному движению: формальное членство, неформальная опосредованная поддержка инициатив тех или иных протестных организаций, «молчаливое» сочувствие критическим идеям или что-то другое? Всегда ли протестные настроения человека выливаются в протестную активность? Можно ли считать сторонником движения тех, кто поддерживает заявленные движением цели, но не разделяет методы достижения целей движения?

Есть разные формы участия и разные уровни участия. Где ставить отсекающую планку, я не знаю — это вопрос методологии социологического исследования. Но в любом случае, на мой взгляд, речь должна идти о наблюдаемом активном участии в таких формах как: участие в протестных уличных акциях («согласованных» и «несогласованных», одиночных пикетах), формальное участие в оппозиционных организациях таких как «штабы» Навального, написание и подписание открытых писем с критикой существующего политического порядка, посещение открытых политических судебных процессов, действенная помощь политическим заключенным. Все, что касается только «оппозиционных настроений» и «молчаливого протеста» я не включал бы в эту категорию. Говорить о целях применительно к протестному движению целиком, на мой взгляд, имеет смысл только в самых общих словах (что, разумеется, сильно ограничивает возможности использования такого понятия в социологическом или политологическом анализе), поскольку консенсус в этом неорганизованном сообществе существует только по поводу нетерпимости текущего политического режима. Демократический консенсус, то есть идея о том, что желательное

политическое устройство должно быть демократическим в той или иной форме, является широким, но не универсальным. Тем более, в условиях невозможности легальной политической самоорганизации у протестного сообщества нет никакого консенсуса по более специальным вопросам, касающихся желательного политического режима.

1.2. Насколько тесной является связь между гражданским, в том числе политическим активизмом, и распространением среди активистского кластера общества протестных и даже радикальных идей, связанных с критикой актуальной социальной или политической повестки? Можно ли, на Ваш взгляд, говорить о принципиальном психологическом и социальном своеобразии сторонников протестных идей? Можно ли говорить о своеобразном типе «протестующей» личности, существующей в любом обществе, либо совокупность внешних факторов оказывает ключевое влияние на складывание протестных движений?

Этот пункт содержит два очень разных, на мой взгляд, вопроса.

Первый вопрос про идеологию. Ответ: Сильная приверженность к той или иной политической идеологии действительно во многих случаях приводит личность к политическому протесту по той простой причине, что существующий политический режим не допускает независимой политической активности в любой форме. Но это условие не является ни достаточным, ни тем более необходимым.

Второй вопрос про психологию. Я не знаю, коррелирует ли с активным участием в политике какой-либо психологический тип, но если опираться на мой личный опыт общения с политически активными личностями, то я никогда не замечал следов такой корреляции. В политике вообще и в протестной политической активности в частности есть очень разные люди. Чтобы участвовать в протестном движении сегодня нужна гражданская смелость и способность и желание рисковать. Но эти качества я считаю скорее моральными, чем психологическими.

1.3. Каким Вы видите себе ключевое отличие радикальных движений от иных форм активизма? Как Вам кажется, квалифицирующим признаком радикализма того или иного активистского объединения являются декларируемые цели или скорее практикуемые методы и способы достижения поставленных задач?

Политический «радикализм» это слово, которым пользуются силовые структуры режима для того, чтобы обозначить любую политическую активность (включая публичные высказывания), которая ставит своей целью изменение этого режима. Поэтому объемы понятий «протестное движение» и «политический радикализм» в официальном политическом дискурсе просто совпадает. В неофициальном и в частности в академическом дискурсе я бы просто не пользовался этим словом (термином) во избежание недоразумений.

1.4. А что, на Ваш взгляд, способствует одобрению и принятию личностью радикальных идей? Каким чувством/ аффектом / эмоциями чаще всего движимы участники радикальных движений: страх, гнев, сострадание или что-то другое? Можно ли говорить о том, что предпосылкой присоединения активистов к радикальному движению чаще прочих оказывается их собственное, личное, переживание, травма, ощущение несправедливости или персональное поражения в правах? Или же сторонников радикальных объединений скорее мобилизует сострадание к другим «пораженным в правах» или жертвам?

Я не готов обсуждать «радикальные идеи» без кавычек. Если говорить о том, что приводит людей в протест, на мой взгляд, нужно говорить о морали, а не о психологии. Тут имеют значение такие мотивы как чувство достоинства, стремление к справедливости, гражданская ответственность - которые напрямую не связаны с психологией.

1.5. Как Вы полагаете, содействует ли достижению целей, заявленных протестными объединениями, участие их активистов в тематических акциях, митингах, пикетах? Или такого рода активность способствует в большей степени внутренней консолидации активистского ядра вокруг заявленной проблемы?

По-моему, этот вопрос поставлен некорректно. Акции, митинги и пикеты способствуют достижению политических целей (впрочем, см. о целях выше в моем ответе на вопрос 1.1) и одновременно способствуют консолидации ядра. Это части одного процесса.

1.6. Давайте поговорим о современном – информационном контексте – и развития гражданского активизма, и распространения протестных настроений. Как Вы полагаете, можно ли говорить о том, что широкая доступность интернет-коммуникации, социальных сетей и мессенджеров, привела к интенсивному распространению практик гражданской активности. Можно ли говорить о том, что интернет упростил солидарное гражданское взаимодействие и расширил

активистскую базу? Считаете ли Вы справедливым тезис о том, что благодаря новым медиа значительно возросли возможности не только общения, но солидарного активизма, в том числе и протестного?

Я думаю, что новые медиа действительно увеличили возможности солидарного активизма, но одновременно дали властям и новые более эффективные средства контроля и подавления. Пока еще первый момент превалирует, но развитие интернета в последние годы во всем мире включая Россию идет в сторону наращивания средств и методов контроля. Поэтому я не думаю, что новые медиа что-то меняют в этом отношении в принципе.

1.7. Насколько значимым фактором распространения критических настроений сегодня, на Ваш взгляд, является интернет-коммуникация? Изменила ли интернет-коммуникация специфику гражданского активизма? Считаете ли Вы, что в современных информационных условиях принадлежность к движению определяется самими участниками, а не подчиняется правилам формального членства?

Интернет-коммуникация может быть средством, но не фактором распространения любых политических настроений включая критические. Интернет является такой же сценой политической борьбы как и традиционные медиа. Я не думаю, что интернет сам по себе что-то меняет в отношении формального и неформального членства в политических движениях и организациях.

1.8. Считаете ли Вы, что интернет-содействие или интернет-поддержка целям радикальных движений может приравняться к фактическому участию в активности движения? Считаете ли Вы, что интернет является средством коммуникации, действующим как аналог «вирусного распространения» целей движения?

Интернет это только средство коммуникации. «Фактическое участие» в протестном движении измеряется политической активностью и политической эффективностью независимо от того какие средства при этом используются.

1.9. Как Вы полагаете, расширяющаяся включенность многих носителей «активистского габитуса», в том числе и протестного, в информационную повестку тематического объединения или регулярное взаимодействие с другими его сторонниками в формате, например, активного обсуждения актуальных проблем в «тематических группах», способствует скорее реальной консолидации активистов, служит залогом их дальнейшей предметной деятельности, к встречам в офф-

лайн-пространстве и дальнейшей координации деятельности в реальном пространстве? Или интернет-общение напротив, наоборот, приводит скорее к «выпуску пара» в он-лайн пространстве?

Если отмотать 30 лет назад, то аналогичный вопрос можно было бы задать про политические разговоры «на кухне» и практику распространения политических анекдотов. Хотя у таких активностей и есть «терапевтический эффект», который можно назвать «выпуском пара», я думаю, что они поддерживают, а не тормозят, настоящий политический активизм(не являясь при этом его частью). Впрочем, никаких количественных данных для обоснования этого мнения у меня нет.

Глава четырнадцатая. Труфанова Е.О.. Знание и протест

Выстраивание портрета протестной личности – дело неблагодарное, поскольку любой подобный портрет грозит превратиться в стереотип. Участники протестов, хоть и сливаются внешне в единую толпу, по сути своей – весьма различны. Есть «профессиональные» протестующие – здесь не имеются в виду те, кто посещает протестные митинги за деньги (хотя и такие тоже есть, но их скорее можно отнести к «фальшивым» протестующим, поскольку ими движет мотив, с протестом никак не связанный) – речь идет об участниках протестных акций, которые участвуют в них просто «из любви к искусству», в независимости от повода той или иной акции. Есть «правозащитники» или просто люди с активной гражданской позицией, которые готовы выступать всегда «за все хорошее против всего плохого». Есть приверженцы определенных партий или движений, которые участвуют в протесте из партийной лояльности. Есть те, кто считает, что участие в определенных акциях означает принадлежность к определенному модному тренду, и если ты не поучаствовал – то ты «отстал от жизни». И, наконец, есть люди, которые не склонны к протестной деятельности, но выходят на акцию по одному-единственному поводу, коснувшемуся лично их. Поэтому трудно говорить о существовании такого особого типа личности как «протестная личность». Главная и, возможно, единственная черта, которая объединяет этих весьма различных личностей воедино – это их вера в эффективность протеста, в то, что голоса протестующих не только будут услышаны, но и будут приняты во внимание.

В основе протеста лежат различия, оппозиция «своего» и «чужого», требования признать «свои» ценности не менее, если не более значимыми, чем те ценности, которые разделяют «чужие». Чем более радикально расхождение этих систем ценностей, тем радикальней сам протест. Любой протест представляет собой несогласие, и, следовательно, выдвигает альтернативную точку зрения, воплощения которой в жизнь пытается добиться протестующий. Политический протест предполагает противопоставление себя власти с целью добиться изменений в проводимой политике по тому или иному вопросу. Множество крупных протестных движений было связано с борьбой за права отдельных социальных групп – женщин, представителей определенных рас, классов, различных меньшинств (этнических, сексуальных и т.д.). Помимо конкретных политических требований, за этими движениями стояли

требования более фундаментального характера – протестующие требовали не просто изменить отдельные статьи в существующем законодательстве, но требовали изменить мировоззрение, изменить общественное отношение к тем или иным проблемам, изменить *знание* членов общества о том, как устроен мир. В этой связи начинает обсуждаться вопрос о зависимости знания от власти, и пришедший из академической философии термин «эпистемология» (наука о познании) оказывается в центре политического дискурса. Протестные движения сопровождаются конструированием «неклассических» или альтернативных эпистемологий.

Альтернативные эпистемологии

То, что принято называть классической эпистемологией, связано с традицией новоевропейской философии, предполагавшей, что познание и критерии знания универсальны для всех людей. В последние десятилетия XX века эта точка зрения стала ставиться многими исследователями под сомнение. Можно выделить три основных линии атаки на классическую эпистемологию – со стороны феминистской философии (представители классической эпистемологии – мужчины и, соответственно, выражают взгляд на мир мужчин, исключая другие гендерные точки зрения), со стороны «черной» (или более широко – «колониальной») философии (философы из бывших колоний с неевропейскими культурами утверждают, что представители западной философии навязывают европейский взгляд на мир представителям других культур) и со стороны нео- и постмарксистских философов (утверждающих, что взгляд на мир пролетариата более точен и должен получить предпочтение перед доминировавшим ранее буржуазным взглядом или, хотя бы, получить равные с ним права)²²². Так, общей презумпцией оказывается утверждение о том, что претендовавшая на объективность, нейтральность и универсальность классическая эпистемология, является не более чем выражением определенной идеологии белых мужчин-европейцев, представителей господствующих классов. Критика классической эпистемологии и выдвижение на ее место так называемых альтернативных эпистемологий (женских, черных, «квир» и т.д.)²²³ становится результатом

²²² Mills Ch.W. Alternative Epistemologies // *Social Theory and Practice*. 1998. Vol. 14. No. 3. Special Issue: Marxism-Feminism: Powers of Theory/Theories of Power. P. 237–263.

²²³ Деблассио А. Новые тенденции в альтернативных эпистемологиях // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2010. № 1. С. 160–172.

вторжения политики в сферу исследований познания, любое знание объявляется политически ангажированным. Так, бэконовский лозунг «знание – сила» приобретает иное значение – не знание дает власть (над природой), а политическая власть детерминирует знание. Эпистемология становится «оружием» в руках «тоталитарного» или «тотализирующего» дискурса власти (как называют его многие представители альтернативных эпистемологий) против маргинализированных социальных групп.

Как сданной точки зрения применяется это «оружие»? Властное «большинство» претендует на то, что оно знает, как *на самом деле* устроен мир; наука, выступающая как «инструмент» власти, создает это знание и претендует на то, что оно объективно и универсально для всех. Но современная наука является частью определенной культурной традиции и не учитывает специфики мировосприятия других традиций. К примеру, «мужская» (как пишут феминистские исследователи – «маскулинная») наука игнорирует «женский» («фемининный») опыт, а европейская культура не учитывает особенностей восприятия африканцев. Соответственно, это ведет к поражению в правах и игнорированию интересов последних, поскольку их знание о мире представляется «неправильным» и отбрасывается. История развития науки, в том виде, в каком мы ее понимаем сейчас, сугубо европоцентрична, ее ключевые фигуры соответствуют популярному тропу о «белых мертвых мужчинах» (dead white males), указывающему, что в науке и культуре в целом приоритет несправедливо отдается мнению и взгляду на мир мужчин-европейцев, представителей уже ушедших эпох, как будто факты их принадлежности к мужскому полу, европейской культуре и проверки временем уже означают, что они обладают истинным знанием. Действительно, такой «перекос» являлся следствием определенного социального устройства, допускавшего к высшему образованию только мужчин, в результате чего женщины не могли внести свой вклад в развитие науки. Это только служило закреплению стереотипа о том, что женщина в принципе не способна заниматься наукой. Изменения в социальном статусе женщин (не в последнюю очередь в результате мощного суфражистского движения конца XIX-начала XX вв.) помогли частично побороть этот стереотип, однако его отголоски сохраняются и до сих пор. Неслучайно именно феминистское движение стало первопроходцем в области альтернативных эпистемологий, попытавшись сформулировать свою собственную феминистскую эпистемологию. За этим примером последовали и другие социальные

группы, требуя дать право голоса для высказывания не только политических требований, но и собственных систем знаний о мире, в том числе – и систем научных знаний, поскольку существующая наука была объявлена ангажированной властью, а сама возможность объективности в науке была поставлена под сомнение²²⁴.

«Голоса» и «взгляды»

Понятие «голоса» становится одним из центральных для альтернативных эпистемологий. Оно подразумевает не просто право на высказывание своей позиции определенной социальной группой (как правило – маргинальной, т.е. противопоставленной позиции «власти», позиции «большинства»), но и право на то, чтобы эта позиция была услышана всеми и принята за равноправную с позицией «большинства». Это не просто призыв обратить внимание на проблемы или интересы определенной социальной группы, это требование рассматривать специфичное для данной группы видение мира как равнозначное с прочими. В этом видится подлинное воплощение демократического принципа. Однако это, несомненно, общественно важное, действие – защита прав меньшинств, прав «слабых» и угнетенных, трансформируется в жесткое противопоставление различных социальных групп друг другу. Потому что каждая из этих групп настаивает на принятии именно своей точки зрения на мир, не желая идти на компромиссы. Подобная позиция отрицает саму возможность поиска общечеловеческих универсалий. Она ведет к замыканию социальных групп в своих индивидуальных картинах мира, и, парадоксальным образом, к непринятию альтернативных точек зрения, к атомизации социума, где каждая социальная группа становится самодостаточной монадой. Более того, подобное равноправие в любом случае требует оговорки, иначе мы соглашаемся с тем, что, к примеру, точка зрения неонацистов или каннибалов, ничуть не лучше и не хуже точки зрения матерей-одиночек или представителей малых народностей. В случае же с научным знанием выходит, что мы должны принять альтернативные «научные» системы, не пытаясь критически рассматривать их с помощью разработанных в «европейской» науке критериев научного знания, поскольку эти критерии также будут считаться ангажированными

²²⁴Труфанова Е.О. «Ситуационное знание» и идеал объективности в науке // Эпистемология и философия науки. 2017. № 4. С. 99–110.

и предвзятыми. Таким образом, отрицая возможность универсальных человеческих ценностей, мы попадаем в ловушку вседозволенности.

Помимо понятия «голоса», можно выделить еще несколько ключевых понятий из «словаря» альтернативных эпистемологий. Это «видение»/ «взгляд»/ «оптика» / «линза», а также «предвзятость». Обвинение в «предвзятости» – это главное обвинение, которое предъявляется так называемому «большинству». В представлениях сторонников альтернативных эпистемологий, «большинство» – это белые гетеросексуальные мужчины-европейцы, решившие, что их «взгляд» на мир является неопровержимым истинным *знанием* о мире. Они могут не представлять собой количественное «большинство», но являются большинством «качественным», поскольку в первую очередь именно в их руках сосредотачивается политическая власть, а, следовательно, именно их «взгляд» ложится в основу провластной идеологии. Понятие «взгляд» вбирает в себя целую совокупность смыслов – прежде всего подразумевается, что человек оценивает мир, видя его со своей уникальной позиции, и эта позиция является специфической «линзой», увеличивающей одни объекты и уменьшающей другие, искажающей мир специфическим образом. К слову сказать, еще Фрэнсис Бэкон, служащий постоянным объектом критики, в частности, феминистских исследователей, таких как, к примеру, И.Ф.Келлер, как воплощение традиции маскулинной рациональности²²⁵, писал об «идолах познания», подразумевая приблизительно это же затруднение в познании – невозможность выйти за пределы своей «пещеры». Бэкон, впрочем, был познавательным оптимистом, и полагал, что с этими затруднениями можно и нужно бороться, тогда как с точки зрения представителей альтернативных эпистемологий выйти за пределы своего «видения» практически невозможно, оно запирает нас в узко-определенной познавательной ситуации, и наше знание за пределами нашей социальной группы теряет свою значимость.

Альтернативные эпистемологии, как представляется, ставят перед собой неправильную цель. Вместо того, чтобы стремиться показать, в чем именно их точка зрения может совпадать с точкой зрения большинства, искать точки пересечения, которые могли бы убедить большинство пересмотреть какие-то стереотипы, альтернативные эпистемологии предлагают противопоставить себя «большинству», они настроены

²²⁵ Keller E.F. Reflections on Gender and Science. New Haven: Yale University Press, 1985. 212 p.; идр.

на противостояние, а не на разрешение конфликта: разрешение конфликта в данной ситуации было бы возможно только при нахождении общих оснований.

Массовые коммуникации и трансформации общественного сознания

Не последнюю роль в процессах формирования альтернативных эпистемологий играет изменение информационной среды. Благодаря высокой коммуникативной активности современного человека, поддерживаемой с помощью средств телекоммуникации, индивид погружается в огромное количество предлагаемых ему культурных образцов для идентификации – разных стилей жизни, разных систем ценностей и т.д. Оказываясь в ситуации сложного выбора, индивид теряется и возникает эффект, который очень точно описал Эрих Фромм в «Бегстве от свободы»²²⁶ – человек испытывает страх перед ответственностью за принятие решений относительно своей жизни, и находит выход в идентификации с одной из социальных групп, которая будет в дальнейшем принимать решения за него. Присоединяясь к протестному движению, человек точно так же перестает принадлежать самому себе, он становится инструментом выражения определенного политического интереса. «Меньшинство», борясь со стереотипами «большинства», само привносит и защищает уже свои стереотипы, демонстрирует не равноправие картин мира, а настаивает на преимуществах локальных взглядов. К примеру, ряд авторов, вдохновленных марксистскими идеями о том, что знание зависимо от классовой позиции пролетариата, высказывал также предположение, согласно которому женщины, как угнетавшийся в течение долгого времени класс, обладают более острым чувством реальности, и, как следствие, их исследования будут более точными²²⁷. Это утверждение более чем спорно. Например, исследовательница феминизма Г.Нагль-Дочекал отмечает, что даже после укрепления позиций феминистского движения, многие женщины не чувствовали и не чувствуют себя угнетенными или

²²⁶Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2017. 288 с.

²²⁷Smith D. Woman's Perspective as a Radical Critique of Sociology // Sociological Inquiry. 1974. Vol. 44. № 1. P.7–13; Rose H. Hand, Brain and Heart: A Feminist Epistemology for the Natural Sciences // Signs: Journal of Women in Culture and Society. 1983. Vol. 9. № 1. P.73–90; Hartstock N. The Feminist Standpoint: Developing the Grounds for a Specifically Feminist Historical Materialism // Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Methodology and Philosophy of Science. Dordrecht, 1983. P.283–310.

ущемленными в правах и не понимают посыла феминисток²²⁸, отказываясь присоединяться к их протесту. Означает ли это, что они «не доросли» до понимания своего «истинного» положения, или же, что феминистский взгляд на мир не имеет никаких эпистемологических преимуществ перед другими взглядами и не меньше искажает мир, чем тот взгляд, с которым феминизм вступает в борьбу? Представляется, что взгляды угнетенных групп оказываются крайне пристрастными, сконцентрированными на своей «больной» теме, и в не меньшей, а то и большей степени подверженными предвзятости, чем взгляд «большинства».

Беспрецедентная доступность средств массовой коммуникации, мгновенность распространения информации из одного уголка планеты в другой, способствуют изменению коммуникативной среды современного человека и его видения мира – все далекое кажется близким, «чужие» культурные нормы становятся доступными. Это имеет двоякие следствия – с одной стороны, способствует открытости, но с другой – как уже было отмечено выше, чрезмерное многообразие выбора ведет к отказу от выбора, к фиксации на предложенном той или иной социальной группой «готовом образце» поведения, сформированном «под ключ» набором ценностных установок. Такие «готовые образцы» предлагаются в равной степени и властными идеологами, и идеологами протестных движений.

Появление массовых коммуникаций изменяет и сам стиль организации протестных движений. Здесь можно отметить два противоположных следствия. С одной стороны, возможности интернет-коммуникаций облегчают организацию протестных мероприятий, информирование как можно более широкого круга лиц о проведении той или иной акции, с другой стороны – обсуждение «горячих» тем, служащих поводом для протеста, в социальных сетях и на прочих интернет-площадках способствует сбрасыванию напряжения для ряда потенциальных участников – обсудив проблему в «публичке» некоторые люди уже не пойдут на митинг, потому что это уже перестало быть им интересным – например, они уже «выпустили пар» или же они поняли, что у них присутствуют расхождения во взглядах с организаторами и другими участниками акции, что нивелирует их желание участвовать в протесте. Также многие протестные движения теперь могут ограничиваться только сетевыми «флэшмобами» в поддержку определенной темы, без выхода на улицы. Тем не менее, эффективность подобных «протестов» может быть не меньшей, чем протестов уличных, поскольку они

²²⁸Nagl-Docekal H. *Feminist Philosophy*. Boulder, Oxford: West view Press, 2004. 250 p.

охватывают значительно большее число людей, в независимости от географии их проживания, их социального статуса и т.д. Такого рода протесты еще более эффективно выполняют функцию трансформации мировоззренческих картин, поскольку современный человек все больше видит мир через экран компьютера и меняется под воздействием Интернет-коммуникаций. Протест, таким образом, необязательно заключается в радикальных действиях с разбиванием витрин и поджиганием автомобильных покрышек, эффективность протеста не всегда исчисляется количеством людей, вышедших на улицу с плакатами. Излишне «ярый» гражданский активизм зачастую служит плохую службу протестующим – они воспринимаются как агрессоры и за отталкивающей многих людей агрессией исчезает понимание сути протеста, поскольку протест всегда выступает не только «против» чего-то, но и «за» что-то. Подлинным же результатом протеста является изменение общественного сознания, изменение того, что мы считаем знанием о мире, и современные средства коммуникации являются весьма эффективным инструментом для решения этой задачи. Преимущество в отстаивании своего взгляда на мир будет иметь тот, кто наиболее успешно сможет этим инструментом воспользоваться.

Заключение

Анализ эпистемологических проблем в контексте исследования протестных движений, как представляется, дает возможность лучше понять мотивацию участников протеста. Анализ альтернативных эпистемологий демонстрирует, что, во многих случаях, протестное движение не имеет возможности мирного разрешения, поскольку оно нацелено не на поиск общего, а на противопоставление и сохранение ситуации конфликта. По сути – протест представляет собой защитную реакцию протестующего на существование иных взглядов на мир, отличных от его, реакцию, которая выражается в самоизоляции и агрессии. Тогда как полезней было бы, признавая различия мировоззрений разных социальных групп, искать то, что нас объединяет. Нахождение компромиссов, снятие конфликтов, интеграция различных социальных групп в общий социум на условиях паритета – это задачи значительно более важные, сложные и требующие больших усилий, чем отстаивание уникальности своей позиции.

Глава пятнадцатая. Щербакова Е.В. О протесте и протестных стереотипах

Говоря о современных формах протестных движений, следует помнить о различии между протестной активностью и протестными настроениями. Далеко не всегда соответствующие настроения людей выливаются в реальные политические действия. Часть недовольных властью, не пойдет на митинги и собрания и не будет никак участвовать в политической деятельности. Стоит также заметить, что формальное членство не является обязательным признаком принадлежности к тому или иному радикальному движению. Многие из них существуют не институционально, а политическая идентичность складывается в первую очередь из понимания индивидом публичного интереса и общественного блага, а также методов их достижения. Поэтому гораздо более важным признаком оппозиционера оказывается готовность человека посвятить себя протестной деятельности. Также не следует считать, что все сторонники тех или иных идей одобряют любые методы их реализации. Например, что все оппозиционеры – это люди, готовые на любые шаги, лишь бы добиться смены неугодной власти. В качестве иллюстрации можно использовать концовку фильма Б. Бертолуччи «Мечтатели», в которой изначально идейно близкие молодые люди, во время студенческих волнений в Париже 1968 г. расходятся в связи с разным видением возможных методов достижения этих целей (точнее, по вопросу о допустимости применения насилия).

Мне хотелось бы рассмотреть еще несколько существующих в обществе стереотипов по поводу сторонников протестных движений. Например, представление, что недовольны сложившимся положением дел те индивиды, которых имеющаяся социальная ситуация притесняет сильнее других, а также те, которым не хватило умения адаптироваться к существующему положению вещей – в первую очередь, бедные и неуспешные. В рамках данного видения, люди, которым «есть что терять», ввязываться в политическую борьбу не будут. Это утверждение не совсем верно. История Российской Империи содержит множество примеров обратного (можно вспомнить хотя бы декабристов). Действительно, часто именно дворянство симпатизировало революционным идеям, в то же время, не являясь самым угнетенным классом. Эти настроения хорошо описаны в работах Ф.М. Достоевского, где раскрыт внутренний мир оппозиционно настроенной

аристократической молодежи (вопроса о том, насколько осознанно и из каких побуждений она симпатизировала революционным идеям, мы коснемся позднее). Еще А. де Токвиль в своей работе «Старый порядок и революция», посвященной анализу Великой французской революции, показал, что протестные настроения характерны не для максимально слабых и угнетенных, а для людей, которые способны осознать то, что они имеют права, в том числе право на свое мнение относительно происходящего.

Есть также представление, что сторонники оппозиционных движений через участие в их деятельности на самом деле решают свои внутренние проблемы (например, вымещают свою личную злость и отчаяние). Иногда цели протестного движения действительно могут приниматься его участниками в связи с необходимостью решения личных задач. К примеру, традиционно считается, что в основном склонны к подобным настроениям молодые люди. В самом деле, обычно именно для молодежи и, в первую очередь, подростков характерно категорическое неприятие действительности в различных ее аспектах и желание радикальных изменений. Это связано с задачами данного возрастного этапа, когда необходимо отвергнуть ценности родителей, которые раньше юноша или девушка безоговорочно разделяли, и сформулировать собственное отношение к жизни. Психологический анализ О. Кернберга, пытающийся провести параллель между психологическими особенностями и политическими предпочтениями индивида, пришел к выводу, что от типа личности зависит не столько содержание избранной идеологии, сколько стиль политического мышления. Так, однозначность и категоричность суждений, деление ценностей на однозначно позитивные и совершенно неприемлемые, абсолютизация своих идеалов, агрессия и ненависть по отношению ко всему, что им не соответствует, по его мнению, характеризует одновременно тяжелую патологию характера и особенности некоторых идеологий. В таком случае приверженность им может характеризоваться настолько сильным стремлением к воплощению своих идей, что будет принимать формы фанатизма и даже садизма. Стоит оговорить, что вовсе не все протестно настроенные люди характеризуются однозначностью и категоричностью суждений, и склонны к фанатичным настроениям, и в то же время подобные проявления встречаются среди приверженцев самых разных, необязательно оппозиционных взглядов (а также среди представителей разных возрастов). Как отметил А.Ф. Филиппов: «Наше общество не осмысливает себя теоретически — у нас в стране пока нет

такой традиции». А если нет привычки осмысливать происходящее в обществе теоретически, то получается, что часто это делается на основе домыслов и предрассудков, под влиянием разного рода аффектов. Представители всех политических взглядов в конечном итоге выиграли бы, если бы начали смотреть на социальные процессы более рационально. Для осуществления этого проекта, помимо прочего, необходимо более глубокое изучение социальной теории.

Кажется само собой разумеющимся, что для того, чтобы люди были готовы поддержать радикальные устремления, необходим достаточно сильный уровень недовольства имеющимся положением дел или сильный страх перед происходящими переменами. Чем сильнее аффект, тем более жестокие интенции характеризуют это состояние, и тем более радикальные меры могут казаться осмысленными. При этом испытывать данные чувства могут как оппозиционеры, так и сторонники власти (например, они могут быть недовольны теми же самыми оппозиционерами). Психолог М. Кляйн предлагает выделять две основные группы психических защит - параноидно-шизоидную и депрессивную позиции. Для первой позиции характерно расщепление на хорошее и плохое, а также страх преследования. У находящегося в ней индивида просыпаются тревоги примитивной природы. Также ей свойственна внутренняя деструктивность, проецируемая в другого, который становится ненавидимым и преследующим. Одновременно с этим примитивные либидинальные импульсы проецируются в иной объект, который идеализируются. На примере Третьего рейха мы видим, что такими объектами были евреи с одной стороны и партия, арийская раса - с другой. У человека в данной позиции возникают проблемы с символизацией, способностью к рациональному осмыслению происходящего, его мышление становится чрезмерно конкретным, что в свою очередь приводит к большей ригидности, а как результат - и к усилению тревоги. Для того, чтобы достигнуть депрессивной позиции, ребенку в свое время необходимо признать, что один и тот же человек фрустрирует и удовлетворяет его желания, что связано со способностью видеть сложность и неоднозначность человеческого взаимодействия, выдерживая амбивалентность. Это часто приводит к появлению чувства собственной вины, а затем и к возникновению репаративных способностей. Таким образом, для параноидно-шизоидной позиции характерна поглощенность собственным выживанием, и в то же время в ней отсутствует способность признания другого и заботы о нем, которая имеется у индивида,

находящегося в депрессивной позиции. Важно, что один и тот же человек может сменять данные позиции в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств. Находясь в одной из них, он будет использовать характерные для нее защиты, тип мышления и фантазий. Индивид может как достаточно быстро переходить из позиции в позицию, так и оставаться в одной из них в течение нескольких месяцев или даже лет.

Мы можем говорить, что в ситуации социальных волнений и нестабильности большая часть людей с определенной долей вероятности переходит в параноидно-шизоидную позицию. Вопрос, можно ли обойтись вовсе без радикальных мер, желая коренным образом изменить общество, остается открытым, однако принципиально важно, допускает ли возможный список этих мер нанесение физического вреда кому-либо или тем более убийство. Социальная ситуация, при которой повсеместно осуществляется насилие, опасна сама по себе. В недрах людей, ощущающих незащищенность и тревогу, связанную с выживанием, просыпаются «темные архаические силы», и процесс деструкции становится сложно остановить. Фрейд писал о том, что в условиях массовых волнений и жестокости снижается контролирующая способность Сверх-Я в человеческой личности, и на волю выходит Ид – инстанция, не имеющая принципов морали и не знающая жалости. Многочисленные примеры демонстрируют жестокость взволнованной толпы. Существуют также немало исторических наблюдений, показывающих, что после революционных процессов в обществе к власти приходили тираны (о подобном пишут в своих работах Х. Арендт и А. де Токвиль). Таким образом, признаком радикализма, на мой взгляд, являются в первую очередь не содержание предлагаемых идей, а методы, избранные тем или иным движением для достижения своих целей.

Что касается интернет-коммуникации, то она может играть двоякую роль в политическом процессе, выступая, с одной стороны, как мощный консолидирующий фактор, орудие пропаганды, позволяющее убедить людей в справедливости тех или иных идей и в итоге вывести их «на улицу», а с другой – как своеобразное средство разрядки недовольства, снижающее вероятность его реализации в политических акциях. Люди могут вылить свое возмущение, неприятие и даже злость в интернет-дискуссиях, что определенным образом отдалит их от того, чтобы предпринять активные действия в реальности. Вместо того, чтобы стремиться каким-либо образом изменить действительность, человек может поставить себе иную цель – например, переубедить своего

интернет-оппонента, выиграть в споре. М. Хоркхаймер и Т. Адорно описывали, как культуриндустрия способна отвлекать людей от осознания невыносимости их положения, предлагая большое количество легкодоступных удовольствий в виде теле- и радиопередач. Интернет сегодня предоставляет еще больше разнообразных возможностей для отвлечения.

Таким образом, в современном обществе появляется все больше видов интернет-зависимостей. Интернет-аддикция представляет собой паттерн стойкого ухода от реальности, который достигается путем изменения психического состояния в результате фиксации на каком-либо виде деятельности (в том числе псевдополитической) в сети интернет. Так, необходимо отличать кибербродяжничество (как проявление зависимости) от поиска полезной информации и общение в социальных сетях с определенной целью от представляющего собой аддиктивный способ поведения. Интернет-зависимость может выражаться и в нездоровой потребности к обсуждению острых политических вопросов в сети. Необходимо понимать, что склонные к интернет-аддикции люди обычно изначально не слишком ориентированы на достижения в социальной реальности. Они могут создавать иллюзию активной поддержки той или иной политической позиции, активно комментируя некое событие или сообщение, а фактически не являясь этой поддержкой. Понятно, что в данном случае мы говорим об определенном рода патологии, но, как заметила основательница отечественной патопсихологии Б.Ф. Зейгарник: «Нет ничего такого в патологии, чего не было бы в норме». Хотелось бы добавить к этой фразе пояснение: хоть и в меньшей степени. Если действительно страдающий от интернет-аддикции человек, избрав своей темой политические проблемы, будет днями и ночами участвовать в виртуальных дискуссиях и при этом может никогда не решиться на действия, то человек, не страдающий от данной патологии, все-таки в определенной степени реализует свое желание участвовать в политической активности в сети, что по крайней мере в некоторой степени отвлечет его от активности реальной. Кроме того, существует определенный диссонанс между личностью человека в жизни и в сети интернет. Некоторым людям комфортно вести так называемую «двойную жизнь» - быть спокойным конформистски настроенным гражданином в жизни и страстным революционером в сети, и таким образом реализовывать свой политический потенциал. Поэтому вывести человека, даже, казалось бы, солидарного с теми или иными идеями,

из онлайн в офлайн пространство не всегда просто. Чтобы интернет послужил организационным ресурсом должны быть единомышленники, которые будут убеждать друг друга в необходимости принятия мер в реальной жизни. Наибольшей ролью при этом обладают сообщения от значимых людей – друзей и близких, а также известных личностей, призывающих к тем или иным действиям. Получается, интернет, с одной стороны, безусловно, упростил солидарное гражданское взаимодействие, и это делает его инструментом, помогающим активистским движениям достигать своих целей, с другой стороны, он может служить бегству от политического действия.

Таким образом, следует различать людей, которых социальная ситуация каким-либо образом угнетает, людей, теоретически поддерживающих протестные движения, тех, кто готов участвовать в деятельности политических организаций и тех, кто допускает (или считает необходимым) применение радикальных мер (насилия в различном виде) для достижения поставленных целей. Получается, основным признаком сторонника того или иного политического движения является готовность участвовать в реальной политической деятельности, и в то же время не все сторонники политических движений (в том числе оппозиционно ориентированных) являются радикалами. Роль интернет-коммуникаций в современной политической деятельности также неоднозначна – она может выступать как мощным консолидирующим фактором, так и препятствовать подобной деятельности, предоставляя большое количество разнообразных возможностей для отвлечения от нее.

Глава шестнадцатая. Погожина Н.Н. Специфика социальных движений современности: как информационные технологии влияют на протест

Рефлексия о сущности новых социальных движений, их роли в формировании современной общественной, в том числе политической и экономической, повестки является значимой в силу того, что эти социальные движения масштабны, частично или полностью локализованы в *виртуальном пространстве*, в связи с чем некоторые позиции и идеи, разделяемые их активистами, могут иметь буквально вирусное распространение и приобретать все большее влияние на общественность.

Корни современных социальных движений следует искать в протестных движениях 60-70-х гг. прошлого столетия. Однако новые социальные движения разворачиваются в совершенно иных социально-политических и социально-экономических условиях, поэтому прежние объяснительные схемы, используемые социальными теоретиками, в их отношении частично не срабатывают или вовсе теряют свою актуальность. Если протестные движения 60-70-х гг. XX века концептуально выстраивались вокруг критики государства всеобщего благосостояния и осмысления феномена общества потребления, то на становление современных социальных движений ключевое влияние оказали следствия интенсификации процесса глобализации и развитие информационных технологий. Эти движения, безусловно, развиваются в логике системных сдвигов, происходящих в современности и затрагивающих все сферы жизни общества, которые находят свое отражение в многочисленных попытках теоретического осмысления и концептуализации в виде оформления подходов к современному обществу как к информационному / постиндустриальному / сетевому / информациональному / обществу постмодерна / обществу знания / обществу риска и тд. Таким образом, для того, чтобы обсуждать актуальные социальные движения, необходимо выделить ряд их сущностных признаков, тех отличительных черт, которые они приобретают в связи с вышеозначенными общественными условиями.

Очевидно, что говоря об уникальных характеристиках современных социальных движений, первостепенно нужно подчеркнуть их *сетевой характер и объектную отнесенность к виртуальной реальности*. Интернет – не просто удобный способ коммуникации и поиска

единомышленников, он порождает специфику формирования конкретных движений – киберактивизм, отдельные формы акционизма и гражданского активизма. Если предметно рассматривать проблемное поле, скажем, гендерной или феминистской дискуссии, а также частную (по отношению к означенным) проблему сексуального насилия, то примером сетевизации и виртуализации дискурса могут послужить телеграм- и YouTube-каналы фем-активисток, пользующиеся огромной популярностью, известный флешмоб «я не боюсь сказать» (в первоначальном украинском варианте - «я не боюсь сказати»), хештег и последующее движение «me too», а также недавний казус, имеющий все шансы стать прецедентом, - скандально известный слоган рекламной кампании спортивных товаров, который был придуман одной из авторов феминистского канала. Использование фразы, рассчитанной на относительно узкую аудиторию читателей канала в качестве слогана на уличных баннерах, страницах журналов, в Сети, привело к ее широкой тиражированности СМИ и стало поводом для оживленной общественной дискуссии о феминистских идеях и паттернах в рекламе²²⁹.

Подобные процессы виртуализации и сетевизации протеста свойственны и другим видам социальных движений. Активисты развивают краудсординговые и краундфандинговые проекты - ряд информационных площадок становится буквально «заточенным» на поиск финансирования для кампаний, хотя эти площадки изначально и не создавались с такой целью. Показательной в этом случае может выступить трансформация социальной сети Инстаграм, которая из приложения для обмена визуальной информацией превратилась в платформу для продвижения медиа-проектов, способ заработка и сферу бартерной рекламы.

Одним из механизмов развития социальных движений являются онлайн-платформы для создания петиций и сбора подписей в поддержку кампаний, масштаб которых поразителен. Так, петиция, созданная в рамках проекта «Гринпис» «Защитим Арктику» набрала 8 миллионов 770 тысяч подписей²³⁰. Также на официальном сайте движения помимо участия в волонтерских проектах существует отдельная опция, предлагающая стать онлайн-активистом. Заметим, что научный протестный активизм в современности также приобретает сетевые характеристики и виртуальную пространственную локализацию. К числу

²²⁹См. подробнее, например: URL:<https://www.forbes.ru/forbes-woman/372147-peresyad-s-igly-kak-rabotaet-skandalnaya-reklama> (дата обращения 28.03.19).

²³⁰URL:<https://www.peoplevsol.org/ru/savethearctic/> (дата обращения 28.03.19).

наиболее известных отечественных научных протестных движений и организаций можно отнести профсоюзы (МГУ²³¹, РАН²³² (который имеет свой YouTube-канал²³³) и тд.), Интернет-газеты («Троицкий вариант²³⁴»), общественные объединения («Общество научных работников²³⁵», «Санкт-Петербургский Союз ученых (СПбСУ)²³⁶») и сетевые сообщества («Диссернет²³⁷»).

Отдельно хотелось бы обратиться к анализу отечественного опыта развития волонтерских движений, в рамках которого можно отметить положительную динамику, связанную с формированием системного подхода к волонтерству как таковому. Безусловно, причина кроется не только в перенимании иностранного опыта²³⁸, но и в формировании «культуры помощи», рутинизации практик, уходе от стереотипов «жертвенности», «спасательства» (как психологического явления, часто возникающего при незнании принципов волонтерской помощи и несоблюдении условий психологической гигиены), постепенном разрушении стигм (например, в отношении сексуального насилия), популяризации индивидуальной терапии.

Информационное пространство влияет на организационную структуру социальных движений, позволяет людям довольно чутко и оперативно реагировать на те или иные общественные проблемы, а также порождает свое собственное проблемное поле (например, феномены кибербуллинга и киберсталкинга, в том числе в качестве реакций на киберактивизм). Таким образом, еще одним свойством новых социальных движений является их *гетерархичность*²³⁹ – вместо иерархического порядка, выстраивающегося в рамках отношения господства и подчинения, мы наблюдаем множество горизонтальных связей между системными элементами, суть которых сводится к взаимной координации действий, а не поддержанию властной вертикали. При описании структурных особенностей современных социальных движений рабочим выступает

²³¹URL: <http://opk.msu.ru> (дата обращения: 29.03.19).

²³²URL: <http://www.ras.ru/tradeunion.aspx> (дата обращения: 29.03.19).

²³³URL: <https://www.youtube.com/channel/UCCEEKB6ih5xhMnYtTk7dxFA> (дата обращения: 29.03.19).

²³⁴URL: <https://trv-science.ru> (дата обращения: 29.03.19).

²³⁵URL: <http://onr-russia.ru> (дата обращения: 29.03.19).

²³⁶URL: <http://www.spass-sci.ru> (дата обращения: 29.03.19).

²³⁷URL: <https://www.dissernet.org> (дата обращения: 29.03.19).

²³⁸Большинство благотворительных организаций, а также некоторые отрасли помощи в России относительно молоды - формируются и ведут свою деятельность с 80-90-х гг. Например, фонды, поддерживающие хосписы и оказывающие паллиативную помощь, во многом опираются на опыт Англии и Германии.

²³⁹Luhmann N. Protest. Systemtheorie und soziale Bewegungen (Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft). Suhrkamp Verlag; Frankfurt/Main. 1996.

образ многополярных связей - *полицентриз*, к которому часто прибегают аналитики, рассматривающие феномен глобализации и формирование нового миропорядка²⁴⁰.

Однако, важно заметить, что помимо очевидного расширения возможностей протестных движений (более широкого охвата аудитории, вариативности режимов участия, упрощенного поиска источников финансовой поддержки проектов, отдельных акций и протестных кампаний), можно наблюдать и обратную сторону процесса. В первую очередь, мы говорим о *потере контроля над ходом изменений*, происходящих со структурой и функционированием движений, а также о *«резервации» протеста в Интернете*. Речь идет, в том числе, и о феномене *«диванного активиста (критика)»*, который возникает в силу специфики Интернет-коммуникации в социальных сетях — относительной анонимности, эмоциональности обсуждения, вызова, бесконечной мультипликации текстов²⁴¹ и тд., а также о реальной разобщенности людей вне виртуальной коммуникации, часто создающей лишь иллюзию «включенности», что ведет к ограничению или затруднению выхода протеста за рамки пространства Сети. Более того, социальные движения современности, разворачивающие свою деятельность в Интернете, неизбежно сталкиваются с проблемой государственного регулирования Интернета, возникновения фрагментарности глобальной Сети, обусловленной действием национальных законодательств.

Несмотря на новизну некоторых проблемопостановок, появляющихся при осмыслении специфики новых социальных движений в условиях развития информационного общества, по-прежнему значимым для анализа выступают исследования *проблем неравенства и идентичности*, приобретающих новые трактовки. В первом случае, мы имеем в виду форму неравенства, критерием которой выступает доступ к информационным технологиям²⁴². А во втором, говорим о концепциях кризиса идентичности, который выражается в бесконечном

²⁴⁰См., например: Andersson A., Andersson D. Gateway to the Global Economy // Journal of Housing and Built Environment. 2002. №17(2). pp. 199-201; Rosenau J. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990 и др.

²⁴¹Тексты постов в социальных сетях и комментарии множатся с такой интенсивностью, что можно говорить не только о «смерти автора» вслед за Р. Бартом, но и о «смерти читателя».

²⁴²Такое неравенство подробно рассматривается, например, Я. Ван Дейком и носит название «цифрового разрыва»: Van Dijk Jan. The Network Society. Social Aspects of New Media. L.; Sage, 2006. Van Dijk Jan. The Deepening Divide: Inequality in the Information Society. California; Sage Publications, 2005.

проектировании собственных «идентификаций»²⁴³». Сквозь призму данных теоретических моделей, на наш взгляд, возможно рассматривать процесс конституирования социальных протестных движений и иных форм гражданского активизма современности.

Оценивая социальную базу общественных движений, необходимо учитывать новые виды социальных страт, формирующиеся в условиях высоких рисков, нестабильности, отсутствия гарантий и высокой степени случайности в современных реалиях. Например, Г. Стэндинг называет один из новых классов «прекариатом» и подчеркивает, что ««все значимые общественные движения в истории человечества были классово обоснованными»²⁴⁴. Опасность прекариата заключается в том, что его представители живут в условиях постоянной нестабильности и лишены твердой экономической базы, в этой связи они ощущают психологический дискомфорт, а значит из среды прекариата возможно формирование радикальных протестных движений.

Новый социальный протест, существующий в условиях развития информационных технологий и глобализации, обладая специфическими сущностными характеристиками, может быть объяснен лишь с точки зрения многофакторного анализа с использованием методологической базы современной социальной теории, обладающей достаточным уровнем понятийной сложности.

²⁴³Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. С. 192.

²⁴⁴Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014. С. 12.

Глава семнадцатая. Дряева Э.Д. К некоторым особенностям протестного онлайн-активизма²⁴⁵

Информационно-технологическая революция 60-х годов XX века явилась причиной глобальной трансформации общества. «Информационный» или «информациональный»²⁴⁶ этап развития общества характеризуется главенствующей ролью информации, которая вместе с новыми технологиями становится ключевым фактором экономического лидерства на мировой арене. С помощью цифровых технологий передачи и обработки данных информация превращается в основу производительности и власти. В работе «Информационная эпоха:

экономика, общество и культура» Мануэль Кастельс пишет о сетевой логике развития социальных процессов и «конвергенции конкретных технологий», предполагая постепенное взаимопроникновение отраслей и технологий друг в друга в целях решения конкретных вопросов.

Такие изменения не могли не сказаться на особенностях мышления современного человека, подменив прежние мировоззренческие интеллектуальные ориентиры эмоциональным «клиповым» мироощущением. Активных пользователей Интернета называют жителями особой галактики, представляя то «поколением большого пальца», то «поколением с опущенной головой»²⁴⁷, то «человеком кликающим». Именно в этом новом пространстве сегодня разворачиваются битвы медиа-каналов за влияние на аудиторию, а пользователи, вооружившись точным кликом мыши, маневрируют между Сциллой терабайтов информации и Харибдой фейков.

Интернет, несмотря на все попытки его регуляции, характеризуется широчайшим распространением, гибкостью, вариативностью идентификаций и богатой драматургией интерсубъективных взаимодействий. Анонимность и демократичность коммуникационных процессов позволяет свободно коммуницировать с участниками сетевого взаимодействия и выражать свои интересы. До недавнего времени

²⁴⁵ Статья подготовлена в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ имени М.В.Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

²⁴⁶ М. Кастельс считает, что термин «информациональный» отображает качественное отличие «нового типа общества», где конкурентоспособность, производительность и успешность обуславливаются умением анализировать, генерировать, обрабатывать и использовать информацию.

²⁴⁷ В 2014г. общество немецкого языка (GfdS - Gesellschaft für deutsche Sprache) опубликовало список слов года: самых интересных, самых употребляемых и самых злободневных. Одним из них стало Generation Kopf unten (поколение с опущенной головой). Интересно, что это «поколение» не имеет возрастных рамок. К нему относятся все те, кто склонил свои головы над экранами смартфонов, планшетов, те, кто живет в них онлайн.

российская власть не вмешивалась в распорядки виртуальных обитателей отечественной паутины, что способствовало как позитивным последствиям – открытым дискуссиям по проблемным вопросам, так и негативным – распространению фейков, радикальных петиций, кибербуллингу. Что касается сегодняшнего этапа развития, то по данным последних исследований²⁴⁸, только в 2018м году интернет-цензура в России ужесточилась в 6 раз. В 2017 году было 116 тысяч эпизодов против 662 тысяч в 2018м. Можно предположить, что в будущем власть будет идти на сотрудничество с крупными цифровыми платформами и расширять зону подконтрольного ей интернета. Так в конце декабря парламентарии внесли в Госдуму законопроект об автономном Рунете.

Интернет-коммуникация уравнивает статусный характер взаимоотношений участников коммуникации. Отсутствие социальной категоризации, деления на пол, возраст и т.д. является дополнительной мотивацией к девиантному поведению участников интернет-коммуникации. Вкупе с ненормированностью поведения такие особенности интернет-среды нивелируют ряд барьеров, связанных с внешним обликом, социальными характеристиками и компетентностью в ряде вопросов. Как пишет В.В. Миронов «Блестящим условием для нарастания и закрепления карнавала становится Интернет. Общение в Интернете – это виртуальное карнавальное шествие, со всей его атрибутикой. Вместо собеседников – маски, которые позволяют говорить все что угодно, включая оскорбления и пр. Интернет переводит реальную жизнь в виртуальный карнавал, значительно продлевая время его действия»²⁴⁹.

Тиражируемый через новые коммуникативные среды информационный вброс легко схватывается, не требует осмысления и может обладать поистине разрушительной силой влиять на способность человека принимать решения и самостоятельно мыслить. Ризоморфный характер построения сети позволяет тиражировать информацию и создавать связи между незнакомыми пользователями.

Политическая сфера не могла остаться в стороне и в свете развития новейших средств электронной коммуникации претерпела серию масштабных трансформаций. Цифровые технологии, являясь

²⁴⁸ Данные взяты из результатов исследования международной правозащитной группы «Агора» https://lenta.ru/news/2019/02/05/ogranicheniya/?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop

²⁴⁹ Миронов В.В. Процессы трансформации культуры в глобализирующемся мире: коммуникационный вектор // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. – 2010. – № 3 Сер.7. Философия. 2010. № 3. С.16-17

маклюэновскими «внешними расширениями человеческого тела», несут в себе потенциальную угрозу стабильности политических режимов и заслуживают пристального наблюдения властью. Сетевая коммуникация гарантирует различным политическим силам легкий доступ к широкой аудитории, такое воздействие может носить манипулятивный и деструктивный характер. В чем мы можем легко убедиться обратившись к событиям 2011-2012 гг. в странах Ближнего Востока и Северной Африки, где активные традиционные способы демонстрации недовольства («цветные» революции) были трансформированы в так называемые «революции 2.0» и «твиттерные революции». Новая эффективная протестная модель послужила примером для протестующих во многих странах мира и наглядно продемонстрировала стремительно возросшее влияние Интернета и социальных медиа на политическую активность граждан и социально-политическое развитие государства.

Главной действующей силой арабских событий стала молодежь. Столкновения на улицах быстро перешли на страницы интернет-ресурсов: в блогах стали появляться лозунги с призывами отомстить за своих соотечественников, доведенных до отчаяния тираническими режимами. В социальных сетях назначались даты и планировалась тактика проведения следующих акций протеста, происходил обмен опытом с молодыми активистами из других стран. Гнетущее чувство недовольства действующими режимами вылилось тысячами твиттов и постов в Интернет паутину, где начала формироваться новая ***протестная идентичность***. Более того, по мнению исследователей, за беспорядками в Египте изначально не стояла ни одна весомая политическая сила. Акции координировались исключительно через Twitter и Facebook²⁵⁰.

Но были ли новые коммуникативные среды причиной протестных выступлений в арабском мире? Однозначно мы можем сказать, что интернет-технологии стали спусковым крючком, наиболее подходящим средством выражения накопленного недовольства молодежи, однако, отринув конспирологические версии, должны отметить, что главной причиной революций всё же стала сложная социально-политическая ситуация (Последствия мирового финансового кризиса значительно усугубили ситуацию в арабском мире. В частности, исследователи отмечали острую нехватку высокооплачиваемых рабочих мест и безработицу среди высокообразованной молодежи).

²⁵⁰ Бочаров Ю. Интернет как рассадник революций. Парадокс года. Центр Азия. (дата обращения 25.08.2011)

Канадский журналист и социолог Малькольм Гладуэлл считает, что мы не должны переоценивать роль новых технологий в социально-политических процессах. Он подчеркивает, что «лайки» постов на Facebook или распространение информации в других сетях улучшают координирование людей, но создают лишь видимость заинтересованности и мотивированности пользователей, которые зачастую не готовы к реальным действиям²⁵¹. В некоторых случаях такие аргументы не выглядят обоснованными, поскольку как показал пример арабской весны, с помощью цифровых технологий не удалось ни сформировать единую политическую партию, ни сформировать общую программу реформ в обществе, ни выдвинуть нового политического лидера.

Рассмотрим подробнее формирование новой протестной идентичности. Фрагментарность, бессвязность и экспансивность цифровой культуры формирует дуальное противоречие между глобальным (миром) и индивидуальным (человеком). Последствия информационно-технологической революции угнетают человека и заставляют его формировать такую культуру себя, которая могла бы противодействовать размытию культурной самобытности. Возможно именно поэтому характерной особенностью современного мира становится рост числа протестных движений, форма которых зависит от особенностей конкретной культуры.

Мануэль Кастельс выделяет три типа идентичности²⁵²:

1. *Легитимирующая идентичность*. Такой тип идентичности поддерживает и воспроизводит ценности господствующих общественных институтов и не несет угрозы сложившимся политическим устоям.

2. *Повстанческая идентичность*. Этому типу Кастельс отводит ключевую роль в современных протестных движениях. Она сформирована теми слоями населения, которые оказались исключены из ценностей действующих общественных институтов и испытывают глубокий кризис самоопределения. В целях выживания стигматизированные индивиды строят собственные ценностные конструкты, оппозиционные текущим доминантам. Такие протестные сообщества отличаются высокой внутригрупповой солидарностью.

3. *Проектная идентичность* формируется на базе тех изменений, которые отстаивались повстанцами на предыдущем этапе. Такая

²⁵¹ Gladwell M. Small change. Why the revolution will not be tweeted // New Yorker. 2010. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell>

²⁵² Castells M. Power of Identity.

идентичность может реконструировать уже сформированные типы идентичности и в какой-то момент они снова трансформируются в легитимирующие.

В современных массовых протестных движениях мы отчетливо видим отображение действий повстанческой идентичности, которая появляется там, где есть недовольство ригидными социально-политическими контекстами, но нет сформированной базы ценностей, которая могла бы породить проектный тип идентичности.

4. А теперь давайте попробуем определить факторы, способствующие распространению популярности идей протестной консолидации в современном обществе.

Оцените, пожалуйста, по 5-балльной шкале (от «1» – «не важно» до «5» – «очень важно»), насколько важными и значимыми сегодня для распространения идей протестной активности являются следующие факторы... (Дайте один ответ по каждой строке)

	1 – не важно	2	3	4	5 – очень важно
4.1. Социально-экономические факторы: бедность, отсутствие социальных лифтов, ограниченные возможности для получения образования, профессиональная невостребованность, трудности при трудоустройстве, недовольство системой социальной поддержки, невозможность получения квалифицированной медицинской помощи					5
4.2. Культурные, религиозные, этно-национальные факторы: непризнание культурного, религиозного или этнического своеобразия сообщества, с которым ассоциируют себя недовольные				4	
4.3. Коммуникативные факторы: специфическая среда общения протестующих и активистов, сужение многими недовольными круга своей коммуникации к сообществу своих идейных соратников и сподвижников, эксклюированность многих сторонников протестной коммуникации из традиционных кругов общения (в ВУЗах, на работе, в семье)				4	

4.4. Когнитивные факторы: плохое или, наоборот, хорошее образование, сопричастность к особой суб-культуре, специфическая экзальтированная восприимчивость к несправедливости и страданию других			3	
4.5. Психо-эмоциональные факторы: индивидуальная агрессивность, чрезмерная эмоциональность, другие особенности психотипа участников движений, делающих активистов несогласными с типичными и традиционными социальными установками и стереотипным поведением в обществе (слабохарактерность, подверженность чужому влиянию, или наоборот, чрезмерные лидерские амбиции или честолюбие)			4	
4.6. Факторы сетевого рекрутирования: вирусное распространение информации в сети, провоцирующие «активистские» ответы.			3	

5. Учитывая выделенную роль интернет-коммуникации в распространении протестных настроений, мы бы хотели узнать Ваше мнение об особенностях сетевого поведения гражданских активистов. Как Вы считаете, какие сетевые события более других мотивируют равнодушных граждан участвовать в активистской деятельности, в том числе и в протестных акциях?

Оцените, пожалуйста, по 3-балльной шкале (где «1» – «не значимо», «2» - «малозначимо», «3» – «существенно значимо»), консолидационную значимость сетевых событий, их потенциал и вес в качестве факторов, способных вывести активистов «на улицу», мотивировать их к реальным действиям... (Дайте один ответ по каждой строке)

	1 – не значи мо	2 - мало значи мо	3 – суще стве нно знач имо
5.1. Создание сетевым другом в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале тематического сообщения или ивента, посвященного активизму как общественному явлению			3

5.2. Создание и распространение сетевыми друзьями в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале актуальной новости или информации о том или ином событии из жизни протестного сообщества		2	
5.3. Создание и распространение сетевыми друзьями в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале сообщения о «возмутительных» событиях, преступлениях, правонарушениях, совершенных в том числе и представителями власти или иными			3
5.4. Активная реакция сетевых друзей (в формате «лайков» или комментариев) на ту или иную информацию, представленную в сети интернет			3
5.5. Активная реакция всего сетевого сообщества – не только сетевых друзей (в формате «лайков» или комментариев) на ту или иную информацию, представленную в сети интернет			3
5.6. Публикация в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале сетевым другом новости об актуальном общественном событии		2	
5.7. Публикация новости об актуальном событии в традиционных СМИ	1		
5.8. Публикация в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале фото, видеозаписи, музыкальное произведение, посвященное активизму			3
5.9. Создание в социальной сети, мессенджере тематической группы (тематического телеграмм-канала), посвященной активистской тематике, вхождение в такую группу, приглашение группу сетевых друзей			3
5.10. Прямой призыв в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-каналек активным несетевым – то есть реальным – действиям со стороны сетевых друзей			3

Заключение.

Бараш Р.Э. О специфике протестной коммуникации и особенностях рекрутирования сторонников активистскими объединениями в условиях новой информационной реальности по результатам экспертного опроса и массового опроса

В рамках второго этапа работы над проектом было проведено исследование мнений экспертов о современной специфике протестной коммуникации и консолидации активистов, особенностей рекрутирования участников активистских сообществ. Кроме того, в фокусе внимания экспертов в ходе исследования находился вопрос своеобразия внутригруппового взаимодействия современных представителей активистского и протестного общественного кластера в условиях широкого распространения интернет-коммуникации и социальных сетей. В качестве экспертов-участников исследования были приглашены российские социологи, философы, политологи, культурологи и коммуникативисты. Участникам экспертного исследования было предложено высказаться в свободной форме по ряду предложенных вопросов.

К определению критерием протестного объединения

Обращаясь к изучению особенностей генезиса и развития протестных, в том числе и радикальных движений, отдельное внимание экспертов было посвящено реконструкции портрета носителя негативистских настроений. Главным образом – к определению критериев принадлежности активистов к протестному движению. Для этого экспертам было предложено определиться с основным квалифицирующим признаком принадлежности личности к протестному движению и обозначить, что позволяет причислять человека к числу адептов/носителей протестных настроений и идей.

К ряду «квалифицирующих» атрибутов протестного активизма, каждый из которых сам по себе интерпретировался как проявлением протестной активности, эксперты причисляли, разумеется, формальное членство, а также неформальную опосредованную поддержку инициатив тех или иных протестных организаций и «молчаливое» сочувствие критическим идеям сторонников таких движений.

Рассуждая о существовании разнообразных форм и уровней участия в протестном движении, эксперты склонялись к тезису о том, что главным квалифицирующим признаком принадлежности является их участие в наблюдаемом активном участии. То есть об активном участии личности в протестном движении эксперты предлагали говорить в случаях ее участия в протестных уличных акциях («согласованных» и «несогласованных», одиночных пикетах), в ситуации формального участия в оппозиционных организациях (таких как «штабы» Навального), при написании и подписании открытых писем с критикой существующего политического порядка, а также при посещении открытых политических судебных процессов или же при оказании действенной помощи политическим заключенным. Отмечая, что «формального членства в современных протестных движениях зачастую нет», эксперты главным признаком действительного активного соучастия в протестном движении называли «неравнодушную деятельную помощь и неформальную поддержку». Прежде всего – как «неформальную опосредованную поддержку [протестных] инициатив, участие в тех или иных протестных организациях, сгенерированных в сетевые «группы поддержки». Вариант причисления к протестному движению носителей любых «оппозиционных настроений» и «молчаливого протеста» эксперты считали ошибочным.

При этом эксперты полагали, что сочувствующие протестному движению граждане, даже не предпринимая активных действий, тем не менее участвуют в формировании целей протестного движения. Поскольку сам по себе консенсус в неорганизованном «протестном» сообществе, существует только по поводу нетерпимости к тому или иной проблеме. И всякий «импульс» недовольства служит упрочнению протестной коммуникации.

О прямой и косвенной поддержке протестного движения.

Фокус участника-сторонника

Затронули эксперты и такой важный аспект солидарного участия в протестном движении, как поддержка заявленных движениями целей, без одобрения методов (нередко радикальных) достижения этих целей. Лишь в некоторой степени, по мнению экспертов, сторонниками протестных движений можно считать тех, кто поддерживает заявленные движением цели, но не разделяет методы достижения целей движения. При этом точно нельзя считать таких сторонников, симпатизирующих

целям, но не принимающих заявленных методов, участниками подобных движений.

А вот «молчаливое» сочувствие, в том числе и в формате пассивного медийного включения в информационную повестку протестных объединений, по мнению экспертов, является скорее признаком интрессанта, возможно, условного сторонника, но никак не участника движения, которым такой сторонник, несомненно «со временем может стать».

Почти все участники исследования сходились во мнении, что протестные настроения человека не всегда выливаются в протестную активность. Для этого требуются дополнительные факторы и условия. Одним из ключевых факторов радикализации активистского кластера эксперты называли коммуникативную закрытость власти.

Многие эксперты обращали внимание на то, что политический активизм может быть не только остро-ситуативным, условно «когнитивным», но и мировоззренческим, так называемым реактивным. Если, по мнению экспертов, «когнитивный» политический активизм в большей степени связан с критикой актуальной социальной и политической повестки, то «реактивный» протестный актив опосредован «стилем жизни» людей, характерами и психологическими особенностями, коммуникативными факторами образования сообществ и т.д. По словам экспертов, «в современном обществе «реактивный» тип протестности более распространен, и поэтому не способен осуществлять менеджерскую задачу по отношению как к самому себе, так и к проблемам, по поводу которых протесты манифестируются».

Эпистемологическое своеобразие протестных идей

Рассуждая об онтологическом и эпистемологическом своеобразии протестных настроений и идей, отдельные эксперты предлагали различать протестность как конструктивную оппозиционность в целом и протестность как родовую характеристику любых форм несогласия или противодействия: от простого недовольства до активного членства в протестных организациях.

Как отмечали эксперты, адепт протестных взглядов может «перемещаться» от одной формы протестной активности к другой: «вероятно как «входящее», так «нисходящее» движение активистов в их следовании разнообразным формам протестных действий: «от простого

недовольства до активного членства в протестных организациях». Возможно и изменение интенсивности участия сторонников протестных выступлений, нарастание и затухание степени включенности в контекст активности протестных объединений.

Эксперты замечали, что помимо активных протестных инициатив (посещение митингов, участие в оппозиционной организации, отдельные протестные акции), существует еще и латентный протест, который копится в качестве скрытого социального недовольства. И такая фоновая протестная активность проявляется, к примеру, «в подозрительном отношении к любой властной инициативе и желании держаться от власти подальше (минимально с ней контактировать)».

Однако практически все эксперты склонялись к точке зрения о том, что среди адептов протеста «настоящих буйных мало» и «радикальные (точнее, экстремистские) формы выражения недовольства – удел единиц. Тогда как остальным достаточно пассивно-зрительского участия в просмотре теленовостей или интернет/сетевого контента.

Специфика политического активизма и радикализма

Рассуждая о связи между гражданским, в том числе политическим активизмом, и распространением среди активистского кластера общества протестных идей, направленных на критику актуальной социальной или политической повестки, эксперты сходились во мнении, что такая «связь действительно существует, но не всякие гражданские активисты разделяют протестные и радикальные идеи». Эксперты отмечали, что одним из главных факторов радикализации представителей активистских объединений является коммуникативная закрытость адресата их идей и требований, то есть власти: «игнорирование органами государственной и местной власти попыток активистов донести до них поднимаемые актуальные для общества проблемы и инициативы».

Кроме того эксперты указывали на то, что нередко сильная приверженность личности какой-либо идеологии, включенность в активистскую повестку дня, приводит к политическому протесту в силу коммуникативной закрытости власти или недопущения независимой политической активности в любой форме.

Задаваясь вопросом о существовании особого – протестующего – типа личности, эксперты сходились во мнении, что такой социально-психологический «протестующий» тип личности существует в любом

обществе. Особенно «такой тип личности можно наблюдать в молодежной среде в современных обществах», хотя он и не распространен повсеместно. Многие эксперты отмечали, что молодежь в силу своего образа жизни более склонна к радикализму: «такое своеобразие связывается с принадлежностью протестующих к молодежи и близким ей возрастным когортам, необремененностью семьей, наличием свободного для подготовки и проведения протестных акций времени, владением современными информационно-коммуникационными технологиями, разделяемыми сторонниками протестных движений либеральными взглядами (хотя и не только с ними), высокой готовностью к политической мобилизации и участию в акциях».

При этом эксперты подчеркивали, с одной стороны, такой тип личности не распространен повсеместно. А с другой, что в активную политическую деятельность сегодня вовлечены самые разные личности самого разного психологического профиля и склада. Так что своеобразие современной политической активности сегодня связано с гражданской смелостью, и намерением и готовностью рисковать. И в ситуации, когда политическая повестка предъявляет своим участникам требования высочайшей внутренней мобилизации, более значимым мотивом включения личности в политическую коммуникацию являются не психологические, а практические «внешние» факторы. Многие участники экспертного опроса сходились в тезисе о возможности «связать характер протестных движений с типом общества». Но одним из наиболее значимых современных факторов радикализации активистов эксперты называли интернет.

О региональном измерении протестной активности

Эксперты, к слову, обращали внимание на значимость регионального измерения специфики протестной активности, отмечая, что «многое зависит и от социокультурных традиций, специфичных для разных групп». И в этом смысле российская протестная активность специфична в силу влиявших на нее историко-культурных факторов. Если, как отмечал один эксперт, западная протестность, превратившись в оппозиционность, может нести и положительный импульс конструктивного обновления. Тогда как российский вариант протестности всегда был деструктивным, способным превращаться в разрушительную силу для породившей его системы.

Отдельные эксперты указывали на то, что протестность является «неотъемлемой характеристикой российского менталитета», которую нужно рассматривать в связи с протестным отношением к власти, свойственным отечественной культуре на протяжении нескольких исторических эпох. Сохраняясь с незначительными вариациями на протяжении веков, протестное отношение граждан к власти поддерживалось неизменностью сущности и механизмов осуществления власти.

Рассуждая о российской специфике протестности, эксперты указывали на то, что ее базовой характеристикой является особое отношение к власти, совмещающее в своем отношении к власти вынужденную покорность и недоверие и даже неприязнь. Различаясь по степени интенсивности и формам выражения в разных социокультурных группах, протестность российских граждан в отношении власти является «не особенностью политической, а социокультурной, транслируемой из поколения в поколение и определяющую отношение не к какой-либо конкретной форме власти, а к власти как таковой». Протестность может различаться от группы к группе, по степени интенсивности, по формам выражения, но всегда сохраняется в отечественной социокультурной среде.

Несколько гиперболизируя масштабы «протестной традиции» российского общества, эксперты говорили о ситуации перманентной Гражданской войны между властью и народом. Конфликтная специфика протестности отличает российскую парадигму взаимодействия общества и власти от созидательных и функциональных зарубежных традиций: и от «свойственного восточным культурам покорного доверия к государству», и от «европейской оппозиционности», реализуемой как форма взаимодействия с властью. Так что, как замечают эксперты, отечественная протестность оказывается «в лучшем случае бесполезной, в худшем – разрушительной», выступая как «способ тихого (или не очень) саботажа любых властных начинаний».

Говоря о российской традиции протестных настроений, эксперты отмечали также и традиционный дефицит позитивной программы отечественных недовольных, которые выступают против «по инерции», а цели недовольства формулируются весьма абстрактно. Как отмечали многие эксперты: «в российском обществе постоянно воспроизводится ситуация Портоса, который «дерется, потому что дерется».

Рассуждая о российской специфике протестного активизма отмечали эксперты и то, что проблемная повестка протестности по-разному выражается среди представителей разных социальных групп. Как замечали эксперты, в среде российской интеллигенции антивластная протестность последовательно культивируется, а лояльность к власти считается аморальной. Вплоть до того, что человека, не проявляющего к власти выраженной антипатии, часто отказываются считать настоящим русским интеллигентом. И, по замечаниям экспертов, специфика российской интеллигентской протестности традиционно сводится к фокусированию на высшей властной персоне: «террористы стремились убить царя, сегодня в сетевых комментариях к любой новости во всем обвиняют лично Путина, даже если он к происшедшему никакого отношения не имеет».

Тогда как среди условного «народа» протест направлен в первую очередь против чиновников: «надо различать царя-батюшку - помазанника Божиего, несущего власть как тяжкий крест, и подлецов-чиновников, думающих только о собственном благе – что-то вроде татарских грабителей... Протест направлен против чиновников, а царь рассматривается отчасти в качестве такой же их жертвы, как и народ».

Еще один специфический аспект российской протестности, по замечанию экспертов, ее игровой характер. В значительной степени это связано с общим «игровым» контекстом установившейся социально-политической конъюнктуры. Как говорили эксперты, установившийся сегодня в России режим «театральной демократии» задает импульс существования «многочисленным балаганчикам», в том числе и протестным движениям, которые перенимают общий театрально-игровой формат реальности. И этот тезис справедлив в отношении как системной, так и несистемной оппозиции, в той или иной степени включенной в общий игровой формат общественно-политической конъюнктуры. Как замечали эксперты системная оппозиция гармонично вписывается «в режиссируемую часть театральной демократии с четко определенной ролью». Тогда как несистемная оппозиция «формируется в балаганной среде, в условиях отсутствия ярко выраженной режиссуры. Ее терпят, пока не сочтут опасной. А опасной она становится тогда, когда всерьез начинает претендовать на «оккупацию» официальной сцены».

О квалифицирующих признаках радикального активизма

Рассуждая о ключевых отличиях радикальных движений от иных форм активизма, многие эксперты задавались вопросом о квалифицирующем признаке радикализма. Почти все эксперты сходились во мнении, что радикальные методы недовольства участники протестного движения выбирают в качестве стратегии тогда, когда другие способы быть услышанными нивелируются властью, либо превращаются (ею же) в повод для общественной иронии или насмешки.

При этом эксперты называли необоснованным тезис о том, что радикальным протест делают применяемые им методы. Как отмечали эксперты, «радикализм вообще не имеет отношение к методам, исключительно – к целям». Обоснованным эксперты полагали использование категории «радикализм» для характеристики целей движения, а активизм (и его крайнюю форму – экстремизм) – для определения методов. И если насильственные методы достижения целей могут быть квалифицированы как экстремизм, то радикализм и активизм не связаны линейно. Радикализм может быть истолкован как полное и безоговорочное неприятие существующего строя. При этом, с одной стороны, радикализм взглядов не предполагает радикализма действий (как замечали эксперты, можно быть «диванным радикалом»). При этом радикализм (цель) вполне может быть связан с экстремизмом (методы).

И в этом контексте, большинству экспертов квалифицирующим признаком радикализма того или иного активистского объединения казались скорее декларируемые цели, а не практикуемые методы и способы достижения поставленных задач. Ключевой характеристикой радикальных движений многим экспертам казалась постановка цели такими движениями, заключающихся в проведении значимых социальных и политических преобразований (или недопущения таковых), в то время как иные формы активизма на этом не настаивают.

Отмечали эксперты и тот факт, что категорией политический «радикализм» в сегодняшней России пользуются силовые структуры режима для обозначения любой политической активности (включая публичные высказывания), которая ставит своей целью изменение этого режима. Так что сегодня объемы понятий «протестное движение» и «политический радикализм» в официальном политическом дискурсе, во всяком случае, в российской реальности, совпадают.

Отдельно эксперты уделяли внимание определению факторов, которые способствует одобрению и принятию личностью радикальных идей, а также выяснению того, каким чувством / аффектом / эмоциями чаще всего движимы участники радикальных движений.

Эмоционально-психологические предпосылки одобрения политического радикализма

Многие эксперты задавались вопросом об эмоционально-психологических предпосылках присоединения гражданских активистов к радикальному движению. Рассуждая о том, какими мотивами оказываются чаще всего движимы активисты, эксперты отмечали, что помимо собственных личных переживаний, травм или ощущения несправедливости или персональное поражения в правах, многих сторонников радикальных объединений мобилизует сострадание к другим «пораженным в правах» или жертвам.

При этом рассуждая о мотивах участия в протестной коммуникации, эксперты отмечали, что мотив защиты и собственных интересов, и интересов некоторых социальных групп, отнюдь не обладает однозначным мобилизационным потенциалом. Но, напротив, могут выступать причиной социального конформизма, вызванного желанием нивелировать любую возможность конфликта. И более значимым фактором широкой протестной мобилизации являются психологические предпосылки участников протестного движения.

Эксперты подчеркивали, что протестность не редко соединяет в себе и эмоциональные и интеллектуальные компоненты. И рациональные условно интеллектуальные цели и задачи протестных выступлений могут быть вторичны для общего состояния общественного недовольства.

Притом, что в формировании протестности, и тем более в ее активизации многие эксперты фиксировали присутствие элемента сугубо личной обиды, ключевыми обстоятельства формирования недовольства эксперты все же называли более общие факторы. Существенное влияние на интенсивность протестности, по мнению большинства экспертов, оказывают действия самой власти. По словам экспертов, «сам факт существования фоновой протестности воздействовать нельзя — она неустранима, но и сама по себе не представляет никакой опасности для власти». Более того латентная

социальная протестность нуждается в защите, поскольку покушение на нее может перевести фоновое недовольство в активный протест.

Как уже отмечалось, одним из ключевых факторов гражданско-властной коммуникации, порождающих недовольство граждан, является коммуникативная закрытость власти, невозможность представителей гражданского общества донести до высших социальных свой информационный месседж и получить внятный отклик на свою активность.

Причем, как отмечали эксперты, такого рода коммуникативную закрытость российское руководство демонстрирует и сейчас. Как отмечают эксперты, применительно к современному этапу такого рода коммуникативная закрытость власти «может выражаться в попытках ограничить интернет-активность протестантов». Причем, нарочитое желание власти не только не прислушиваться к критике гражданами своих действий, но и намерение нивелировать любую активность подобного рода, как отмечали эксперты, может породить волну протестной активности. Отмечая, что протестность может выступать одним из факторов, провоцирующих создание жестких структур, эксперты обращали внимание, что возможность «ожесточения протеста» нередко начинает реализовываться при «введение ограничений и запретов разных видов». Эксперты отмечали, что если превентивные меры погашения общественного недовольства окажутся слишком решительными, то может быть запущен процесс «мутации» безопасной фоновой протестности в разрушительную активную.

Многие эксперты, соглашались с тезисом о том, что дискурс «защиты оскорбленных» обладает несомненным мобилизационным потенциалом активистского резерва. И это, как полагают эксперты, понимает российская власть, постепенно «перенимая» на себя функцию опредмечивания нуждающейся в защите группы и «самостоятельно формируя список обиженных». Проводя аналогию с «парадоксом меньшинств», эксперты указывали на то, что российская власть фактически методом позитивной дискриминации предоставляет «выделенным группам» особых преференции. Но такие действия властей нередко не только и не столько снижают градус социального недовольства и протестный потенциал, сколько формирует «флер элитарности» вокруг тех групп, чью особенную защиту инициирует российская власть. Как и в ситуации реализации развитой западной демократией принципа позитивной дискриминации, предоставление российской властью особых преференций группам,

добившихся признания собственной виктимизированности, приводит к обратному результату: формированию дополнительной социальной стратифицированности. Среди групп, получивших от российской власти такого рода поддержку, эксперты называли представителей РПЦ МП. Отмечая, однако, что на примере поддержки властью данной группы довольно ярко виден механизм формирования новой элитарности и как следствие интенсификацию протестности.

Одновременно отдельные эксперты замечали, что сами представители протестного ядра заинтересованы в маркировании своей оппозиционности властям через опредмечивание «жертв режима». Появившиеся мученики, пострадавшие от санкций властей недовольные гражданские активисты, по словам экспертов, автоматически получают сочувствие среди самых разных «недовольных» локальных групп.

Как указывали эксперты, существование мучеников режима – важный для активистского ядра маркер интенсивности протестных настроений. В ситуации латентного недовольства властью любые дискриминируемые ею активисты автоматически получают сочувствие. Однако степень и формы сочувствия к протестующим против действий властей активистам может разница, а интенсивность их популярности, выстроенной вокруг дискурса сопротивления, очень быстротечен. В качестве иллюстрации данного тезиса авторы обращались к судьбе российских протестных активистов, отмечая, что «ни один из антипутинских протестантов, даже попав в тюрьму, мучеником в глазах широких масс не стал.

О результативности уличных акций

Отдельное внимание в рамках экспертного опроса уделялось прояснению мнений экспертов об эффективности в современном мире проведения уличных акций протеста, а также о последствиях собственно проведения таких акций для представителей протестного ядра. Резюмируя суждения экспертов о результативности уличных акций, можно говорить о том, что сегодня уличная активность решает сразу две задачи. Первая, очевидна задача – это прямые шаги в сторону достижения поставленных целей. И вторая, менее явная, но более реализуемая задача: консолидация активистского ядра вокруг актуальной проблемы. Более того в рамках актуального исследования многие эксперты подчеркивали, что в современном мире участие активистов в тематических акциях, митингах, пикетах в большей степени способствует не достижению целей,

а внутренней консолидации активистского ядра вокруг заявленной проблемы.

Что же касается прямой результативности уличной активности, то, по замечанию экспертов, в значительной степени, ее масштабы и результативность в российской реальности ограничены рамками российского законодательства, которое фактически де-легитимизирует протестную уличную активность. Многие эксперты отмечали, что в условиях нормативного ограничения возможностей антиправительственных выступлений в России активистам не просто сложно достичь посредством уличной активности поставленных задач артикуляции той или иной проблемы. Многие эксперты отмечали, что в условиях ужесточения антиэкстремистского законодательства «участие в тематических акциях, митингах, пикетах, на общероссийском уровне практически бессмысленно и к тому же еще и опасно... В реале активность вызывает опасение властей и пресекается, к тому же митинг в принципе – не созидательная акция».

Многие эксперты отмечали, что «сворачивание» уличной протестной активности свойственно не только для России, но является общемировым трендом. И связано это в первую очередь с повсеместным распространением интернет-коммуникации и взаимодействия в социальных сетях. Более того, как отмечали многие эксперты «на локальном уровне гораздо эффективнее интернет-активность». Поскольку «в виртуале протестная активность допускается и может возыметь действие». Хотя последние законодательные инициативы, направленные на ограничение критики властей в интернете, существенно затрудняют интернет-коммуникацию, большинство экспертов признались, что связывают новое качество протестной коммуникации с распространением новых электронных медиа.

Звучали от экспертов также и замечания о том, что разрастание популярности интернет-коммуникации – следствие естественного процесса разрастания влияния в современном обществе самореферентных групп. Как отмечали участники исследования, возрастание влияния на современников разнообразных интернет-сообществ групп можно считать «проявлением «освобождения» человека от «репрессивной и дискриминирующей» принудительности включения в какой-либо социальный институт или отнесения к определенной нормативной системе». В силу того, что в интернет-среде коммуникация конфигурируется по желанию участников, любая протестная группа

допускает самые разные формы участия по выбору «протестанта». Что делает участие в виртуальных сообществах предельно привлекательным для современников, ищущих для себя «комфортных» референтных групп.

Информационный и коммуникативный контекст распространения протестных настроений

Собственно современному информационному контексту как развития гражданского активизма, так и распространения протестных настроений эксперты уделяли отдельное внимание. Размышляя о последствиях «дигитализации» повседневности и социальных отношений, в том числе и среди активистского ядра, многие эксперты фиксировали, что широкая доступность интернет-коммуникации, социальных сетей и мессенджеров, несомненно интенсифицировала интерес к различным формам самоорганизации. Участники исследования соглашались, что теоретически интернет расширил возможности для протестной коммуникации, упростив солидарное гражданское взаимодействие и увеличив базу интересующихся активистской повесткой и проблематикой.

Абстрагируясь от запретительных норм российского законодательства, выводящего антивластный протест за рамки российского правового поля, эксперты солидарно отмечали, что интернет способствовал тому, что «выразить протестность можно теперь проще, эффективнее и безопаснее». Но несмотря на механическое расширение возможностей для протестной коммуникации, как отмечают эксперты, интернет отнюдь не способствовал укреплению реальной социальной солидарности, ведь «виртуальная солидарность далеко не всегда перетекает в реальную». Хотя виртуальная солидарность, как полагали эксперты, несомненно, может стать «первым шагом на пути формирования гражданского общества и в его рамках организованной протестности». Позитивный потенциал виртуальной солидарности обусловлен ее удобством для решения конкретных актуальных задач и последующим превращением в площадку для генерации конструктивной гражданской активности: «районные сайты объединяют людей по поводу решения местных проблем, в дальнейшем проблемы могут расширяться». Местный уровень активистской коммуникации выступает школой гражданской активности, а конкретность проблем и реальная возможность их решения

«приучают» не к выражению абстрактного недовольства, а к определенности мнения и действия».

Как замечали эксперты, интернет-коммуникация несомненно расширила репертуар практик гражданской активности, усложнила их операциональность, усилила их действенность и мобильность. Благодаря интернету также изменилась и концептуальная модель солидарности, переместившись в виртуальные сообщества – предельно ангажированные, как правило, элиминирующие ответственность, не обладающие единым организационным ядром, дрейфующим за счет аутопойезиса протестных настроений.

Однако соглашаясь с тезисом о том, что интернет упростил солидарное гражданское взаимодействие и расширил активистскую базу, многие эксперты отмечали, что мобилизационный ресурс интернета может быть реализован лишь там, где сложились условия для массового доступа граждан к интернет-ресурсам. В ситуациях же ограниченного доступа граждан к новым информационным и коммуникационным технологиям, мобилизационный потенциал интернета весьма ограничен. К слову, ссылаясь на пример «египетской революции», которую многие СМИ в свое время причислили к разряду Facebook- / Twitter-революций, эксперты считали необходимым отметить, что более значимую роль в старте протестных выступлений «арабской весны» зимой 2011 г. сыграло участие «активистского ядра» в пятничных молитвах. То есть прямая регулярная коммуникация активистов обладала значительно более серьезным коммуникативным потенциалом нежели виртуальное взаимодействие. Тогда как современные информационно-коммуникационные технологии, по мнению экспертов, могут и не играть существенной роли в мобилизации сторонников, если среди активистского кластера не накопилось критического недовольства. Так что лишь с оговорками справедливым может быть признан тезис о том, что благодаря новым медиа значительно возросли возможности не только общения, но солидарного активизма, в том числе и протестного.

Немаловажным аспектом «интернатилизации» протеста являлось и то, что интернет-активность, увеличив возможности солидарного активизма, одновременно дала властям и новые более эффективные средства контроля и подавления. По замечанию экспертов, развитие интернета в последние годы во всем мире включая Россию идет в сторону наращивания средств и методов контроля.

В целом интернет-коммуникация признавалась участниками экспертного опроса безусловно значимым фактором распространения критических настроений, изменившим специфику гражданского активизма. Эксперты называли три основных аспекта влияния интернет-коммуникации на

Рассуждая о влиянии новых медиа, в первую очередь социальных сетей, на развитие активистской и протестной коммуникации, эксперты сходились во мнении, что «интернет-коммуникация может быть средством, но не фактором распространения любых политических настроений включая критические». Отмечая, что интернет является такой же сценой политической борьбы, как и традиционные медиа, использование активистами новых средств коммуникации, по оценкам экспертов, ничего не меняло в отношении увеличения масштабов или охвата распространения формального и неформального членства в политических движениях и организациях.

При этом электронные средства связи, по мнению экспертов, несомненно укрепили взаимодействие в рамках активистских, в том числе и протестных, сообществ. Электронные средства связи, «во-первых, облегчается коммуникация между протестантами. Во-вторых, протестантство вписывается в международный контекст». И таким образом получение информации извне разными способами, в том числе и посредством интернет-коммуникации, стимулирует протестную активность. Одновременно электронные средства связи предоставляют возможность получения самой разной информации и «вариантов оценки событий». Некоторые эксперты указывали на то, что интернет также может быть использован для реализации «целенаправленного влияния» «методом «мягкой силы», в том числе и в формате «цветных революций».

При этом многие эксперты отмечали, что за фактами очевидного информационного и коммуникационного доминирования интернета в качестве средства связи и источника информации для представителей протестного ядра, интернет продолжает оставаться малоизученным и малопонятным «для тех, кто официально призван «работать с протестным электоратом».

Рассуждая о влиянии интернет коммуникации на разнообразные формы гражданского самоопределения, эксперты сходились во мнении, что в современных обществах с широким доступом к интернету информационные технологии – значимый фактор повседневности в целом. Но маловероятным большинству экспертов представлялся факт того,

что ресурсы интернета резко увеличили градус гражданской протестности. Скорее, как об этом говорили эксперты, можно говорить о том, что интернет-коммуникация несколько изменила специфику гражданского активизма, в том числе и протестного, сделав протест более «ярким». Интернет-коммуникация добавила в традиционные формы протестной самоорганизации новые формы (флешмобы, в частности), отличные от классических способов пикетирования, митинговой активности. Что позволило широко освещать акции протеста для заинтересованных аудиторий в глобальной сети.

Новые информационные технологии как фактор консолидации и распространения протестных настроений

Отдельное внимание экспертов было привлечено к вопросу о том, может ли интернет-содействие или интернет-поддержка целям радикальных движений приравняться к фактическому участию в активности движения. И в этом смысле эксперты предлагали все-таки не приравнивать друг к другу эти – принципиально разные, по их замечанию – формы протестности. При этом эксперты предлагали рассматривать интернет-поддержку протестного движения как один из приуготовительных этапов конкретных протестных действий. Звучали слова также и о том, что интернет-активность, в том числе и протестная, представляет собою совершенно самостоятельный вариант активности, которая может распространяться и пропагандировать цели активистского/протестного движения, самостоятельно при этом формируя собственные цели.

Задаваясь вопросом о том, не является ли интернет-поддержка протестных инициатив, целей и задач движения аналогом «вирусного распространения» дискурса протеста эксперты сходились во мнении, что у вируса все же иная задача – условно «встроить свой фрагмент ДНК в ДНК клетки». В ситуации же протестной интернет-активности, как отмечали эксперты, скорее можно говорить о системно-коммуникативном взаимодействии с системой власти и другими обособившимися общественными структурами, поскольку «протестное движение не может рассчитывать на перенос собственных целей во властный «организм».

Рассуждая о том, может ли расширяющаяся включенность носителей протестного габитуса в информационную повестку тематического объединения или регулярное взаимодействие с другими его сторонниками

в формате обсуждения актуальных проблем в «тематических группах» способствовать реальной консолидации активистов, эксперты сходились во мнении, что это возможно только в ситуации, когда интернет-общение ориентировано на решение практических задач онлайн и оффлайн.

Если же интернет-общение не ведет далее к следующим шагам по подготовке к протестным акциям, то оно, конечно, остается всего лишь обменом мнениями. Являясь необходимым, но недостаточным шагом в направлении протестной активности. В значительной степени потому, что, по мнению экспертов, координация «активистского габитуса» в офф-лайн-пространстве интернет-коммуникации носит фрагментарный и временный характер, и, как правило, не доводится до организационного или менеджерского обслуживания координируемой цели.

При этом эксперты отмечали, что условный мобилизационный эффект интернет-коммуникации различен для разных активистских групп. Если для наиболее активной части протестантов, по мнению экспертов, интернет действительно нередко становится мобилизационным средством и организационным механизмом протеста, перетекающего из виртуального пространства в реальное. То для выражения обычной «фоновой» протестности вполне достаточным эксперты считали самых простых ресурсов интернет-пространства («большинству достаточно чтения соответствующей информации с «лайками» и периодическими комментариями»). Одновременно для условно «латентного» кластера протестно настроенных граждан интернет может стать и механизмом для «выпуска пара», носящим повсеместный и все-временной характер. Как отмечали эксперты, такой «выпуск пара», связан, к примеру, с комментированием статей, новостей без формирования каких бы то ни было конструктивных предложений по решению задач протестных движений. И хотя такого рода «выпуск пара» отдельные эксперты называли терапевтическим, и косвенно поддерживающим политический активизм, большинство опрошенных, призывали не преувеличивать значимость и масштабы интернет-коммуникации активистов.

Прогнозируя мобилизационные перспективы интернет-коммуникации среди протестно настроенных граждан, эксперты сходились во мнении, что по мере усложнения общества протестность будет только нарастать, так, что медиум интернет-коммуникации можно также считать, как катализатором необратимого роста протестности, так и его ингибитором: в умелых руках (тех или иных) он становится подарком, который техническая цивилизация преподнесла сама себе.

Помимо реализации исследования, направленного на выяснение экспертного мнения о специфике современной протестной активности, в рамках второго этапа работы над проектом был проведен опрос студенческой молодежи, регулярно использующей новые средства коммуникации и включенной в целый ряд современных локальных сообществ. Целью подобного исследования было выяснение мнения представителей современной российской молодежи о важных и значимых сегодня факторах распространения протестной активности. А также о роли интернет-коммуникации в распространении протестных настроений и об особенностях сетевого поведения гражданских активистов.

Рассуждая о степени важности и значимости сегодня для распространения идей протестной активности ряда факторов, на первое место среди значимости и «мотивационному весу» молодые респонденты относили *социально-экономические факторы*. 89% участников опроса назвали такие социально-экономические факторы социального недовольства, как бедность, отсутствие социальных лифтов, ограниченные возможности для получения образования, профессиональная невостребованность, трудности при трудоустройстве, недовольство системой социальной поддержки, невозможность получения квалифицированной медицинской помощи, в той или иной степени важным и значимыми для распространения протестной активности сегодня. Лишь 3% опрошенных назвали социально-экономические факторы общественного недовольства незначимыми.

Вторым по значимости фактором протестной консолидации, хотя и заметно менее важным, чем социально-экономические мотивы, участники опроса называли те или иные *обстоятельства культурной дискриминации*. 51% молодых респондентов говорили о критической значимости для консолидации протестных выступлений культурных, религиозных или этно-национальных факторов. Этот показатель почти вдвое меньше, чем доля упоминаемости в качестве значимого социально-экономических факторов, но всё же весьма популярен. Еще 31% полагали непризнание культурного, религиозного или этнического своеобразия сообщества, с которым ассоциируют себя недовольные, относительно значимым фактором недовольства. Малозначимым или незначимым вовсе фактор культурной дискриминации называли 17% опрошенных.

Столь же значимым, как культурная дискриминация, фактором консолидации протестного недовольства, молодые участники опроса назвали *когнитивные факторы недовольства*. Плохое или, наоборот,

хорошее образование, сопричастность к особой суб-культуре, специфическая экзальтированная восприимчивость к несправедливости и страданию других назвали в той или иной степени важным «протестным мотивом» 52% респондентов. Но в отличие от культурных факторов, которые считали незначимыми менее четверти опрошенных, когнитивные факторы протеста совсем или не очень важными респонденты называли заметно чаще (29%).

Психо-эмоциональные факторы генерации протестных настроений были отнесены респондентам на четвертное место. 43% участников опроса говорили о том, что «вывести людей на площадь» могут такие субъективные особенности личности, как индивидуальная агрессивность, чрезмерная эмоциональность или другие особенности психотипа участников протестных движений, делающих активистов несогласными с типичными и традиционными социальными установками и стереотипным поведением в обществе (слабохарактерность, подверженность чужому влиянию, или наоборот, чрезмерные лидерские амбиции или честолюбие). Впрочем, более трети опрошенных (34%) отвергали идею о том, что психологические особенности личности, а не конкретные материальные или культурно-идеологические факторы, могут оказаться ключевыми для протестной активизации.

Наконец, *факторы сетевого рекрутирования и коммуникативные аспекты генерации протестного недовольства* и, которым, кстати сказать, ряд современных СМИ и экспертов после волны условных Facebook- и Twitter-революций поспешили приписать характеристики новой консолидирующей социальное недовольство силы, были отнесены респондентами на последние места в ранге «протестных мотиваторов». Среди участников опроса менее половины (42%) назвали важными или очень важными такие факторы распространения протестной активности, как вирусное распространение информации в сети, провоцирующие «активистские» ответы. Примерно столько же респондентов согласились с умеренной «протестной значимостью» таких факторов. Но и неважными для складывания «протестного актива» сетевой ресурс назвали лишь 17% опрошенных.

Как показал опрос, наименее значимыми факторами консолидации протестного активизма современная молодежь полагает те или иные *коммуникативные аспекты*. Только 40% участников опроса в той или иной степени прямо согласись с тем, что мотивировать людей на открытый протест может специфическая среда общения протестующих и активистов,

сужение многими недовольными круга своей коммуникации к сообществу своих идейных соратников и сподвижников, эксклюзированность многих сторонников протестной коммуникации из традиционных кругов общения (в ВУЗах, на работе, в семье). Почти треть опрошенных (31%) оценили консолидационный потенциал психологических факторов недовольства как низкий.

Таким образом представления молодых россиян о наиболее значимых и важных факторах протестной консолидации можно назвать скорее традиционными. Материальные, осязаемые факты дискриминации, несправедливости или страдания – личного или значимой референтной группы – воспринимаются современной молодежью как исключительно значимые мотивы открытого протеста. Заметно менее значимыми, но тем не менее также существенными, респонденты называли факторы культурной дискриминации и психологического дискомфорта.

А вот условно информационные факторы консолидации протестных настроений, несмотря на растиражированное в последние годы представление об их ключевой значимости для генезиса и развития социального недовольства, были названы респондентами в числе наименее значимых «протестных мотиваторов».

**Оценка по 5-балльной шкале
(от «1» – «не важно» до «5» – «очень важно»)
степени важности и значимости для распространения сегодня
идей протестной активности ряда факторов
(Оценка каждого фактора, %)**

	1 <i>совс ем не важ но</i>	2 <i>не очень важн о</i>	3 <i>отно ситель но важн о</i>	4 <i>важн о</i>	5 <i>очен ь важ но</i>
1.1. Социально-экономические факторы: бедность, отсутствие социальных лифтов, ограниченные возможности для получения образования, профессиональная невостребованность, трудности при трудоустройстве, недовольство системой социальной поддержки, невозможность получения квалифицированной медицинской	0	3	9	20	69

помощи					
1.2. Культурные, религиозные, этнонациональные факторы: непризнание культурного, религиозного или этнического своеобразия сообщества, с которым ассоциируют себя недовольные	11	6	31	34	17
1.3. Коммуникативные факторы: специфическая среда общения протестующих и активистов, сужение многими недовольными круга своей коммуникации к сообществу своих идейных соратников и сподвижников, эксклюзивность многих сторонников протестной коммуникации из традиционных кругов общения (в ВУЗах, на работе, в семье)	11	20	29	31	9
1.4. Когнитивные факторы: плохое или, наоборот, хорошее образование, сопричастность к особой суб-культуре, специфическая экзальтированная восприимчивость к несправедливости и страданию других	6	23	20	43	9
1.5. Психо-эмоциональные факторы: индивидуальная агрессивность, чрезмерная эмоциональность, другие особенности психотипа участников движений, делающих активистов несогласными с типичными и традиционными социальными установками и стереотипным поведением в обществе (слабохарактерность, подверженность чужому влиянию, или наоборот, чрезмерные лидерские амбиции или честолюбие)	3	31	23	20	23
1.6. Факторы сетевого рекрутирования: вирусное распространение информации в сети, провоцирующие «активистские» ответы.	6	11	40	31	11

При этом респонденты безусловно соглашались с тем, что появление интернет-коммуникации и взаимодействия представителей разнообразных локальных сообществ в социальных сетях, консолидация действий «активистского ядра» несомненно упростилась и расширилась.

Признавая выделенную роль в современном мире интернет-коммуникации как средства общения, в том числе и критично настроенных

граждан, респонденты оценили разнообразные сетевые события с точки зрения их мотивационного потенциала и возможности способствовать тому, что равнодушные граждане будут участвовать в активистской деятельности, в том числе и в протестных акциях.

Как показал опрос, молодые россияне называли наиболее значимым сетевым фактором консолидации протестной активности создание и распространение сетевыми друзьями в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале сообщений о «возмутительных» событиях, преступлениях, правонарушениях, совершенных в том числе и представителями власти или иными. Подавляющее большинство респондентов (83%) заявляли о том, что тиражирование информации о конкретных правонарушениях может заставить граждан выйти на улицу. Еще 11% респондентов согласились с малой, но все же «мобилизационной» значимостью сетевой информации о фактических событиях.

Вдвое реже, но все же довольно часто – почти в половине ответов (46%) – к числу значимых сетевых мотиваторов протеста участники опроса называли прямой призыв в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-каналах активным несетевым – то есть реальным – действиям со стороны сетевых друзей.

На третье место в ряду сетевых мотиваторов протеста респонденты относили создание в социальной сети, мессенджере тематической группы (тематического телеграмм-канала), посвященной активистской тематике, вхождение в такую группу, приглашение группу сетевых друзей и активную реакцию всего сетевого сообщества – не только сетевых друзей (в формате «лайков» или комментариев) на ту или иную информацию, представленную в сети интернет (по 40% респондентов соответственно оценили эти факторы существенно значимыми с точки зрения потенциала вывести активистов «на улицу», мотивировать их к реальным действиям).

Менее значимыми, но все же важными и чувствительными для консолидации протестного недовольства, респонденты также называли создание сетевым другом в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале тематического сообщения или ивента, посвященного активизму как общественному явлению (о не ключевой, но все же значимости данного сетевого события заявили 60% участников опроса).

Еще 51% опрошенных согласились с тем, что не высокий, но определенно значимый «консолидационный вес» имеет публикация

в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале сетевым другом новости об актуальном общественном событии.

Примерно столь же консолидационно значимым участники опроса назвали публикацию в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале фото, видеозаписи, музыкальное произведение, посвященное активизму (49% опрошенных оценили это сетевое событие как малозначимое).

46% молодых респондентов признали некоторый, хотя и не существенный, консолидационный потенциал создания и распространения сетевыми друзьями в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале актуальной новости или информации о том или ином событии из жизни протестного сообщества.

Ре-публикация / «перепечатка» новости об актуальном событии из традиционных СМИ в сетевых ресурсах была квалифицирована большинством респондентов как скорее незначимая (49%) с точки зрения ее консолидационного потенциала.

Также как незначимая (51%) большинством участников опроса была оценена активная реакция сетевых друзей (в формате «лайков» или комментариев) на ту или иную информацию, представленную в сети интернет. Лишь 14% респондентов оценили такой вариант сетевой коммуникации как существенно значимый фактор протестной коммуникационной консолидации.

Оценка по 3-балльной шкале

(где «1» – «не значимо», «2» - «малозначимо», «3» – «существенно значимо»), консолидационной значимости сетевых событий, их потенциала и веса в качестве факторов, способных вывести активистов «на улицу», мотивировать их к реальным действиям
(Один каждого фактора, %)

	1 <i>не значи мо</i>	2 <i>малоз начим о</i>	3 <i>сущест венно значимо</i>
1.7. Создание сетевым другом в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале тематического сообщения или ивента, посвященного активизму как общественному явлению	23	60	17
1.8. Создание и распространение сетевыми	23	46	31

друзьями в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале актуальной новости или информации о том или ином событии из жизни протестного сообщества			
1.9. Создание и распространение сетевыми друзьями в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале сообщения о «возмутительных» событиях, преступлениях, правонарушениях, совершенных в том числе и представителями власти или иными	6	11	83
1.10. Активная реакция сетевых друзей (в формате «лайков» или комментариев) на ту или иную информацию, представленную в сети интернет	51	34	14
1.11. Активная реакция всего сетевого сообщества – не только сетевых друзей (в формате «лайков» или комментариев) на ту или иную информацию, представленную в сети интернет	26	34	40
1.12. Публикация в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале сетевым другом новости об актуальном общественном событии	26	51	23
1.13. Ре-публикация / «перепечатка» новости об актуальном событии из традиционных СМИ	49	34	17
1.14. Публикация в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале фото, видеозаписи, музыкальное произведение, посвященное активизму	37	49	14
1.15. Создание в социальной сети, мессенджере тематической группы (тематического телеграмм-канала), посвященной активистской тематике, вхождение в такую группу, приглашение группу сетевых друзей	20	40	40
1.16. Прямой призыв в интернете, социальной сети, мессенджере, телеграмм-канале активным несетевым – то есть реальным – действиям со стороны сетевых друзей	20	34	46

Список литературы

1. *Andersson A., Andersson D.* Gateways to the Global Economy // Journal of Housing and Built Environment. 2002. №17(2). pp. 199-201.
2. *Antonovsky A.* Technologies of the Electoral Process: A Field Study of the Possibility of Informative Communication // Russian Studies in Philosophy. 2017. Vol. 55. Iss. 1. P.37-48.
3. *Benjamin W.* Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. 1935.
4. *Bennett W.L., Segerberg A.* The logic of connective action // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15. № 5. P. 739–768.
5. *Blumer H.* Collective Behavior // Principles of Sociology / Ed. by A.M. Lee. N. Y.: Barnes and Noble, 1969. P. 67–121.
6. *Brouillette M.* Viral ‘fossils’ in our DNA may help us fight infection // [Электронный ресурс]: Sciencemag.org. 2016. March 3. URL: <http://www.sciencemag.org/news/2016/03/viral-fossils-our-dna-may-help-us-fight-infection>
7. *Buchanan J.M., Tullock G.* The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. 1962.
8. *Castells M.* Communication Power. Oxford, New York: Oxford University Press. 2009. 571 p.
9. *Castells M.* The power of identity. Oxford: Wiley-Blackwell, 2004. 584 p.
10. *Castells M.* The power of identity. Oxford: Blackwell, 1997. 560 p.
11. *Chuong E.B. et al.* Regulatory evolution of innate immunity through co-option of endogenous retroviruses // Science. 2016. Vol. 351. Issue 6277. Pp. 1083-1087
12. *Coleman J.* Weber and the Protestant Ethic // Rationality and Society. 1989. No. 1. P. 291–294.
13. *Crossley N.* Making Sense of Social Movements. Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 2002. 220 p.
14. *Easley D., Kleinberg J.* Networks, Crowds, and Markets: Reasoning About a Highly Connected World. New York: Cambridge University Press. 2010. 744 p.
15. *Eyerman R., Jamison A.* Social Movements. A Cognitive Approach. Camb.: Polity Press, 1991. 190 p.
16. *Foerster H. von.* Objects: tokens for (eigen-) behaviors Observing Systems. Seaside. 1981. P. 274–285.

17. *Fuchs Ch.* The Self-Organization of Social Movements // Systemic Practice and Action Research. 2005. Vol. 19. No. 1. P. 101–137.
18. *Gerbaudo P.* Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism. London: Pluto Books. 2012. 208 p.
19. *González-Bailón S., Wang N.* (2016) Networked discontent: The anatomy of protest campaigns in social media, Social Networks. 2016. Iss. 44. pp. 95–104
20. *Gould R.* Power and social structure in community elites // Social Forces. 1989. Vol. 68, № 2. P. 531–552.
21. *Habermas J.* Protestbewegung und Hochschulreform. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1969. 270 S.
22. *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. Vol. II: Lifeworld and System: a Critique of Functionalist Reason / Trans. by Th. McCarthy. Boston: Beacon Press, 1987. 457 p.
23. *Habermas J.* Protestbewegung und Hochschulreform [nach diesem Titel suchen]. Suhrkamp, Frankfurt/Main. 1969. 270 s.
24. *Hull D. L.* The Metaphysics of Evolution. Albany: SUNY Press. 1989.
25. *Japp K. P.* Soziologische Risikotheorie. Muenchen, 1996.
26. *Japp K.P.* Selbsterzeugung oder Fremdverschulden. Thesen zum Rationalismus in den Theorien sozialer Bewegungen // Soziale Welt. 1984. No. 35. S. 313–329.
27. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical and Democratic Politics. London, New York: Verso. 1985. 240 p.
28. *Luhmann N.* Interaktion, Organization, Gesellschaft // Soziologische Aufklärung. Springer. 1972. Band 2. S. 9–20.
29. *Luhmann N.* Protest. Systemtheorie und soziale Bewegungen (Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft). Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 1996. 216 s.
30. *Luhmann N.* Systemtheorie und Protestbewegungen // Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen. 1994. No. 2. S. 53–69.
31. *Lummann N.* Die Kunst der Gesellschaft. Suhrkamp. 1997.
32. *McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N.* Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings. Cambridge: Cambridge University Press. 1996. 446 p.
33. *Melucci A.* The symbolic challenge of contemporary movements // Social Research. 1985. Vol. 52. No. 4. P. 789–815.

34. *Meyer D.S.* Protest and political opportunities // *The Annual Review of Sociology*. 2004. Vol. 30. P. 125–145.
35. *Monge P.R., Contractor N.S.* Theories of Communication Networks. Oxford: Oxford University Press. 2003. 432 p.
36. *Newman M.* Networks. An Introduction. Oxford: Oxford University Press. 2010. 784 p.
37. *Offe C.* New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics // *Social Research*. 1985. Vol. 52. № 4. Pp. 817-867.
38. *Opp K.-D.* Der 'Rational Choice'-Ansatz und die Soziologie sozialer Bewegungen // *Neue Soziale Bewegungen*. 1994. Iss. 2. pp. 11-27.
39. *Opp K.-D., Gern C.* Die volkseigene Revolution. Stuttgart, 1993.
40. *Rogers E.M.* Diffusion of Innovations. New York: Free Press, 2003. 551 p.
41. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990. 480 p.
42. *Sztompka P.* Jenseits von Struktur und Handlung. Auf dem Weg zu einer integrative Soziologie sozialer Bewegungen // *Forschungsjournal Neue soziale Bewegungen*. 1994. No. 2. S. 70-80.
43. *Tilly C.* Social Movements, 1768–2004. L.: Routledge, 2004. 262 p.
44. *Touraine A.* An introduction to the study of social movements // *Social Research*. 1985. Vol. 52. No. 4. P. 749–787.
45. *Tufekci Z., Wilson C.* Social media and the decision to participate in political protest: observations from Tahrir Square // *Journal of Communication*. 2012. № 62 (2). P. 363–379.
46. *Van Dijk Jan.* The Network Society. Social Aspects of New Media. L.; Sage, 2006. 272 p.
47. *Van Dijk Jan.* The Deepening Divide: Inequality in the Information Society. California; Sage Publications, 2005. 240 p.
48. *Wasserman S., Faust K.* Social Network Analysis: Methods and Applications (Structural Analysis in the Social Sciences). Cambridge: Cambridge University Press. 1994. 857 p.
49. *Антоновский А.Ю.* Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // *Вопросы философии*. 2017. № 7. С. 158-171.
50. *Антоновский А.Ю.* Никлас Луман. Эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФРАН, 2007. 135 с.

51. *Антоновский А.Ю.* Общество как теоретический объект. Эмерджентизм социальной теории vs. редукционизм естественных наук // *Философия науки*. 2014. Т. 19. С. 80–100.
52. *Антоновский А.Ю.* Понимание и взаимопонимание в научной коммуникации // *Вопросы философии*. 2015. № 2. С. 45–57.
53. *Антоновский А.Ю.* Социоэпистемология. О пространственно-временном и коллективно-личностном понимании общества. М.: Канон, 2011. 400 с.
54. *Антоновский А.Ю.* Телекоммуникации - коммуникационные медиа современных обществ // *Его же. Коммуникативная философия знания*. М. ИФРАН. 2015. С. 76–98.
55. *Антоновский А.Ю., Бараиш Р.Э.* Системно-коммуникативные исследования социальных движений // *Философский журнал*. 2018. № 2. С. 91–105.
56. *Антоновский А.Ю., Бараиш Р.Э.* Социальная философия протеста // *Философский журнал*. 2018. № 2.
57. *Антоновский А. Ю.* Эволюционный подход к развитию науки // *Epistemology & Philosophy of science*. 2017. № 2. С. 201–217.
58. *Бараиш Р.Э. и др.* «Истина» и «власть» как категории социальной философии // *Мониторинг общественного мнения*. 2017. №5. С. 120—134.
59. *Бараиш Р.Э.* Истина и власть как категории социальной философии // *Мониторинг общественного мнения*. 2017. Том 141. № 5. С. 105–119.
60. *Бараиш Р.Э., Антоновский А.А.* Коммуникативная философия радикального протеста. // *Вопросы философии*. 2018. № 9. С. 27–38.
61. *Бараиш Р.Э., Антоновский А.Ю.* Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест // *Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 56. № 2. С. 18–33.
62. *Бараиш Р.Э., Антоновский А.Ю.* Социальная философия протеста // *Философский журнал*. 2017. № 2.
63. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005. 390 с.
64. *Докинз Р.* Эгоистичный ген. М., АСТ: CORPUS. 2013. 512 с.
65. *Зиммель Г.* Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М. Юрист. 1996. 607 с.
66. *Йоас Х., Кнебль В.* Социальная теория. 20 вводных лекций / Пер. с нем. К.Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2011. 840 с.
67. *Касавин И.Т.* Зоны обмена как предмет социальной философии науки // *Эпистемология и философия науки* 2017. Т. 51. № 1. С. 8–17.

68. *Касьянова Ю.А.* Типы демотиваторов в современном социальном дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 24-35.
69. *Лекторский В.А. и др.* Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 3-37
70. *Луман Н.* Невидимизация: "unmarked state" наблюдателя. Самоописания // Логос. 2009. С. 262.
71. *Луман Н.* Общество общества. М. 2011.
72. *Луман Н.* Эволюция науки (перевод с немецкого) // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 215–233.
73. *Луман Н.* Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.
74. *Луман Н.* Истина, знание, наука как система / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Логос, 2016. 410 с.
75. *Луман Н.* Эволюция науки // Epistemology & Philosophy of Science. 2017. Том. 52. № 2. С. 215-233.
76. *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М. Юрист. 1994. 700 с.
77. *Момджян К.Х. и др.* Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 17-42.
78. *Момджян К.Х., Подвойский Д.Г., Кржезов В.С., Антоновский А.Ю., Бараиш Р.Э.* Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 17–42
79. *Пружинин, Касавин 2017 – Пружинин Б.И., Касавин И.Т. и др.* Коммуникации в науке. Эпистемологические, социокультурные и инфраструктурные аспекты // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 23-57.
80. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М., 2014. 328 с.
81. *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. М. Культурная революция. 2006. 559 с.
82. *Хюбнер К.* Нация: От забвения к возрождению / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Канон+; Реабилитация, 2001. 399 с.
83. *Шлейермахер Ф.* Из сочинения «Нечаянные мысли о духе немецких университетов» // Эпистемология и философия науки. 2018. Т.55. № 1. С. 215-235.
84. *Штомпка П.* Справедливость [Гл.] // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. №6. С. 381—399.

85. *Штомпка П.* Справедливость [Гл.] / пер. с пол. А.А. Зотов//Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 381—399. Гл. из кн.: *Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości*/pod red. Małgorzaty Boguni-Borowskiej. Kraków: Znak, 2015. P. 232—250. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.21.

НАШИ АВТОРЫ

Бараиш Раиса Эдуардовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

Момджян Карен Хачикович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории МГУ имени М.В. Ломоносова.

Антоновский Александр Юрьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН,

Ивахненко Евгений Николаевич, доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Труфанова Алена Игоревна, доктор философских наук, руководитель сектора теории познания Института философии РАН.

Сидорина Татьяна Юрьевна, доктор социологических наук, профессор НИУ – Высшая Школа Экономики

Ефремов Олег Анатольевич, кандидат философских наук, доцент философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,

Кржегов Владимир Сергеевич кандидат философских наук, доцент философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,.

Родин Андрей Вячеславович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник НИУ – Высшая Школа Экономики

Сегал Александр Петрович, доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Щербакова Елизавета Валерьевна кандидат философских наук, старший преподаватель философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Погожина Наталья Николаевна, кандидат философских наук, доцент философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Дряева Элла Давидовна, старший преподаватель философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения

Монография

Ответственный редактор: Момджян К.Х.

Научный редактор и составитель: Бараш Р.Э.

Компьютерная верстка: Хусяинов Т.М.

Дизайн обложки: Урусова Е.А.

Тексты печатаются в литературной редакции авторов.

Подписано в печать 30.05.2020.

Формат 60x84 1/16.

Гарнитура «Times».

Уч.-изд. л. 15,7. Усл. печ. л. 15,5.

Тираж 500 экз. Заказ.

Издательство «Русское общество истории и философии науки»

105062, Россия, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, комн. 2.

E-mail: info@rshps.ru

Официальный сайт издательства: www.rshps.ru

Отпечатано в полном соответствии с представленным

электронным оригинал-макетом

в ООО "Юникопи"

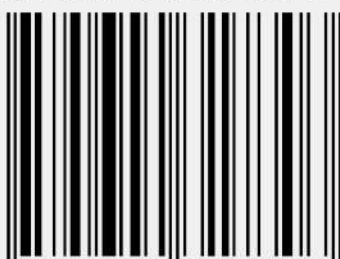
603000, Россия, Нижний Новгород, Нартова ул., д. 2В

Тел. +7 (831) 283-12-34.

Протестные и радикальные движения (New Social Movements) формируют и заполняют собой новостную повестку, если не федеральных российских СМИ, то, по крайней мере, событийное пространство интернета. Феминистский и экологический протест, антиглобализм, волонтерские движения в защиту животных и радикальные движения болельщиков и т.д. реагируют практически на любое решение политического и хозяйственного истеблишмента, будь то строительство предприятия или федеральной трассы, открытие новой свалки или решение об ограничении прав усыновления. Однако трансформация этих социальных движений, очевидно связанная со взрывным развитием интернет-сетей, существенно подорвала значительные теоретические достижения социальных наук в интерпретации этих новых форм коммуникации, закрыв от глаз наблюдателей внутренние механизмы и сделав по сути непредсказуемыми и непрогнозируемыми несетевые выплески социально-сетевой активности.

В монографии ставятся вопрос о том, сохраняет ли протестный активизм в его социально-сетевом проявлении инвариантные черты протеста как обособленной коммуникативной системы, получившей устойчивые коммуникативные формы, идеологию и институциональную структуру еще в 60-ых годах прошлого века? Или же на наших глазах возникает принципиально новая форма коммуникации, существенно отличная, как от традиционных макросистем (политики, хозяйства, науки), так и от классических протеста и активизма?

ISBN 978-5-6043173-0-3

9 785604 317303